

ББК ТЗ (2р5)

Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941.
Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1997.

ISBN 5-7692-0074-8

Настоящее издание представляет собой исследование характера и основных этапов репрессивной сталинской политики в условиях Сибири. Предпринята попытка восстановить обобщенную картину карательных действий большевистского режима в отношении различных групп населения и оппозиционных сил; исследуется процесс формирования системы ГУЛАГа. Специальные разделы монографии посвящены анализу развития террора в Сибири в 1937–1940 гг.

Рецензенты: докт. ист. наук В.И. Исаев,
докт. ист. наук И.С. Кузнецов

Выпущено Издательством
Сибирского отделения
Российской академии наук.
Лицензия ЛР 020909 от 01.09.94 г.
Издательский код 98E(03).

© Папков С.А., 1997 г.

ВВЕДЕНИЕ

Долгие годы российскому обществу, лишенному собственного голоса, было отказано в праве иметь правдивую информацию о злодеяниях сталинского режима. Для специальных исследований эта тема десятки лет оставалась фактически закрытой. Большая часть уцелевших источников находилась под запретом, а так называемая «официальная историография» пыталась увести общественное мнение от сути проблемы в область «критики культа личности Сталина».

Разоблачив на XX съезде КПСС «культ личности», советское партийное руководство постаралось утвердить в общественном сознании наименее опасную для себя версию событий 30-х годов. Критика политики террора сосредоточилась лишь на отдельных эпизодах, затрагивавших судьбы правящего советского слоя – партийных, хозяйственных и военных руководителей. В то же время остальные потери советского общества, как со стороны оппозиционных сил, церкви, отдельных социальных слоев, а также жертвы, понесенные населением в ходе коллективизации и чисток, следовало признавать вполне оправданными.

Пока историческая наука в Советском Союзе оставалась инструментом политики, общество не могло рассчитывать на иные оценки.

Настоящий прорыв информационной блокады и объективное изучение новых фактов стали возможны лишь с середины 80-х годов, в результате известных политических перемен.

Латинское слово «террор» (страх, ужас) толковые словари трактуют как политику устрашения и подавления политических противников насильственными мерами. Применительно к советской истории 30-х годов, это определение будет не совсем точным.

Сталинский террор – явление особого порядка. Его невозможно поставить в один ряд с такими историческими прецедентами, каким был, например, террор времен гражданской войны в России. Тогда столкновение враждующих сторон достигало крайних пределов, и физическое уничтожение противника могло рассматриваться как последнее средство в борьбе за выживание. Террор, организованный сталинцами, был совершенно другого рода. Вслед за известным исследователем эпохи, британским историком Робертом Конквестом, создавшим яркий и талантливый труд о большом терроре¹, можно утверждать, что сталинские карательные кампании не вызывались какими-либо чрезвычайными обстоятельствами внутри страны или на международной арене. Удары репрессивной машины носили характер заранее спланированных кампаний. Они начинались внезапно, по сигналу из центра, и проводились как тайные операции, когда режиму Сталина объективно ничего не угрожало.

Своеобразие состояло и в выборе противника. Акции уничтожения не были направлены против какой-либо одной стороны – их объектом являлось все советское общество, каждый его слой, каждая общественно-политическая группа, включая правящую коммунистическую партию. В момент наивысшего развития террора иммунитетом не пользовался никто, и в этом смысле было достигнуто почти полное равенство граждан перед опасностью потерять свободу или жизнь. Такое широкое применение карательной политики, характерное для периода 30-х годов, было обусловлено многими обстоятельствами. Но основной источник заключался в самом характере большевистского реформаторства.

Захватив государственную власть в октябре 1917 года, Ленин и его партия установили суровую диктатуру. Диктатура была объявлена «высшей формой демократии». С помощью диктатуры вожди большевизма надеялись осуществить историческую задачу – создать коммунистическое, т.е. бесклассовое общество на принципах самоуправления. Поскольку переход к социализму представлялся процессом неопределенно долгого времени, диктатура, как власть, стоящая над обществом и законом, должна была играть роль главного инструмента в руках

партийной верхушки. «Научное понятие диктатуры, – учил Ленин, – означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть. *Не что иное, как это*, означает понятие: «диктатура», – запомните хорошенько...»².

Чтобы советская диктатура сохраняла силу и максимальную эффективность в проведении преобразований, Ленин считал необходимым сосредоточить ее полномочия в руках «отдельных лиц». Это тоже считалось проявлением демократии. Как писал Ленин: «...решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет*»³.

В ходе отчаянной борьбы за существование, которую партия выдержала в период гражданской войны и иностранной интервенции, насилие и террор стали частью государственной политики.

Сталину не потребовалось изобретать ничего нового. Он просто унаследовал то, что было создано до него другими. Еще до его восхождения на вершину власти была организована советская тайная полиция и широко внедрены в практику способы несудебной расправы с инакомыслием, создана сеть секретного осведомления и отработаны многочисленные методы устранения политических противников. На всех уровнях управления и даже в самой партии поощрялось доноительство.

В мае 1922 года, в известном письме к Д.И. Курскому, Ленин потребовал узаконить террор. Он писал: «В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. ... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть и оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас»⁴.

У большевиков вообще и у сталинцев в частности отношение к насилию и массовому террору как его разновидности определялось прежде всего прагматическими задачами. Вопрос о количестве возможных жертв был вопросом не морали («морально все, что служит делу революции», — утверждает кодекс большевика), а всего лишь проблемой цены, которую необходимо заплатить за конкретную цель. Чем выше поставленная цель, тем больше жертв она может потребовать от исполнителей. Ясно, что с этой точки зрения сталинская диктатура и ее методы мало чем отличались от всякой другой.

Не следует, однако, думать, что зло заключалось только в созданной большевиками системе. В конечном счете в любой политике все зависит от конкретных людей и их личной ответственности за те или иные поступки.

Сталин был мало похож на своего учителя. Представляя собой тип безжалостного и неумолимого тирана, он не знал никаких моральных ограничений. Подвластное население страны являлось для него всего лишь «человеческим материалом», своего рода дополнением к той сложной государственной машине, которой он овладел как единоличный хозяин. Постоянно ломая и перестраивая эту машину, Сталин одновременно ломал и уничтожал целые группы населения. Слои за слоями он убирал со своего пути, продвигаясь к цели создания всеохватывающего государства-общества, пока наконец не добрался до партии. Партия оставалась последним препятствием в завершении строительства новой системы. В государстве того типа, к которому стремился Сталин, не было места ни «коллективному руководству», ни авторитетам, сопоставимым с авторитетом верховного правителя. Вождь, партия и государство должны были слиться воедино как закономерный результат развития революции. И Сталин, как человек и политик особого склада, прибег к самому радикальному способу: он уничтожил подавляющее большинство старых партийных кадров, оставив рядом только раболепных выдвигенцев.

Настоящее исследование посвящено выяснению основных мотивов и главных периодов репрессивной сталинской политики в условиях Сибири. Понятие «Сибирь» в данном случае использовалось условно. Как правило, в эти географические

рамки включались современные территории Западной и Восточной Сибири — от Омской области до Байкала. Но в отдельных случаях, где этого требовала логика исследования, в общем анализе использовался материал и по Дальнему Востоку.

Хронологически исследование охватывает не весь период правления Сталина, а ограничивается рамками 1928–1941 гг. Такой выбор продиктован несколькими причинами. Во-первых, данный период представляет собой в известном смысле законченный этап советской истории, в течение которого были осуществлены главные социальные мероприятия режима и пройдены основные этапы репрессивной политики. Во-вторых, динамика террора и его масштабы в эти годы были особенно впечатляющи, и результаты более детального их изучения могли бы составить несколько самостоятельных изданий.

Источниками написания работы послужили материалы партийных и государственных архивов Сибири и дальневосточных регионов, а также весьма ценные документы архивов ФСБ и МВД Российской Федерации. Стоит заметить, что неоднократные фильтрации и уничтожение многочисленных документов в архивах партии и спецслужб, проводившиеся с 40-х по 80-е годы, несомненно, ослабили источниковую базу. И все же сохранившиеся объемы информации позволяют составить ясное представление о событиях интересующей нас эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роберт Конквест. Большой террор. Пер. с англ. Флоренция. 1974. С. 17.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.

³ Там же. Т. 36. С. 199.

⁴ Там же. Т. 45. С. 190.

ГЛАВА I. ПРЕЛЮДИЯ ТЕРРОРА

События 1928–1929 годов – своеобразный рубеж в политической истории Советской России. Эти события заключают в себе целую цепь драматических перемен, радикально изменивших картину политической жизни и направление общественного развития в стране.

В эти годы большевистское руководство, одержимое идеей ускоренного индустриального роста, резко изменило методы социального переустройства общества. После нескольких лет относительно спокойного, эволюционного развития в рамках нэпа сталинская группировка сделала ставку на насильственные изменения. Репрессивно-карательные меры против различных политических и общественных сил вновь были поставлены на службу интересам власти.

Возобновление карательных действий против крестьянства, физическая расправа с «левой» (троцкистской) оппозицией в рядах ВКП(б), разгром и изоляция «правого уклона» – таковы были основные внешние признаки, возвестившие наступление одного из самых трагических периодов советской истории.

1. ОТКРЫТИЕ «ХЛЕБНОГО ФРОНТА»

Для нас, большевиков, нет интересов Сибири, интересов Кавказа, Украины. Для нас интересы революции в целом – прежде всего и выше всего.

Эйхе, 1930 г.

Непосредственной причиной, подтолкнувшей власть к расширению репрессивной политики, стали экономические

осложнения в стране, главным образом в сфере продовольственного снабжения. Несмотря на все попытки большевиков организовать рыночную экономику по своим особым меркам, их усилия на этом поприще оказались малоэффективными. В течение всего нэповского периода провалы следовали один за другим, пока наконец советская хозяйственная система не зашла в тупик. Произошло то, что рано или поздно должно было произойти. К концу 1927 года большевистский полурынок, обслуживавший скорее политику, чем экономику, пришел в совершенное расстройство. Созданный им хозяйственный механизм не обеспечивал и минимальных потребностей государства в зерновой продукции. Поступления из деревни резко сократились ввиду того, что главное действующее лицо – крестьянство – перестало поставлять свой хлеб по ценам, предлагаемым правительством, ожидая лучших условий в отношении спроса.

Тревожные сигналы с рынка большевистское руководство восприняло в привычной для него манере. Оно решило силой отнять хлеб у крестьян. Полагая, что некоторое отступление от принципов провозглашенного ими нэпа не может повредить развитию отношений с крестьянством, вожди партии постановили принять «временные чрезвычайные меры», чтобы с их помощью поправить положение с хлебом.

Самым решительным сторонником насилия выступал Сталин. В первых числах января 1928 года он стал рассылать местным партийным работникам секретные телеграммы, в которых потребовал «применять немедленно жесткие кары». «Особые репрессивные меры, – указывал он, – необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих сельскохозяйственные цены»¹. И пояснял:

«Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен. Только при такой политике середняк поймет, что перспектива повышения цен на хлеб

¹ Примечания даны в конце каждого параграфа.

есть выдумка спекулянтов, что спекулянт и кулак есть враг советской власти...»².

В телеграмме 14 января 1928 года генсек отметил особое значение Урала и Сибири в хлебозаготовках. Он подчеркивал: «нажим нужен здесь отчаянный, так как это последний резерв». Сталин изображал положение как критическое и добивался, чтобы местные функционеры понимали это именно так. Перед лицом угрожающих обстоятельств любое насилие могло выглядеть законной революционной мерой, вполне оправданной в глазах всякого правоверного коммуниста.

В середине января генеральный секретарь сам выехал в Сибирь, чтобы продиктовать крестьянам условия поведения на рынке. В течение нескольких недель он разъезжал по городам и сельским районам края, выступал на разных собраниях, заседаниях, встречах, наблюдал и оценивал ход событий на «фронте хлебозаготовок».

Метод переговоров с обладателями зерновых запасов, с самого начала предложенный умеренными партийцами, Сталиным был категорически отвергнут. Заявляя, что крестьяне «не так поняли новую экономическую политику, как нужно было бы ее понимать», он насмеялся над теми, кто искал выход из кризиса в усилении товарообмена. Генсек признавал полезными совсем другие способы. Сибирским коммунистам он терпеливо разъяснял:

«Аргументация силовая имеет такое же значение, как аргументация экономическая, а иногда она имеет даже большее значение, когда портят рынок, всю нашу экономическую политику стараются повернуть на рельсы капитализма, на что мы не пойдем»³.

Для тех, кто сомневался, что между рынком и насилием существует прямая связь, Сталин приводил живые примеры. Он ссылаясь на недавний опыт хлебозаготовок на Украине.

«Вот как обернулось дело, — говорил он. — По голове скупщиков ударили, а рынок уже оздоровился. ...т.е. заготовки поднялись в 2 раза. То же самое наблюдается и по центральным губерниям: было около 500–600 тыс., а теперь заготавливают около полутора миллионов. (...) От этих фактов не уйдешь, и они опровергают ваши предположения, а следова-

тельно, подтверждают то, что наши меры оказались даже более действительными*, чем мы думали. Значит, пружину у рынка мы уловили, как раз в точку ударили и этим хлебозаготовки подняли»⁴.

Принципы такой политэкономии предстояло теперь распространить и в Сибири.

По требованию Сталина принят был следующий план: в основных зерновых районах немедленно организовать энергичную карательную акцию против «злостных держателей хлеба» с привлечением их к уголовной ответственности как преступников. Для возбуждения против них уголовных дел договорились использовать «законное» основание — 107 статью Уголовного Кодекса РСФСР, разрешавшую арест владельцев хлеба и конфискацию у них «излишков» по мотивам «злостного повышения цен на товары путем скупки, сокрытия или не выпуска таковых на рынок»⁵.

Сталин настоял также, чтобы карательная кампания осуществлялась не скрытыми операциями отрядов ГПУ, как планировали местные руководители, а с максимальной гласностью — с прокурорскими санкциями, показательными процессами и газетной пропагандой. Он предпочитал действовать открыто, даже демонстративно. Ему нужен был публичный эффект, чтобы запугать одновременно всех крестьян, заставить их признать, что у них нет иного выхода, как подчиниться ультиматуму властей.

Сталин позаботился и о деталях задуманной им кампании. С его участием в Сибкрайкоме были подготовлены особые указания местным работникам в виде секретного циркуляра: проводить расследование по «кулацким» делам «в течение суток, а в исключительных случаях — не более чем в трехдневный срок»; слушать дела без участия обвинения и защиты, «допуская таковые только лишь в случае необходимости устройства, по решению тройки, широкого показательного процесса», утверждать все приговоры, не смягчая их и не удовлетворяя кассационных жалоб⁶.

* Так в тексте.

Р.И. Эйхе, С.И. Сырцов,
В.Н. Кузнецов. Июнь 1929 г.

Таким образом, вся «революционная законность», созданная энпом, безжалостно разрушалась под натиском тех требований, которые Сталин решил предъявить крестьянству.

Но сталинские планы простирались гораздо дальше простого намерения отобрать хлеб у зажиточных. Куда важнее было устранить главное препятствие для овладения хлебом в буду-

щем — самих сельских хозяев с их независимостью.

На совещании в Сибкрайкоме 20 января сталинская речь о перспективах развития деревни прозвучала как приговор единоличным хозяйствам. Было определено заявлено, что «линия развития кулака» не имеет никаких шансов на будущее. «...путь дальнейшего укрепления, дальнейшего развития единоличных кулацких хозяйств — путь, который для нас закрыт»⁷.

Оставалось таким образом последнее лекарство для деревни — колхозы. «Других путей, кроме объединения мелких и мельчайших хозяйств в крупные коллективные хозяйства, нет. При советском режиме не существует других путей», — заключил Сталин.

В деревне между тем сотни вооруженных партийцев начали инвентаризацию имущества зажиточных крестьян и изъятие «излишков». Уже в январе 1928 года кампания хлебозаготовок представляла собой обычную продрозверстку. Повальные обыски, облавы, запреты на торговлю, конфискация скота, сельхозмашин и крестьянского барахла внезапно вернули сибирскую деревню к 1920–1921 годам.

Большинству крестьян был нанесен очень сильный психологический удар. Сельские хозяева, успевшие привыкнуть к определенным советским гарантиям, неожиданно обнаружили,

что никаких гарантий больше не существует. Отныне власти запрещают земледельцам распоряжаться плодами своего труда и требуют сдавать продукцию по «твердым ценам». Кто был не согласен — у того отнимали силой и сажали по 107 статье.

Свободная торговля была поставлена под контроль. Если крестьянин попадался на продаже зерна выше госцены в 1,2–1,3 рубля за пуд, он тут же становился добычей ГПУ или милиции.

С нормами изымаемых «излишков» никто не считался. Политбюро лишь сделало вид, что устанавливает некие общие правила, допускающие конфискацию у обладателей запасов не менее двух тысяч пудов. Реально же таких хозяев в Сибири были единицы, поэтому со своим хлебом должны были расстаться те, кого принято было считать середняками. Так и происходило: отнимали последние 50 и 60 пудов, а самих «злостных держателей» отправляли за решетку.

Один из главных сталинских «заготовителей» в Сибири, С.И. Сырцов, так разъяснял подчиненным методологию хлебозаготовок:

«Мы этих крупных держателей, как общее правило, сейчас не имеем, и если бы мы приняли в голой форме, просто провели бы резолюцию ЦК, мы закрыли бы возможность дальнейшего применения 107 статьи. ...нет опасности в том, что организации будут применять 107 статью, не ограничивая себя рамками политбюровских 2000 пудов. ...Важно не то, каким количеством пудов хлеба располагает кулак для срыва рынка, нашего плана, а важны те возможности, которыми он сможет оказать влияние на всю деревню.

Если кулаку удалось разбазарить свои запасы — это не значит, что мы его не можем трахнуть 107 статьей. Мы не закупаемся от применения к кулаку уголовного кодекса в целом. Если бы мы стали думать, что существует одна 107 статья, мы заранее бы себя разоружили. Мы должны все силы обрушить против врагов пролетариата»⁸.

В феврале Сырцов и Эйхе телеграфно докладывали Сталину: «Четвертая пятидневка дала 3767 тысяч пудов. (...) Итоги репрессии: на 20 февраля арестовано 1054 чел., из них по 107 статье — 920»⁹.

Через две недели — новая сводка: «арестовано около 1400 человек. Процессы по 107-ой продолжаются, привлекаем держателей и кулаков, не придерживаясь нормы письма ЦК...»¹⁰.

Бесцеремонность в действиях властей в деревне привела крестьян в крайнее замешательство. Многие из них растерялись и не могли понять, чем вызвано резкое изменение политики властей. Поползли слухи о готовящейся войне и предстоящем голоде. Но когда выяснилось, что «советская власть зажиточных не любит» и рассчитывает попросту отнять у них хлеб, деревня начала быстро приспосабливаться. Хлеб стали укрывать всеми доступными способами: раздавали по родственникам и соседям, передавали на хранение бедноте и семьям красноармейцев, используя их относительную неприкосновенность, перемальывали зерно на муку.

На крестьянскую изворотливость власти ответили еще большим ожесточением. В апреле 1928 года Политбюро потребовало «усилить нажим на кулацкую часть и частников, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба, применяя к ним директивы ЦК по 107 статье УК»¹¹.

На деревню набросилась новая орда «уполномоченных» и «заготовителей». К лету почти весь товарный хлеб из крестьянских амбаров был выметен и, казалось, брать больше нечего. Однако из Москвы потребовали продолжить изъятия.

На строгие директивы Политбюро Сырцов попытался осторожно возражать. Он стал уверять Сталина, что все крестьянские запасы исчерпаны, и даже для снабжения сибирских городов продуктов не хватает.

«...настоящий период кампании, — сообщал он, — характеризуется значительным обострением на внутрисибирском хлебном рынке, обострением недовольства тарифицированного населения городов и деревенской бедноты на почве полного или частичного недоснабжения этих групп населения продовольственным хлебом. (...) Наблюдается повсеместно сильный рост рыночных цен на хлеб ...крупного спекулянта хлебом на рынке нет. Один-два мешка — вот обычные партии купли-продажи.

Излишки хлеба у верхних слоев крестьянства, несомненно, еще имеются, но крупных запасов в отдельных хозяйствах,

как правило, нет. Именно этим объясняется то обстоятельство, что 107 статью теперь применять гораздо труднее, чем в разгар кампании»¹².

Но у Сталина были свои соображения. Ему нужен был хлеб, а не оправдания, и взять его требовалось любой ценой. На укрепление «хлебозаготовительного фронта» он командует в Сибирь двух контролеров из своего секретариата — С.В. Косиора и Поскребышева. Под нажимом этих агентов план хлебозаготовок для Сибири был увеличен еще на 5,5 миллионов пудов «вследствие невыполнения плана по другим районам Союза», а Сибкрайком вынужден был возобновить репрессивные меры против «кулаков и организаторов кулацких выступлений, срывающих хлебозаготовительную работу»¹³.

В мае-июне 1928 года чистка крестьянских амбаров достигла максимального размаха. Поскольку владельцы крупных запасов уже были разорены и посажены, основная тяжесть заготовок перешла на «классово-близких» — середняков и бедняков. Основанием для новых арестов и конфискации служило теперь не количество хранимого зерна, а «злостность» держателя. Чаще всего она выражалась в раздаче хлеба односельчанам в долг или бесплатно, сокрытии и скупке зерна, в попытках утаить «излишки» при содействии должностных лиц.

Насилие и произвол опять приняли повсеместный характер. У части крестьян были отняты последние припасы. Местные партийные отряды устраивали облавы, создавали вооруженные заставы на дорогах, чтобы не допустить вывоза хлеба в города. Были, наконец, и неординарные случаи, как в Каменском округе, где один из уполномоченных 10 дней держал под арестом все село, добиваясь выполнения продрозверстки¹⁴.

Крестьяне, казалось, были близки к всеобщему бунту. Повсюду слышался ропот и клокотала ненависть мужиков, но взрыва не произошло. Крестьянский протест проявлялся лишь отдельными вспышками ярости наиболее пострадавших и словесным выражением недовольства. Самыми отчаянными поступками стали ночные поджоги сельских правлений, хождение возбужденной толпой к «начальству» и стихийные женские сборища с требованиями выдачи хлеба.

Случаи массового неповиновения, однако, представляли собой редкое исключение. Так, в селе Агинское, Канского округа, развязные действия местных властей вызвали даже массовые стихийные беспорядки. Негодующая толпа крестьян, собравшаяся в базарный день, силой освободила из милиции арестованных односельчан. Краевое руководство Сибири признало, что причина волнения заключалась в «неправильной политике районного суда»¹⁵.

После решения июльского пленума ЦК ВКП(б) об отмене чрезвычайных мер атаки на крестьян временно прекратились. К этому моменту стали ясны некоторые результаты репрессий. По неполным данным в Сибири «за хлебозаготовки» было осуждено более 4000 крестьян и работников низового аппарата (сельских советов и кооперативов)¹⁶. Часть из них успела отсидеть в тюрьме по нескольку месяцев, а другая часть выпущена сразу в связи с началом новых сельскохозяйственных работ. К этим жертвам следует прибавить и тех, кто был репрессирован внесудебным порядком — в ходе операций ОГПУ «по изъятию частников-держателей хлеба». Согласно специальной инструкции ОГПУ лишь половина арестованных кулаков подлежала передаче в суды, все остальные отправлялись в концлагеря по решениям «троек» и Особого Совещания¹⁷.

Июльский пленум ЦК 1928 года принес деревне некоторую передышку. Под огнем критики со стороны правых во главе с Бухариным сталинцы не решились продолжать натиск на крестьян с такой жестокостью, как в зимние месяцы. Пока в Политбюро шла оживленная борьба за «генеральную линию» и исход ее оставался не ясным, они предпочитали маневрировать, делая вид, что подчиняются требованию правых не прибегать к использованию чрезвычайных мер.

С лета 1928 года, перед новым походом партии за хлеб, низовым организациям было предложено начать строить отношения с деревней как бы заново, вернувшись к «исключительно нормальным методам заготовок без применения каких-либо чрезвычайных мер»¹⁸. Теперь, по указанию ЦК, способом овладения крестьянским хлебом должно было стать «упорядочение хлебного рынка», «широкая и правильная раз-

яснительная работа», «энергичная работа по организации бедноты и середняцкого актива».

Разумеется, такой план, как результат чисто политического компромисса, мог осуществиться только на бумаге. С реальной действительностью он не имел ничего общего. Создавалась лишь иллюзия способности властей решать уговорами такие проблемы, которые уже решались насильем.

Всю вторую половину 1928 года сталинцы сохраняли сдержанность, оказывая на деревню лишь психологическое и экономическое давление. Были даже увеличены (на 15–20 %) закупочные цены на хлеб¹⁹, но на итоги заготовок это повлиять уже не могло. К началу 1929 года стало совершенно очевидным, что никакое бумажное «упорядочение рынка» не заставит крестьян добровольно уступить свой хлеб.

Продовольственные поставки, продолжавшие идти какое-то время самотеком, постепенно прекратились.

Партия снова оказалась перед выбором: либо насилие, либо признание полного политического банкротства. Даже бухаринцы в такой ситуации не могли больше настаивать на мирном исходе.

Надеясь избежать окончательного провала хлебозаготовок, Политбюро решает ввести в действие новый, более изощренный способ принуждения. На этот раз основная ставка делается на то, чтобы изъять продовольствие у зажиточных руками самих крестьян. Это должны были сделать малообеспеченные односельчане.

По замыслу кремлевского руководства право конфискации «излишков» теперь из рук администрации передавалось сельской «общественности». «Общественность», составленная из лиц, заинтересованных в разделе кулацкого хлеба (активисты и беднота), как бы «по собственной инициативе» должна была выделить «кулацкую верхушку» и назначить ей задание по сдаче хлеба. Все оставшееся сверх кулацкого задания следовало распределить между остальными хозяевами «в порядке самообязательства». Кроме того, определенная доля собранного продовольствия доставалась и самой «общественности» в качестве награды.

Таким образом, речь по существу шла о восстановлении того же порядка, который уже служил большевикам в 1918 году, позволив им удержать власть в критический момент.

В марте 1929 года по предложению Л.М.Кагановича новый способ выколачивания хлеба был утвержден на заседании Политбюро и получил значение директивы для Казахстана, Сибири и Урала²⁰.

Вслед за этим в Сибирь и Казахстан направили и самого Кагановича, чтобы на месте провести в жизнь метод «общественной инициативы».

Каганович прибыл в Новосибирск с готовыми рецептами. На заседании Сибкрайкома 27 марта по его предложению было решено использовать «общественность» как инструмент постоянного давления на кулаков. Каганович распорядился организовать в «отстающих» районах Сибири судебные процессы над кулаками и установить «систему ударных сел»²¹.

Метод «общественного воздействия», получивший официальное название «урало-сибирского», стал завершающим этапом разложения деревни. За ним начиналась открытая схватка — гражданская война.

Партия сделала все для того, чтобы деревня занялась самоистязанием. Повсеместно создавались группы лиц для организации «бойкота». Деятельность этих групп состояла в регулярных обходах кулацких дворов и устройстве различных «показательных мероприятий». Чаще всего «мероприятия» приобретали форму откровенного публичного издевательства и унижения кулака и его семьи. К домам и заборам «бойкотируемых» прибавляли «черные доски» — свидетельство общественного презрения — или таблички с надписями типа: «Здесь живет враг советской власти, злостный держатель хлеба». Ходили по селу с чучелами кулаков, символическими гробами, мазали ворота дегтем, устраивали церковные скандалы. Доходило до самых безобразных сцен, которые заканчивались тем, что мирные односельчане превращались в заклятых врагов.

Сибирский прокурор Лисин приводит следующие факты: «В начале апреля с.г. уполномоченный Сибкрайсоюза Гречанин в Минусинском округе, в селе Тесь, предложил ходить группами в дома к держателям, в которых нещадно произво-

дить курение табака, харкать на пол, приносить на обуви больше грязи. В сельском совете это одобрили. Разбились на несколько групп по 20—30 человек, потребительское общество выдало бесплатно для «окуривания» махорки... Группы ходили с черными досками с фамилиями держателей, входили в дом, усиленно курили, харкали на пол, сбивали на пол с обуви грязь, а затем шли в другой дом, прибыв у оставленного дома принесенную черную доску.

В другом селе того же округа такие обходы совершались целой демонстрацией в 150—200 человек с гармошкой и частушками: «Побьем кулака, разорим середняка». Имелись случаи обмазывания ворот дегтем...

В другом селе, Локоть, 10 марта вызвали на бедняцкое собрание нескольких кулаков, поставили их на скамейку и заставили бедняков плевать в глаза кулакам. За отказ плевать бедняков выводили из бедняцкого собрания»²².

Но самые важные акции все же проводил государственный аппарат. С весны 1929 года партия обрушила на головы кулаков новую карательную меру — 61 статью Уголовного кодекса. Цель ее состояла в том, чтобы не только изъять хлебные ресурсы, но и постепенно удушить экономически самостоятельных хозяев. Статья вводила так называемую «пятикратку», штрафование в пятикратном размере стоимости обложения «злостных держателей» с последующей распродажей их имущества. К исполнению этой меры опять привлекли «бедняцко-середняцкую общественность». За участие в «обуздании кулаков» Политбюро установило специальное вознаграждение — 25 % от реализации кулацкой собственности — на «помощь бедноте»²³.

После этого процесс насильственного раскрестьянивания и самоликвидации крепких хозяйств стал нарастать как снежный ком.

«По неполным данным 13-ти округов к маю 1929 года было описано около 8-ми тысяч хозяйств, в том числе более 4,2 тысяч, имущество которых распродано»²⁴. Органы ОГПУ арестовали несколько тысяч человек как «саботажников хлебосдачи», а также ликвидировали 43 «кулацко-антисоветские группировки»²⁵.

В телеграфных сообщениях руководителям Сибири Сталин твердил только об одной не дающей ему покоя проблеме — «усилении заготовок». Она звучала у него как заклинание. Он требовал, почти просил местных начальников, не ослаблять насилия и неизменно подчеркивал безвыходность ситуации. В меморандуме Сырцову и Эйхе от 11 марта 1929 года генсек общал:

«... Мы не можем ввозить хлеб, ибо валюты мало. Мы все равно не ввезли бы хлеба, если бы даже была валюта, так как ввоз хлеба подрывает наш кредит за границей и усугубляет трудности нашего международного положения. Поэтому надо обойтись без ввоза хлеба во что бы то ни стало. А сделать этого невозможно без усиления заготовок. У нас даже поговаривают о том, что в случае дальнейшего падения заготовок, взять из местных запасов необходимое количество хлеба. Можете из этого судить, до чего серьезно положение с хлебом.

Можно было бы мириться так или иначе с положением, если бы не было хлеба в стране. Но все утверждают, и это утверждение никем еще не опровергнуто, что хлеб есть в стране. Нужно только уметь его взять. (...)

Надо принять все законные меры обуздания спекулянтских и кулацких элементов для того, чтобы выполнить это задание. Другого выхода нет. Хлебный заем не дает выхода, так как на деле он обязательно должен выродиться в сплошную конфискацию. Это не годится. Нужно нажать на спекулянтско-кулацкие элементы деревни, используя все законные пути. Нужно всем вам разъехаться на места, мобилизовать все основные силы для усиления хлебозаготовок и остаться на местах до создания нового перелома в заготовках. Имейте в виду, что времени осталось вам мало. Имейте также в виду, что нам дорог теперь каждый новый миллион пудов...»²⁶

Сталин все еще рассчитывал обобрать крестьян с помощью законов, которые лежали у него в кармане.

Осенью 1929 года, огонь по кулацким позициям был открыт из всех «законных» орудий. Партия ввела в действие самые решительные способы принуждения в расчете окончательно сломить сопротивление имущих крестьян. 95420 хозяйств получили «твердые задания»²⁷.

В сентябре и начале октября прошло около 200 судебных процессов по 107 статье с преследованием за несанкционированную торговлю и сокрытие хлеба. Затем последовали кары за не сдачу зерна, неуплату долгов и пятикратного обложения, за контрреволюционную агитацию. С особой силой удары наносились по «кулацким авторитетам», наиболее влиятельным сельским хозяевам, в которых власти видели одну из главных причин своих затруднений в деревне. Эти люди почти повсеместно были арестованы и отправлены в лагеря особого назначения.

Судебно-следственные органы, аппарат ОГПУ работали с небывалым напряжением. Более половины сотрудников прокуратуры и суда безвылазно сидели в сельских районах, обеспечивая работу карательного конвейера по упрощенной процедуре. Сводки ОГПУ сообщали: с начала заготовительной кампании в Сибири по ноябрь 1929 года арестовано 4494 человека, из них кулаков — 3205²⁸.

В ноябре правительство перекрыло последние каналы, через которые крестьянская продукция могла ускользнуть из его рук. От лица прокуратуры оно объявило, что распродажа своего имущества, а равно передача его родственникам или соседям будут квалифицироваться как «мошеннические действия» и караться лишением свободы до пяти лет с конфискацией имущества. «Соучастниками в мошенничестве» объявлялись и те, кто осмеливался взять чужое имущество на хранение²⁹. Таким образом был получен еще один источник пополнения лагерей и тюрем.

Итоги схватки за хлеб 1929 года оказались беспрецедентными по своим масштабам и последствиям. Только по 61, «кулацкой», статье число осужденных составило 15317 человек. Наказанием для них стали лишение свободы, конфискация имущества и высылка по отбытии наказания в отдаленные районы³⁰.

Всего, по сведениям краевой прокуратуры, за 1929 год «в связи с проводимыми кампаниями» в Сибири в местах заключения оказались 23 тысячи человек, главным образом из крестьян и низовых сельских работников³¹. В это число не вошли 4,5–5 тысяч других жителей деревни, репрессированных ОГПУ

как наиболее опасные «спекулянтские» и «контрреволюционные элементы».

Но основные события были впереди. Все, что происходило до сих пор, представляло собой лишь прелюдию, подготовительную кампанию перед самой крупной и самой серьезной операцией из всех, когда-либо проводившихся Сталиным и его сообщниками.

В декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталин заявил:

«...от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса».

«Наступление на кулачество, — продолжал он, — есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царпанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его, как класс.

Вне этих целей наступление есть декламация, царпанье, пустозвонство, все что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 194.

² Там же. С. 195–196.

³ Там же. № 6. С. 212.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ См.: Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 71.

⁶ ГАНО, ф. 20, оп. 2, д. 176, л. 92–93.

⁷ Известия ЦК КПСС, 1991. № 6. С. 204–205.

⁸ ПАНО, ф. 2, оп. 4, д. 51, л. 245.

⁹ Там же, оп. 2, д. 289, л. 351.

¹⁰ Там же, д. 289-А, л. 57.

¹¹ Там же, л. 60.

¹² Там же, л. 69.

¹³ Там же, д. 217, л. 739.

¹⁴ ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 697, л. 103–104.

¹⁵ ГАНО, ф. 20, оп. 2, д. 176, л. 225, 231.

¹⁶ Там же, л. 172–178.

¹⁷ ПАНО, ф. 18, оп. 1, д. 961, л. 69.

¹⁸ ПАНО, ф. 19, оп. 1, д. 235, л. 202.

¹⁹ Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. Новосибирск. 1987. С. 177.

²⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 731, л. 4.

²¹ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 2695, л. 118.

²² ГАНО, ф. 47, оп. 1, д. 697, л. 72.

²³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 746, л. 10.

²⁴ Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 179.

²⁵ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 366, л. 200.

²⁶ Там же, д. 432, л. 79.

²⁷ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 97, л. 5.

²⁸ ПАНО, ф. 18, оп. 1, д. 1295, л. 51.

²⁹ Советская Сибирь, 1929, 19 ноября.

³⁰ На ленинском пути. 1930. № 2. С. 29.

³¹ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 114, л. 8.

³² Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 166–168.

2. ИСПОЛНИТЕЛИ

Достижением тех или иных политических целей Сталин обязан прежде всего своим кадрам. Люди, которых он расставлял в 20–30-е годы на посты руководителей отдельных территорий, были типичными представителями новой большевистской бюрократии, вышедшей из среды профессиональных революционеров. С партийной точки зрения их прошлое почти всегда было безупречным: большевиками они стали еще в до-октябрьский период, прошли закалку нелегальной работой, царской тюрьмой или ссылкой, активно участвовали в захвате

власти. Ни в какие оппозиции, как правило, они не входили и считались верными сторонниками «генеральной линии». Из аппаратчиков этого слоя мало кто мог претендовать на серьезные политические роли или быть авторитетом в теоретической борьбе. Многие не имели даже общего образования, однако опыт организаторской деятельности, сила воли и твердость характера, приобретенные в революциях и гражданской войне, делали их вполне приемлемыми руководителями.

В числе тех, кому Сталин доверял управление Сибирью, наиболее колоритной фигурой был Сергей Иванович Сырцов. На пост секретаря Сибкрайкома Сырцов прибыл в 1926 году непосредственно из аппарата Сталина, в котором до этого занимал должности заведующего учетно-распределительным и пропагандистским отделами. Ему было тогда 33 года. Этот энергичный молодой человек, несомненно, превосходил по своим способностям многих крупных партийных чиновников из сталинского окружения. От большинства других он отличался уже тем, что имел высшее образование (хотя и незаконченное), полученное еще при старом режиме, и был также неплохим публицистом и оратором. Близко наблюдавшие Сырцова отмечали, что своими яркими, живыми выступлениями, в которых часто звучали шутка или народные остроты, он умел завоевать расположение и симпатии слушателей.

По убеждениям и складу характера Сырцов принадлежал к «умеренным» коммунистам. В аппарате Центрального Комитета он прошел большую школу интриг против троцкистов и зинovieвцев, хорошо разбирался в тонкостях партийной кухни. Когда требовалось, он способен был в духе «большевистской партийности» прибегать к самым резким и даже зловещим словесным выпадам, однако в политике предпочитал осторожные, компромиссные решения.

В 1929 году Сталин перевел Сырцова из Сибири в Москву на пост председателя Совнаркома РСФСР и продвинул в состав Политбюро в качестве кандидата. Но в один из самых напряженных моментов Сырцов отказался подыгрывать своему покровителю. В конце 1930 года вместе с другим членом партийного руководства, В. Ломинадзе, он выступил против единоначалия в партии и государстве и разрушительной хозяйст-

венной политики Сталина. Оба были немедленно исключены из ЦК, как организаторы «беспринципного двурушнического «право-левацкого» блока»¹.

На этом карьера Сырцова как государственного деятеля завершилась. Он был переведен на невысокую хозяйственную должность, а в 1937 году арестован и бесследно исчез.

Иной тип руководителя представлял собой преемник Сырцова в Сибири, латыш Роберт Индрикович Эйхе. Этот внешне суровый человек, закаленный подпольем и жестокостями гражданской войны, был ветераном партии. Он вступил в социал-демократическую организацию в 1905 году, еще в 15-летнем возрасте, и сумел пройти все ступени восхождения большевистского организатора: от рядового распространителя прокламаций — до кандидата в члены Политбюро.

В Сибири Эйхе стал работать с 1922 года, сначала в качестве продовольственного комиссара края, а затем — председателя Сибкрайисполкома. В течение девяти лет (1929—1937 гг.), более чем кто-либо из его предшественников, он занимал пост высшего партийного руководителя Сибири, оставив здесь самый глубокий след в политике террора как один из ее организаторов.

Об Эйхе можно сказать, что это был законченный тип большевистского фанатика. Интересы партии были для него абсолютной ценностью. Ради них он мог не щадить ни себя, ни кого-либо вообще. И если речь шла о решениях, санкционированных Центральным Комитетом, то он всегда оставался непреклонным и безжалостным их исполнителем.

Как солдат партии, Эйхе безусловно был предан Сталину. Но это не была личная преданность, свойственная другим сталинским приближенным, вроде Кагановича, Ежова или Шкирятова. О преданности Эйхе можно говорить лишь в том смысле, в каком Сталин олицетворял партию и ее руководство. Если бы на месте Сталина оказался кто-либо другой, Эйхе точно так же оставался бы верным и надежным администратором.

Кадры, подобные Эйхе, были для Сталина действительной опорой и настоящей ценностью. Они служили не только ради карьеры и не за страх потерять место. Ими двигали партийная

идея и партийный долг. Когда Сталин отдавал свои преступные приказы от имени партии, они принимали их без колебаний. Но так же, как и остальные кадровые партийцы, они не могли разглядеть в личности Сталина садистских наклонностей и допустить, что идеалы партии и революции Сталин способен превратить в ширму для извлечения личной выгоды.

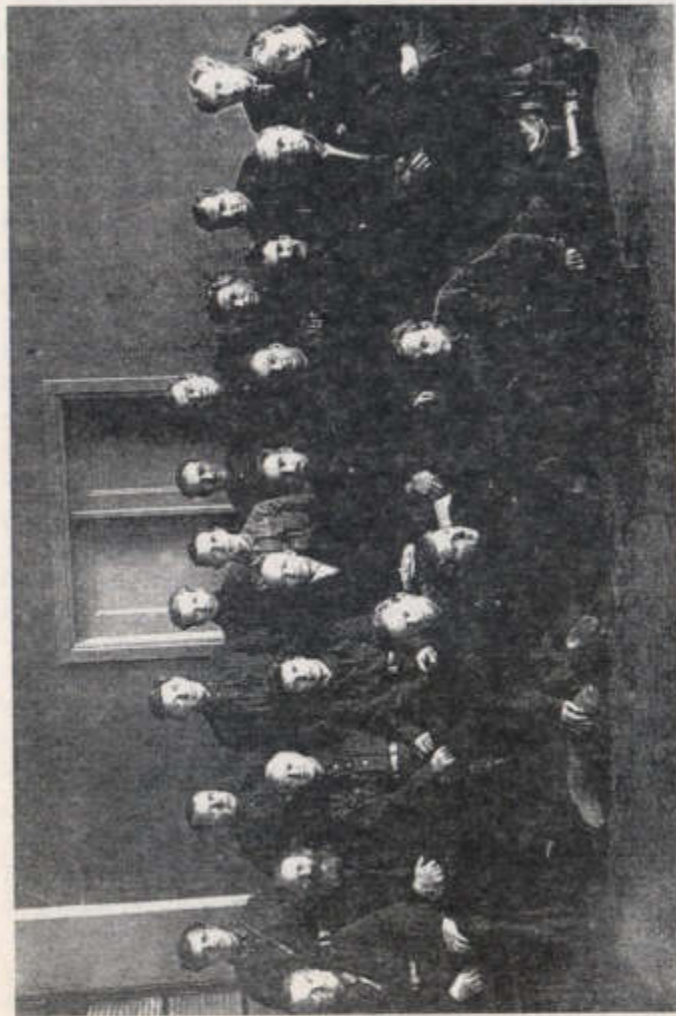
Когда Сталин достиг безоговорочного господства, старые гвардейцы, подобные Эйхе, потеряли для него всякий интерес. Такие могли только исполнять приказы, но не научились раболепствовать. Они были не в состоянии сознательно готовить Сталину роль непогрешимого советского божества, которому нужна была новая история и новая биография. И Сталин с присущим ему коварством уничтожил их по одиночке. «К преданным, но знающим прошлое, — писал Троцкий, — Сталин относился, пожалуй, с большей враждой, с большей неприязнью, чем к открытым врагам. Ему нужны были люди без прошлого, молодежь, которая не знала вчерашнего дня, или перебежчики с другого лагеря, которые с первых дней смотрели на него снизу вверх, ему необходимо было полное обновление всего партийного и советского аппарата»².

На XX съезде КПСС в 1956 году в секретном докладе о культе личности Хрущев рассказал делегатам о последних днях Эйхе в сталинских застенках и перенесенных им пытках. Он сообщил также о его предсмертном заявлении, составленном в октябре 1939 года, в котором Эйхе еще раз заверял Сталина о своей преданности, умоляя «поручить доследовать мое дело». Эйхе писал:

«Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники, и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей. (...)

Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня»³.

Из этого становится ясно, что Эйхе так и не сумел правильно оценить происходящее. Партийный догматизм, вообще

Члены Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 1932 года. (Слева направо). Сидят: М.К. Левандовский, В.Д. Вегман, неустановленное лицо, Н.И. Курьянцев, М.В. Зайцев, Р.И. Эйхе, Ф.П. Градинский, М.И. Ковалев, И.В. Громов, М.Т. Зуев. Стоят: неустановленное лицо, неустановленное лицо, Л.М. Заковский, неустановленное лицо, С.И. Кавгарадзе, А.А. Токарев, С.А. Шварц, неустановленное лицо, неустановленное лицо.

М.О. Разумов

свойственный любому большевистскому организатору, даже и в этом случае оказался выше трезвого логического анализа.

Менее значительные, но столь же усердные и энергичные администраторы Сталина действовали в других частях Сибири. В августе 1930 года, когда из обширной территории Сибири был выделен Восточно-Сибирский край с центром в Иркутске, пост секретаря крайкома здесь занял Ф.Г. Леонов — недавний руководитель одной из районных парторганизаций в Москве. В доставшейся ему сатрапии Леонов действовал с той же суровой последовательностью, что и другие ста-

линские наместники. Более трех лет под его руководством в крае проводились кампании уничтожения «классовых врагов». Однако в 1933 году, когда Сталин стал требовать арестов коммунистов, не способных заставить колхозы работать в полную силу, Леонов проявил слабость. В октябре 1933 его сняли за «недостатки в руководстве краем» и назначили более подходящего⁴.

Новым секретарем Восточно-Сибирского крайкома стал Михаил Осипович Разумов — типичный сталинец, за плечами которого уже были жестокие раскулачивания и коллективизация в Татарии.

По своему происхождению и профессии Разумов принадлежал к слою рабочих. Его образование заключалось в четырех классах начальной школы и полутора годах гимназии, которую он оставил из-за необходимости помогать семье заработками. В партию большевиков Разумов вступил в 1913 году, поэтому сразу после революции стал занимать ответственные посты в партийном аппарате. Известно также, что в 1927 году ему пришлось полулегально работать в Китае советником у коммунистов. Но эта миссия Разумова оказалась не очень удач-

ной. Китайские власти почти сразу его арестовали и 8 месяцев продержали в тюрьме.

Самый интенсивный период своей карьеры Разумов провел на посту секретаря Татарского обкома ВКП(б). Здесь он работал с 1928 по 1933 г., а затем Сталин перевел его на Восток.

Разумов осуществил в Восточной Сибири полный цикл сталинских «мероприятий», продержавшись до обычного срока — 1937 года.

Характеристика главных действующих лиц подводит нас к еще одной особенности состава сталинских администраторов 30-х годов, а именно — национальной. В данном случае имеется в виду латышская группа, представлявшая собой внушительный слой высокопоставленных руководителей того времени. Как продолжатели известной революционной традиции, латышские деятели пользовались большим административно-политическим влиянием и были особенно заметны в среде военных и работников ОГПУ—НКВД.

В Сибири присутствие этой группы отмечалось на многих уровнях партийного и советского руководства. Так, одним из секретарей Сибкрайкома был Р.Я. Кисис. Соратник Эйхе — П. Кукштель — в аппарате крайкома ведал секретно-директивной частью, по существу был правой рукой первого секретаря. Я.Я. Озолинь заведовал особым сектором крайкома, а А.Р. Розит возглавлял работу органов советского контроля.

Что же касается карательных служб, то фактически весь их состав работал под руководством латышей. Сибирское управление ОГПУ (Полномочное представительство) с 1926 по 1932 год бессменно возглавлял Л.М. Заковский (Г.Э. Штубис) — ставленник Ягоды и Ежова, совершенно аморальный тип, исполнитель самых грязных сталинских поручений в Сибири, а затем в Белоруссии, Ленинграде и Москве.

С 1930 года управлением ОГПУ в Восточной Сибири руководил Я.П. Зирнис, а в Омской области и Красноярском крае (образованных в 1934 году) — А.К. Залпелтер и Э.П. Салынь — люди того же сорта, что и Заковский.

В течение ряда лет они, как впрочем и другие сталинские чекисты, проводили жестокие операции против сибирского

крестьянства и остальных категорий населения, которым Сталин поочередно объявлял войну.

Назовем также еще одну фигуру, имевшую довольно большую известность и политический вес в те годы, — Э.Я. Берзиня. Берзинь — бывший работник особого отдела ОГПУ — являлся организатором и первым руководителем (с 1932 по 1937 год) одной из крупнейших лагерных систем в Сибири и стране — Дальстроя — огромной зоны рудников и приисков на Колыме, где на добыче золота и стройках работали тысячи заключенных, в том числе политических и осужденных крестьян. В те же годы, когда Берзинь создавал колымскую часть ГУЛАГа, его соотечественник И.М. Биксон развивал сеть лагерей в Западной и Центральной Сибири. Как один из первых начальников Сиблага, Биксон вместе с другими принимал участие в организации беспощадных акций по уничтожению реальных и мнимых противников большевистского режима.

Конечно, стоило бы упомянуть и других латышских деятелей террора как, например, прокуроры Сибири Г.Я. Мерэн и А.Ф. Блимбергс, отправившие на смерть сотни безвинных граждан. Но это было бы совершенно несправедливо по отношению ко всем остальным палачам.

Сам по себе национальный аспект не дает никаких объяснений сталинской политике. Значение его в данном контексте служит лишь дополнительным свидетельством происхождения террора из революционной идеологии и практики большевизма, той самой идеологии, которая в свое время нашла широкую поддержку у латышских революционеров, как одной из наиболее организованных национальных групп. Призванная на службу еще царским правительством, эта национальная группа перешла затем в советские институты власти, преимущественно на ответственные посты. Выделяя участие латышей во властных и управленческих структурах, мы в то же время устанавливаем специфические факты политической жизни 30-х годов, которые Сталин ликвидировал в ходе последующих чисток.

В характеристике основных сталинских исполнителей, действовавших в Сибири, должна быть обозначена и такая немаловажная деталь: ни один из партийно-государственных са-

новников не был сибиряком, местным работником. Все секретари крайкомов и обкомов, председатели крайисполкомов, начальники управлений ОГПУ—НКВД, прокуроры, судьи, начальники лагерей, руководители гигантскихстроек и остальные ключевые фигуры в местных аппаратах государства и партии присылались по разнарядке из Москвы. Все они были назначенцы, личные представители секретариата ЦК или самого Сталина и отвечали только перед теми, кто их ставил на должность. Таков был порядок, введенный еще при Ленине, и он продолжал строго соблюдаться десятки лет, допуская лишь отдельные исключения.

Строго говоря, этот механизм управления кадрами был одним из основных условий осуществления политики непрерывных большевистских экспериментов. Точно так же можно сказать, что террор, развязанный Сталиным, вряд ли мог бы достичь своих целей и необычайных масштабов, если бы партия и ее вожди не владели этим механизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правда. 2 декабря. 1930 г.; Старков Б.А. Право-левые фракционеры// Они не молчали. М.: Политиздат. 1991. С. 133.
- ² Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М.: Терра. 1990. С. 264.
- ³ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года// Неделя. 1989. № 16 (1516).
- ⁴ Восточно-Сибирская правда. 1934. 12 января.

ГЛАВА II. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ЕЕ ЖЕРТВЫ

1. 1930 год

С точки зрения ленинизма колхозы, как и Советы, взяты как форма организации, есть оружие, и только оружие.

Сталин

К началу 1930 года антикулацкая атмосфера в стране была накалена до предела. Газеты переполнялись угрожающими призывами и статьями по адресу кулаков, предрекая им скорую гибель как последнему оплоту капитализма в СССР. На собраниях партийцев и сельских сходах «кулацкая» тема возбуждала умы и призывала к действию. Вся обстановка свидетельствовала о том, что критическая масса взаимной ненависти в деревне была достигнута. Оставалось лишь подать главный сигнал для окончательной «экспроприации» кулака.

Основные события в деревне начались в середине января, после того как ЦК партии изменил все прежние планы создания колхозов и призвал произвести поголовную коллективизацию в течение одного года. На местах это было воспринято как объявление о наступлении на кулака, и в ряде сельских районов Сибири группы активистов, поощряемые властями, приступили к изъятию имущества зажиточных односельчан, не дожидаясь официального распоряжения правительства.

Когда процесс стихийного раскулачивания достиг размеров всеобщей кампании, из Москвы по специальным каналам связи в последних числах января поступила директива Сталина, самая важная из всех, что присылались до сих пор. Это

было постановление о полной ликвидации кулачества. Директива, полное содержание которой до сих пор остается неопубликованным, предназначалась узкому кругу партийных руководителей. По указанию Политбюро ее немедленно оформили как решение краевых организаций и разослали низовым исполнителям. Это постановление открыло последние шлюзы на пути растущей волны анархического раскулачивания. Сельская «общественность» была приведена в движение, и теперь уже не оставалось никаких препятствий для тех, кто надеялся разжиться за счет кулаков или выместить на них свои классовые инстинкты.

Деревню охватила эпидемия насилия. Разного рода уполномоченные, члены сельских советов и просто полукриминальные элементы, наделенные мифическими правами, внезапно получили полную власть над крестьянами. Эта гнусная порода советской бюрократии, обычно кормившаяся от поборов с крестьян и более всего презируемая деревней, принялась перераспределять крестьянскую собственность и выселять хозяев от имени советской власти.

Процедура «экспроприаций» зависела исключительно от самих «экспроприаторов». По большей части она походила на рейды полуанархической армии, завладевшей правом грабежа на территории поверженного противника. Многие официальные отчеты тех дней отмечены печатью ужасающего бедствия:

«...кампании раскулачивания был придан характер штурма, партизанского налета, граничащего с грабительством (экспроприация почти поголовно всего кулачества, отбор полностью всего имущества, вплоть до белья, предметов куханной утвари и последнего обеда, вытаскивая таковой из печи и т.д., производя экспроприацию нередко ночью, с немедленным выбрасыванием из домов, в том числе женщин с грудными детьми, инвалидов, стариков — без указания дальнейшего пристанища)...»¹.

Мародерство, погромы и неприкрытое насилие приняли катастрофический характер. Ситуацию мало кто контролировал. Государственно-правовые учреждения в Сибири лишь фиксировали отдельные факты разнузданной «деятельности» активистов и отмечали, что «способы раскулачивания обнару-

живают все признаки бандитизма, а не осуществляемой властью экспроприации. Вначале, благодаря отсутствию указаний свыше, ... сельские власти практиковали такой способ как выбрасывание кулацкой семьи из домов; случаи неповиновения иногда влекли за собой такую меру как вымораживание (выставлялись двери и окна)

(...) Практикуются обходы кулацких дворов группами активистов, ...отбирается имущество ни кем не учитываемое, каждый «отчуждает» по своему разумению. Устраиваются форменные налеты, часто ночью, вооруженными группами, со стрельбой»².

Документальные свидетельства воссоздают в деталях картину творившегося произвола. Из Канского округа Восточной Сибири в феврале 1930 года докладывали:

«В Ирбейском районе экспроприация кулачества проводилась с полным нарушением существующих директив, экспроприровались не только средства производства, а бралось все вплоть до портянок. Это имело место не только в тех селах, которые перешли на сплошную коллективизацию, а по всему району, где только имелись кулаки. Так, например: в деревне Подьянка Ирбейского района председатель сельсовета Мозгалевский (член коммуны) при входе в дом к кулаку прежде всего брался за одежду и за ящики, которые стояли в квартире, забирали все, оставляя членов семьи только в том, что было на них. Где попадалось варенье, сметана, масло, часть из этого съедали на месте, а остальную забирали с собой...

Имущество также бралось и членами коммуны для своих личных нужд и без всякого учета...

Аналогичные факты наблюдаются и по другим районам округа»³.

В некоторых местах Сибири десятки сел были раскулачены в 24 часа. Так происходило в Бийском, Минусинском, Омском, Новосибирском округах. О самодурстве тех, кто представлял партию и советскую власть, доносили из самых отдаленных углов огромного Сибирского края:

«В Каменском округе организовали отряд детей бедняков с заданием ловить и раздевать детей кулаков»⁴.

«В с. Горбуновка, Рыбинского района [Омский округ] уполномоченный Конев вооружил охотничьими ружьями бедноту и поставил селение на «военное положение». Вооруженные запугивали население, стреляли залпами...»⁵.

«...в Приангарском крае, в частности в Кежемском районе, творится анархия... крестьяне середняки и бедняки (о кулаках-лишенцах и их детях говорить не приходится — они вне закона) арестовываются, задерживаются произвольно с молчаливой санкции секретаря РК, предРИКа и уполномоченного ОГПУ.

Крестьян избивают, проводят пытки, искалечивают и расстреливают без всякого суда, создавая вымышленные обвинения, равно как при занесении середняков в кулацкие группы и раскулачивание, если их физиономия этой группе не понравилась ... плевое дело приписать потерпевшему разные звания: бандит, предатель, эксплуататор и прочие»⁶.

В течение полутора месяцев деревня представляла собой арену ожесточенной гражданской войны, где одна сторона пыталась завладеть имуществом другой, а вторая в отчаянии его уничтожала.

К середине марта только по суду было осуждено или находилось в ожидании приговора за убий скота, срыв посевной кампании и «контрреволюционную агитацию» 10,5 тысяч крестьян⁷.

За кулисами между тем готовилась решающая акция. Убедившись в том, что крестьяне не способны на организованное выступление, Сталин выдвинул план полного истребления ненавистных кулаков. В соответствии с принципами партийной социологии, он разделил кулаков на «категории». В «первую категорию» были включены те, кому прежде всех предстояло исчезнуть с лица земли, — «кулацкий актив». Эту часть крестьян аппарат ОГПУ должен был «немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии»⁸. Одновременно, для более точной ориентировки ОГПУ, устанавливалась квота «организаторов террористических актов»: для Сибири — 5–6 тыс. человек, Украины — 15 тыс., Казахстана — 5–6 тыс., Северного Кавказа и Дагеста-

на — 6—8 тыс., Центрально-Черноземной области — 3—5 тыс., Средней Волги — 3—4 тыс., Нижней Волги — 4—6 тыс., Белоруссии — 4—5 тыс., Урала — 4—5 тыс. Всего: 50—60 тысяч человек⁹. План Сталина и ОГПУ предусматривал особые санкции и для семей «кулацкого актива». Согласно программе ликвидации, семьи следовало «выслать в северные районы Союза, наряду с выселяемыми при массовой кампании кулаками».

Затем на арену выводилась «вторая категория». Сюда зачислялись «остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» и их семейства. Репрессируемые этой очереди должны были быть высланы в отдаленные районы страны по следующей разрядке: из Сибири выселяется 25 тысяч семей, Украины — 30—35 тыс., Северного Кавказа и Дагестана — 20 тыс., Казахстана — 10—15 тыс., Центрально-Черноземной области — 10—15 тыс., Дальневосточного края — 4 тыс.

Наконец в «третью категорию» включались «оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках».

Операция предстояла грандиозная, и ее проведение должно было уложиться в минимальные сроки. На ликвидацию кулаков «первой категории» Сталин давал 20 дней, а затем еще 20 — для выселения второй и третьей «категорий». Таким образом, к весне 1930 года планировалось «очистить» территорию колхозов примерно от двух миллионов крестьян, при этом только в Сибири и на Дальнем Востоке намечалось изъять 29000 хозяйств, что соответствовало примерно 145000 человек.

В конце января кремлевский план ликвидации кулаков был доведен до местных работников. В Сибири его озвучивал новый секретарь крайкома — Роберт Эйхе. На собрании партийных руководителей в Новосибирске он инструктировал подчиненных:

«... в отношении наиболее злостной махровой части кулачества применять уже немедленно меры резкого подавления. Эти меры должны, по-нашему, вылиться в то, чтобы выслать их в наиболее далекие районы севера, скажем, в Нарым, в Турханск, в концентрационный лагерь; другую часть кулачества можно будет применить в порядке работы для использования

в трудовых колониях. К этому прибегнуть придется, к этому необходимо готовиться сейчас, ибо если мы оставим кулака после экспроприации средств производства в той же деревне, где создан сплошной колхоз, нельзя думать, что кулак не попытается свою злобу выместить на этом колхозе. (...)

Мы сейчас будем строить Томско-Енисейскую дорогу, строить в необжитых, непроходимых районах тайги, через лесные массивы. Пусть пойдут туда кулаки, пусть они поработают, проведут несколько лет трудовой жизни, а потом мы посмотрим, что из себя будет представлять тот или иной кулак¹⁰.

Идея такого устранения сопротивляющихся крестьян даже для части партийцев явилась неожиданным открытием. Непосвященным и малоопытным теперь прояснялся реальный, можно сказать физический смысл, лозунга ликвидации кулачества как класса, который до сих пор имел для них смутные очертания.

На том же совещании актива один из секретарей райкома признавался:

«Для меня, практического работника, до сегодняшнего дня многое было непонятно. Я много прочитал: прочитал Калинина, Енукидзе, прочитал все последние материалы, все искал куда же девать его [кулака — Авт.]. Средства мы у него экспроприруем, но ведь он остается, как живой человек, девать его некуда. Сегодня товарищ Эйхе дал ясный ответ куда его девать».

К предстоящей антикулацкой операции партия готовилась как к самому серьезному испытанию. По примеру гражданской войны была возрождена система внесудебных карательных органов — различных «троек» и оперативных групп. Ключевая роль отводилась «особым тройкам» при краевых представительствах ОГПУ. На время проведения операции эти образования становились высшей судебной-карательной инстанцией для всех кулаков. В их состав были включены секретари крайкомов, представители ОГПУ, исполнительной и судебной власти с задачей экстренного оформления приговоров кулакам «первой категории».

В Сибирском крае в особую группу по высылке крестьян входили: секретарь крайкома Р.И. Эйхе, полномочный пред-

ставитель ОГПУ Л.М. Заковский, председатель крайисполкома И.Е. Клименко, краевой прокурор Бурмистров, руководитель Сибирской контрольной комиссии ВКП(б) Ф.Ф. Лякуткин, зампредседателя крайисполкома М.В. Зайцев. Причем Эйхе, как руководитель «чрезвычайной тройки», получил от Политбюро права абсолютного диктатора и мог единолично выносить смертные приговоры.

Остальные (низовые) «тройки», подчиненные начальнику учетно-осведомительного отдела ПП ОГПУ Г.А. Лупекину, должны были руководить операцией массового выселения крестьян.

Для приема, учета и бесперебойной отправки выселяемых на Север были организованы сборные пункты, а при них — агентурно-следственные группы и маневренные группы из частей ОГПУ для подавления возможных выступлений. На самый крайний случай, при возникновении восстаний, органам ГПУ поручалось организовать «в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной армии»¹¹.

Теперь, когда принятых мер казалось вполне достаточно, когда все кулаки получили распределение, а силы партии и ГПУ были приведены в полную боевую готовность, началась основная фаза ликвидации.

Удары государственной карательной машины обрушились прежде всего на «первую категорию». Основываясь на доносах деревенских активистов и собственной агентуры, ГПУ приступило к арестам тех, кого начальники зачислили в потенциально опасные. Хватали за попытки сопротивления раскулачиванию, за «самоликвидацию» своего хозяйства, за бегство с места жительства и оказание помощи прятавшимся. Попутно брали бывших военнослужащих белой армии и священнослужителей.

Аппарат ГПУ до предела был загружен фабрикацией «контрреволюционных организаций» и «заговоров», в каждом из которых оказывались десятки и сотни крестьян. Вот один из таких «заговоров»:

«В феврале 1930 года ПП ОГПУ по Сибкраю была оперативно ликвидирована контрреволюционная организация, называвшаяся «Семья примерного общества».

По делу этой организации, имевшей свои группы в 28 населенных пунктах Сибкрая и насчитывавшей 377 человек, было привлечено к уголовной ответственности 233 человека. (...) инициаторами этой организации явились кулаки с. Иткуль Чулымского района Соколов Дмитрий Андреевич и Орлов Андрей Андреевич, которые в декабре 1928 года договорились о создании организации, объединяющей всех недовольных советской властью.

В июне 1929 года проходит нелегальное совещание актива... принята программа организации, основным пунктом которой являлось требование отмены налогов, свободы частной торговли и развития частных предприятий.

В марте 1930 года организацией намечалось свержение советской власти путем вооруженного восстания... Но ввиду отсутствия руководства, оружия, разобщенности групп и нежелания основной массы членов организации открыто выступать против советской власти, поднять восстание не удалось»¹².

По делу этой «организации» особая тройка во главе с Эйхе вынесла 140 смертных приговоров (более половины всех обвиняемых), остальные были заключены в концлагеря на различные сроки.

С февраля 1930 года каждую неделю в Сибирском крае арестовывали по 1500—2000 крестьян, так что уже к концу марта было взято почти 9000 человек¹³. Разнарядка Москвы оказалась перекрытой едва не вдвое до истечения намечавшегося срока операции.

Еще не все аресты и расстрелы были оформлены и приведены в исполнение, когда ГПУ начало вторую, самую трудоемкую часть операции — массовую депортацию кулаков за пределы создаваемого колхозногорая.

Начиная эту беспрецедентную карательную акцию, мало кто мог реально представлять, каких усилий и затрат она способна потребовать и каких последствий следует ожидать от ее осуществления. Строго говоря, подобных прогнозов и быть не

могло. Свои основные акции и повороты в политике большевистская верхушка всегда производила настолько внезапно, что даже аппаратчики верхнего и среднего уровня оказывались застигнутыми врасплох.

Сибирь с ее бескрайними просторами, с безжизненными и дикими зонами тайги имела большие перспективы у ГПУ с точки зрения предстоящего расселения кулаков. Сюда, в лесные дебри Нарымского и Туруханского краев, на побережье Арктики и горные рудники должны были отправиться десятки тысяч крестьян аграрных районов России, Украины, Белоруссии, Северного Кавказа. Горькую участь этих жертв предстояло разделить и многим жителям сибирской деревни.

Операция выселения протекала с истинно большевистским размахом и безжалостностью. Уже с первых ее шагов сибирское руководство решило, что разрядка центра на высылку 25 тысяч хозяйств выглядит заниженной и не соответствует возможностям Сибири. Была запрошена более высокая квота: 30 тысяч хозяйств. Москва возражать не стала. Кулаков у нее в любом случае оставалось с избытком, а дополнительных средств из бюджета не требовалось: все расходы по переселению и устройству кулаков на новом месте предполагалось покрывать из местных источников.

Вскоре однако выяснилось, что собственных средств у властей Сибири явно не хватает и нужно искать какой-то дополнительный источник. После некоторой заминки, связанной с прояснением вопроса о ресурсах, руководство пришло к мысли, что кулаки сами должны заплатить за свою ликвидацию. В низовые организации от имени Сибкрайисполкома была разослана секретная инструкция, которая обязывала взыскивать с каждого кулацкого хозяйства в фонд выселения по 25 рублей, а также запас продовольствия, инвентаря, фуража, семян, инструментов и тягловой силы¹⁴.

Это требование однако осталось пустым звуком. Основную часть кулаков «активисты» уже успели раздеть до нитки, поэтому брать оказалось нечего. Пришлось с небес спускаться на землю и срочно, пока оставалось время до наступления распутицы, менять весь план.

Власти вынуждены были пойти по пути максимального упрощения и удешевления предстоящей кампании. Не сокращая нормы высылки кулаков, они решили расселить их на менее удаленных, хотя и менее приспособленных для освоения участках и на этом сэкономить часть средств по транспортировке.

Были также сокращены затраты и на железную дорогу. Это означало, что многим крестьянским семьям предстоит отправиться в ссылку своим ходом, на санях, преодолевая морозный путь в 300–500 километров.

В феврале – марте сотни крестьянских обозов, заполненных семьями, включая новорожденных и инвалидов, с остатками домашнего скарба, в сопровождении вооруженных конвоев двинулись к пунктам концентрации. Оттуда, после учета и формирования в новые колонны они направлялись в тайгу, к местам пожизненной ссылки.

Далеко не всем, кому назначено было пройти этот трагический путь, удалось добраться до цели. Высылка происходила в морозное время. Семьи передвигались на лошадях на большие расстояния, натянув палатки на сани, чтобы спасти детей от холода, так как теплую одежду у большинства из них отняли. Если сильные и здоровые могли спастись бегством в пути, то у детей, стариков и женщин выбора не оставалось. Больше всего страдали и умирали от голода и мороза дети. Скупые свидетельства очевидцев доносят до нас отдельные факты трагедии депортации 1930 года.

Один из уполномоченных по Баксинскому району Новосибирского округа, Ведрашко, в своем отчете так описывает происходившее:

«...5 марта поднялась сильная пурга и, несмотря на это, кулацкие подводы были отправлены в дорогу. ... крестьяне рассказывали о жутких картинах... говорили, что были даже похороны замораживаемых детей кулаков, а в некоторых санях лежали по 3–4 замороженных ребенка. Участвуя непрерывно в гражданской войне с 17-го по 22-й год, я не получил такого впечатления, как за эти два месяца моей работы в Баксинском районе по коллективизации и выселению кулаков»¹⁵.

Другой свидетель, ленинградский рабочий Иванов, весной 1930 года побывал на родине, в Тарском районе Омского округа, вблизи мест кулацкой ссылки. О своих наблюдения он пишет:

«...К высланным была приставлена охрана, которая обращалась с некоторыми очень грубо. Были случаи избия палками. 18 мая мне пришлось наблюдать такой факт: в Екатериновском сельсовете я увидел арестованных лишенцев и между ними женщин с грудными детьми и беременных на восьмом — девятом месяце и больных стариков. (...)

Врач признал, что женщины и некоторые другие больные очень слабы от недоедания. Между ними была одна женщина с грудным ребенком. Ребенок — одни кости. Когда ему дали сырую картошку, он стал ее есть, а ему всего был один год. Я попросил здесь же, во дворе, стакан молока и дал ему, он набросился на молоко с волчьим аппетитом. Я не мог удержаться от слез.

Случай не единичный, так как высланных очень много. Были даже такие случаи, когда местные власти давали приказание, чтобы врачи не оказывали помощи лишенцам по пути следования. (...)

Подводчики ездившие зимой возить лишенцев за болото рассказывают, что дорога усеяна брошенными вещами, сельхозинвентарем, трупами лошадей и людей (особенно много детей)...»¹⁶.

Положением несчастных крестьян, потерявших всякие права и обреченных на ссылку, мог пользоваться кто угодно. Не только любой замызганный «активист» имел над ними полную власть, но и для каждого желающего пограбить они представляли легкую добычу. По пути следования в ссылку многие кулацкие обозы грабились по несколько раз. Сообщали также о «частых случаях изнасилования кулачек под видом обещания не высылать, под видом освобождения их мужей от ссылки или ареста»¹⁷. В течение почти всего 1930 года, начиная с февраля, сотни обозов сибирских крестьян двигались к местам тяжелой ссылки, куда одновременно прибывали эшелоны семей из Украины, Белоруссии и Татарии.

Общие итоги раскулачивания и депортации 1930 года были весьма внушительны. Из 76334 крестьянских хозяйств Сибирского края, учтенных ГПУ как кулацкие, было раскулачено 55426, или 72 % (на Украине 61 %). В Дальневосточном крае ликвидировали 3937 хозяйств.

Высылке по второй и третьей «категории» подверглись: в Сибирском крае — 17525 семей, в ДВК — 537 семей, что в целом приравнялось к цифре около 90000 человек. В то же время из других районов страны было сослано:

в Сибирский край — 11612 семей (49801 чел.) в ДВК и рудники Алдана — 4083 семьи (21381 чел.)

Всего: 15695 семей — 71182 чел.¹⁸

Таким образом, за несколько месяцев Сибирь превратилась в зону небывалой крестьянской ссылки. К концу 1930 года здесь, включая Дальневосточный край, сосредотачивалось 156339 так называемых кулаков — почти треть всех сосланных по стране. Больше было только в Северном крае — 42 %.

Каковы бы ни были масштабы депортации и насильственного обобществления имущества в деревне, партия не получила ожидаемых плодов. Уже к 10 марта Сибирский край был коллективизирован на 52 %¹⁹. Однако крестьяне успели уничтожить огромную часть производительных сил. Размеры материального ущерба в Сибири оказались несравненно выше, чем в других регионах СССР. «Если на Украине сокращение крупного рогатого скота составило 14 %, то в Сибири — 35—50, а по некоторым округам — 60 %»²⁰.

Когда Сталин понял, что от его колхозной затеи могут остаться только руины, он вынужден был отступить. В газете «Правда» была опубликована его известная статья «Головокружение от успехов», в которой лицемерно осуждались «перегибы зарвавшихся товарищей». Сталин постарался быстро отмежеваться от тех, кто силой заставил крестьян войти в колхозы и допустил разграбление деревни. Однако вслед за этим, как обычно, местным руководителям было послано секретное письмо Политбюро, призванное смягчить резкий и неожиданный удар сталинской статьи по «товарищам». В письме давалось понять, что осуждение «ошибок» не ведет к каким-либо изменениям в политике коллективизации, отмеча-

лось также, что скомпрометированный актив партии необходимо перетасовать таким образом, чтобы увести от серьезной ответственности.

Положение для партии действительно было критическим. Волна народного негодования охватила всю Сибирь, порождая вооруженные мятежи, волынки, действия из засады и саботажа. Выступления вооруженных крестьян были зафиксированы в Минусинском, Сретенском, Барабинском, Енисейском округах. Против них пришлось использовать специальные отряды милиции и местных партийцев.

Но особые волнения властям доставил массовый крестьянский протест в марте 1930 года в Уч-Пристанском районе, Бийского округа. Его организатором неожиданно оказался один из уполномоченных ОГПУ по имени Фрол Добытин. Действительные мотивы поведения этого несомненно отважного человека не выяснены до сих пор. Однако известно, что он поднял к восстанию несколько сот крестьян, а затем с их помощью арестовал в райцентре около 150 местных активистов и освободил готовившихся к ссылке «кулаков». Созданный им отряд сумел продержаться всего три дня. 12 марта восставшие были разбиты, а сам Добытин на некоторое время скрылся²¹.

Ропот слышен был и в самой партии. Не жалея сил, партийные эмиссары надрывались в беспощадной войне с крестьянами, чтобы выполнить установки Кремля, а теперь, после письма Сталина, их же выставили в самом худшем свете перед лицом заскоружлой деревни.

Сталину потребовалось успокоить партийцев и придать им уверенности перед тем как начать новую осаду кулаков.

С этой задачей в марте 1930 года он отправил в Сибирь Кагановича. Целый месяц Каганович колесил по городам и сельским районам огромного края, изучая настроения коммунистов и внушая им истинный смысл сталинского маневра.

В то же время в Сибирь для «восстановления законности» был послан и главный прокурор СССР Крыленко. Все это свидетельствовало о том, что в Политбюро были очень обеспокоены положением на Востоке и стремились как можно быстрее погасить очаг назревающего крестьянского бунта.

Из рук сибирских руководителей Каганович и Крыленко получили немало сведений, показывающих как далеко зашла власть в своих преступлениях. Кремлевские сановники смогли убедиться в том, что им и без того было хорошо известно: что при раскулачиваниях пострадала масса неимущих крестьян, считающихся опорой режима; что судебный аппарат потерял последние признаки самостоятельности и им распоряжаются все кому угодно; что тюрьмы и дома предварительного заключения переполнены арестованными крестьянами.

Последовало указание произвести маневр в обратном направлении. Громоздкий, но крепко сколоченный партийный корабль, скрепя всеми частями, резко повернул туда, куда указывал главный рулевой. Еще вчера партия действовала в деревне по нормам «революционного правосознания», используя методы анархических облав, а теперь, подчиняясь сталинскому сценарию, занялась «укреплением законности».

В первую очередь были введены ограничения на самочинные раскулачивания и высылку крестьян. Это означало, что «работу по ликвидации кулаков» могло проводить только ОГПУ. Вместе с тем давалось указание немедленно прекратить массовые суды за убой скота и закрыть все судебные иски по обязательным поставкам продовольствия, «мотивируя это недородом»²².

Следующим шагом явилось освобождение многих крестьян из мест изоляции. К середине апреля 1930 года в Сибири власти выпустили на свободу 1613 человек, 257 возвратили из ссылки как «незаконно сосланных», 3272 восстановили в избирательных правах, а 2088 крестьянам возвратили «неправильно отобраченное» имущество²³.

Когда нажим на деревню значительно ослаб и было объявлено о «борьбе с перегибами», крестьяне стали разбегаться из колхозов. К лету 1930 года процент коллективизации в Сибирском крае с 52-х упал до 19-ти²⁴. «Колхозное строительство» завершилось провалом.

Но продолжать и дальше истязать деревню такими темпами и способами, которые выбрал Сталин, действительно было невозможно. Основные ресурсы села и источники его благополучия большевики вырвали с корнями. У крестьян в этот

момент уже не оставалось сил ни выполнять безумные повинности, ни вести борьбу с уродливой властью. Было вполне очевидно, что новые акции насилия могли лишь окончательно парализовать сельское хозяйство.

Летом 1930 года появились первые признаки голода. Секретные сводки сибирского отделения ОГПУ сообщали в Москву, что «в ряде районов нищенство принимает массовый характер. (...) Наблюдаются факты употребления в пищу протравленных семян, в связи с чем зарегистрированы случаи отравления.

По-прежнему продолжают фиксироваться факты употребления в пищу павших животных.

Отмечены отдельные попытки к самоубийству на почве голода.»

Эту мрачную картину ПП ОГПУ дополняло некоторыми подробностями:

«В с. Громогласовка Борисовского района Омского округа голодает до 60 семей. Из-за отсутствия хлеба беднячка Кулинич питалась павшими животными, а затем отравила себя и своих детей мышьяком, но благодаря своевременно оказанной помощи, от смерти все спасены. (...)

В с. Кучук, Павловского района, Барнаульского округа наблюдается массовое нищенство. Большинство бедняков и маломощных середняков совершенно не имеют продовольственного хлеба. В этом же округе, в с. Калистратиха Шадринского района бедняк Медведев ходит на скотное кладбище и обрезает у павших животных еще не сгнившее мясо, которым и питается.

В этом же округе, в с. Шатуново Залесовского района от употребления в пищу протравленного семезерна отравилось шесть человек крестьян»²⁵.

Угрожающее положение с продовольственным обеспечением заставило главного руководителя Сибири, Эйхе, в несвойственной для него манере обратиться с требованием к Сталину. Эйхе посылает телеграмму-заклинание:

«Продовольственное положение края становится исключительно тяжелым. Характеристика положения, изложенная в

нашей докладной записке от 12 мая, с каждым днем изменяется в худшую сторону. В ряде городов начинаются отдельные волнения рабочих. В Барнауле это положение охватило ряд предприятий, забастовочные настроения преодолеваются с большим трудом. На почве продовольственных затруднений — недовольство рабочих, имели место отдельные случаи вредительства. В исключительно тяжелом положении находится снабжение водников, что тормозит, местами срывает работу водного транспорта. Под значительной угрозой срыва работ находятся новостройки, в частности, ударная работа постройки дороги Новосибирск — Кузнецк. Острые продовольственные затруднения в деревне в ряде округов срывают сев, вызывают частичное проедание семфондов. Многочисленны волынки бедняков, середняков, предъявляющих требования местным советам в отпуске хлеба. Имеется в ряде случаев растаскивание запасов амбаров, что угрожает некоторым уменьшением централизованных фондов, находящихся в глубинках. В ряде городов запасы хлеба измеряются несколькими днями. Таково положение в Новосибирске, Барнауле.

Наши требования, изложенные в вышеуказанной докладной записке, являются минимумом, без удовлетворения которого выхода нет. Настаиваем на немедленном разрешении предъявленных нами требований: разбронировании неприкосновенного фонда, госхлебфонда, завоза в Сибкрай из других областей 67000 тонн, а также покрытия хлеба нарядами на вывоз в Монголию, Якутию, Алдан»²⁶.

Всеобщее экономическое и социальное разорение, вызванное безумием коллективизации, стало потрясением и для партии. Рядовые ее члены, особенно из тех, кто не до конца порвал связи с крестьянством, уходили из ее рядов, другие на своих невысоких постах старались отыскивать лазейки в системе государственных поборов, чтобы как-то облегчить населению тяжесть повинностей, и часто расплачивались за это личной свободой. Но были и совсем отчаянные люди, не побоявшиеся бросить открытый вызов режиму.

В целом, однако, партия оставалась послушным орудием Сталина. И лишь на отдельных ее этажах время от времени

вспыхивали конфликты между грубыми, расчетливыми сталинистами-исполнителями и сторонниками более умеренной политики.

Один из таких конфликтов разразился осенью 1930 года в среде высших партийных руководителей Сибири. В центре стычки оказалась фигура главного сталинского наместника, Роберта Эйхе, против которого одновременно выступила половина членов бюро крайкома партии во главе с председателем Сибирского исполнительного комитета И.Е. Клименко и вторым секретарем крайкома В.Н. Кузнецовым. В числе противников Эйхе оказались также два руководителя отделов крайкома, В.Ю. Егер и Н.П. Крылов, председатель краевой контрольной комиссии Ф.Ф. Лякуткин, зам. председателя крайисполкома Н.С. Базовский, лидер профсоюзов Сибири Г.В. Баранкин и руководитель угольной промышленности края Я.К. Абрамов.

По условиям времени интрига такого масштаба уже не могла протекать открыто, посредством дискуссий или голосований, поэтому выступление группы приобрело характер заговора. Заговорщики принадлежали к числу тех коммунистов, которых возмущали «крайности» в политике, проводимой Сталиным, но не сама политика. Олицетворением этих «крайностей» в Сибири как раз и был Эйхе.

Основная подготовка к выступлению происходила в июле, после возвращения сибирской делегации с XVI партсъезда.

Воспользовавшись моментом, когда Эйхе выехал в отпуск за пределы Новосибирска, его оппоненты составили коллективное письмо-обращение в ЦК, в котором попросили заменить первого секретаря крайкома. В своем узком кругу участники группы выражали недовольство тем, что Эйхе слишком услужлив перед Кремлем, что он «позволяет грабить Сибирь» и «не дает отпора ЦК»²⁷.

Однако изложить это напрямую в письме к Сталину они, как правоверные большевики, не осмелились. Все их претензии и требование убрать Эйхе из Сибири свелись к критике его личных качеств. Письмо ставило Эйхе в упрек неумение сплотить партактив, злоупотребление административными мерами, а также стремление брать на себя функции советского

аппарата. Заключительным мотивом письма звучало обвинение в том, что Эйхе имеет очень низкий уровень политического образования.

Но даже в такой форме планы противников Эйхе не могли понравиться Сталину. Когда письмо заговорщиков было доставлено в Политбюро, Сталин решил не разменивать своего преданного исполнителя, а примерно наказать тех, кто пытается нападать на кадры генсека.

20 августа 1930 года ЦК ВКП(б) издал постановление «О беспринципной групповщине в Сибирской парторганизации»²⁸. Все обвинения против Эйхе в нем признавались «насквозь фальшивыми», участникам группы объявлялся выговор, а наиболее активные из них лишались своих постов.

Таким образом, в «деле о заговоре» была поставлена точка. Эйхе еще прочнее закрепил свои позиции. Его окружение сменилось едва ли не полностью. Освободившиеся кресла в руководстве Сибирью теперь занимали выдвиженцы из нижних эшелонов, покладистые и послушные: Л.А. Папардэ, И.Г. Зайцев, И.И. Ляшенко, М.В. Зайцев и некоторые другие. На пост председателя крайисполкома Сталин прислал Ф.П. Грядинского — бывшего питерского рабочего, который до тех пор являлся председателем исполкома Центрально-Черноземной области и заместителем наркома торговли.

В последующей политике террора новые кадры станут играть самую активную роль. Когда эта роль будет сыграна до конца, они вместе с тысячами других таких же верных слуг станут ненужными. Сталин избавится от них столь же решительно, как избавлялся от действительных своих врагов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Сб. док-тов. Новосибирск. 1992. С. 85.

² ГАНО, ф. 5, оп. 2, д. 33, л. 7.

³ Спецпереселенцы... С. 63.

⁴ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 3468, л. 46.

⁵ ПАОО, ф. 6, оп. 1, д. 222, л. 90.

⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 109, л. 27—28.

- ⁷ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 114, л. 91.
⁸ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 366, л. 385.
⁹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 19.
¹⁰ ПАНО, ф. 18, оп. 1, д. 1480, л.
¹¹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1944, л. 22.
¹² Архив ФСБ по Новосибирской области.
¹³ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 378, л. 218.
¹⁴ Спецпереселенцы... С. 35–39.
¹⁵ ПАНО, ф. 18, оп. 1, д. 813, л. 555.
¹⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 57, л. 81–82.
¹⁷ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 458, л. 28.
¹⁸ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 1943, л. 13, 34, 99, 101.
¹⁹ ПАНО, ф. 2, оп. 1, д. 4117, л. 193. Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск. 1973. С. 291.
²⁰ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 109, л. 9.
²¹ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 467, л. 317; См. также: Спецпереселенцы... С. 59–60.
²² ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 104, л. 165.
²³ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 458, л.
²⁴ Гушин Н.Я. Сибирская деревня... С. 299.
²⁵ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 474, л. 3.
²⁶ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 97, л. 199.
²⁷ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 4, л. 33. См. подробнее: Палков С.А. Заговор против Эйхе // Возвращение памяти. Новосибирск. 1991.
²⁸ Правда. 1930 г. 22 августа.

2. ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ АКЦИИ 1931–1933 гг.

После первой неудачной попытки заставить крестьян принять колхозный строй партия стала готовиться к новой осаде деревни. По всем направлениям происходила мобилизация свежих сил. В ходе реформы внутренних административных границ осенью 1930 года¹ в сельских районах был увеличен партийно-государственный аппарат и усилен централизованный контроль.

В декабре началась очередная фаза коллективизации. Ставка по-прежнему делалась на голое насилие, но саму кампанию теперь планировалось осуществить в несколько приемов.

11 декабря 1930 года по указке ЦК Западно-Сибирский крайком принимает решение о «специальных репрессивных мерах против кулачества»². В каждом из 20-ти районов, где предстояло создать новые колхозы, от 20-ти до 50-ти крестьянских хозяйств были подведены под ликвидацию по «норме» 3% из района. Крайком дал указание конфисковать у них имущество и до 20 января 1931 года выселить из зоны коллективизации³.

Эта акция завершилась тем, что из 21 района было депортировано 725 семей (3340 человек)⁴.

В марте 1931 года операция по выселению повторилась. На этот раз она проводилась в 14-ти других районах Западно-Сибирского края и 7-ми приграничных районах Восточной Сибири⁵. Но «квоты» на ликвидацию требовали уже значительно больше жертв. Сначала было выселено 2200 семей, а затем еще 1051 семья⁶. В целом только за весну 1931 года партия смогла уничтожить в Сибири 16113 крестьянских хозяйств, в результате чего 80804 жителей деревни отправились в ссылку в безлюдные пространства тайги⁷.

Запутывая подобными мерами крестьян, остающихся вне колхозов, властям удалось обобществить к середине апреля 38% хозяйств⁸. Таким образом, основная цель все еще не была достигнута.

С поразительным упорством партия продолжала атаковать деревню, вырывая последние корни частной экономики.

С наступлением весны 1931 года Политбюро вновь принимает отчаянный шаг. Оно решает нанести окончательный удар независимости крестьян и превратить деревню в сплошной колхоз. Местной партийной агентуре был отдан приказ депортировать всех кулаков: всех бывших и настоящих, любого пола и возраста, всех, кто подчинился колхозам и кто бежал от них в города и на стройки, — нигде не должно было оставаться кулацких следов. Задание о «полной очистке

от кулаков», оформленное как меморандум ОГПУ, распространялось на все области страны⁹.

Эту новую гигантскую карательную операцию партия готовила с особенной тщательностью. Были проведены подробные расчеты предстоящих затрат, распланированы маршруты переселений, учтены даже национальные аспекты кампании.

Эйхе из Сибири докладывал Сталину:

«...бюро Крайкома в соответствии с решением ЦК ВКП(б) постановило произвести в период с 10 мая по 10 июня экспроприацию и выселение всех кулацких хозяйств края. Ориентировочная контрольная цифра определена в 40000 кулацких хозяйств.

Будут экспропрированы и высланы все твердо установленные кулацкие хозяйства (с главами и без них) и кулаки единоличники сельских и городских местностей края, в том числе и кулаки, проникшие и осевшие в колхозах, совхозах и промпредприятиях, исключение будет сделано для тех кулацких хозяйств, которые имеют в составе членов семьи действительно активных в прошлом красных партизан, или членов семьи, находящихся в данное время в Красной Армии, а также для хозяйств татаро-бухарцев и западных национальностей, кроме кулаков-немцев, которые будут также экспропрированы и высланы. Принимая решение о выселении кулаков-немцев, бюро Крайкома исходило из следующих соображений: Немецкий район (бывш. Славгородского округа) коллективизирован к 20 апреля на 80%. (...) Во многих немецких населенных пунктах коллективизировано 100% бедняцко-средняцких хозяйств...

К выселению намечены также баи и кулаки из Ойротской и Хакасской национальных областей. Учитывая национальные особенности этих областей, особую сложность проведения там работы по выселению, бюро Крайкома поручило специальной комиссии установить отдельные сроки выселения и разработать ряд дополнительных мероприятий, обеспечивающих наиболее безболезненное выселение баев и кулаков из Ойротии и Хакасии.

Все кулацкие хозяйства будут высланы в мало- и совершенно необжитые северные районы края: Каргасокский, Ча-

инский, Колпашевский, Зырянский, Суловский и Ново-Кусковский.

Вся работа по организации переселения поручена ПП ОГПУ т. Заковскому. ...»¹⁰.

Таким образом, намечалась операция, почти втрое превосходящая по своим масштабам акцию выселения 1930 года. По предварительной оценке ОГПУ предстояло переселить в лесную глушь и рудники не менее 160000 человек — население целого города. Для перемещения такого количества людей были определены 43 пункта погрузки на железной дороге и водных путях, 3 пункта концентрации — Томск, Ижморка и Сулово, 32 места выгрузки в зоне тайги. Готовились 73 эшелона и 222 водных каравана с вооруженной охраной и «чекистским обслуживанием» в количестве 3620 человек. В план депортации входило также создание пяти новых комендатур (120 спецпоселков) со штатом 410 человек и сетью осведомителей¹¹.

Масштабы предстоящего переселения даже по большевистским меркам были необычайны, и одних лишь сил ОГПУ уже не хватало. Поэтому в отличие от предыдущих кампаний в настоящую операцию были вовлечены отряды милиции. В их задачу входило выявление укрывающихся и беглых крестьян, а также конвоирование этапов.

На очередную фазу раскулачиваний и депортации крестьянство ответило естественным образом: оно вновь стало в панике уничтожать скот и птицу, распродалать имущество или раздавать его односельчанам. Многие семьи выгоняли скот со двора и, собрав дорожные узлы, пытались бежать из деревни. Но большинство крестьян уже смирилось с трагической участью. С обреченной покорностью они готовились к ссылке. Как показывают некоторые официальные сводки, в ходе майской операции немалое число кулаков добровольно прибывало на сборные пункты для отправки на север.

К июню 1931 года основной план ликвидации был завершен. 39788 крестьянских семейств, лишенных всяких источников существования, отправились бороться за свою жизнь в дремучую тайгу и на стройки ГУЛАГа.

Большую часть этих жертв составили крестьяне-единоличники. Но вместе с тем ОГПУ дополнительно выловило 2422

кулаков в колхозах, 586 — в совхозах, 928 — на предприятиях и 226 — в госучреждениях¹².

Чем меньше крестьян оставалось в деревне, тем выше поднимался процент коллективизации. После майской ликвидации в Сибири колхозников стало на 10 % больше.

На совещании в Крайкоме Заковский говорил:

«...мы имеем теперь достаточно благоприятные политические показатели по основной части сибирской деревни после выселения 40 тысяч кулацких семей на север. Деревня теперь находится в более устойчивом политическом положении...»¹³.

Для партии это был единственный утешительный результат ее политики в деревне. Но именно его она добивалась, не считаясь ни с какими жертвами. «Благоприятные политические показатели» открывали неограниченные возможности получать богатства сельского хозяйства, ничего за них не платя.

Сталинцы однако не считали свою задачу решенной в полном объеме. Главной трудностью для них оставалась половина неколхозных крестьян. Эти 50 % были постоянным источником внутреннего разложения деревни, признаком слабости партии и генетической неполноценности ее колхозной системы. Ни один ортодоксальный большевистский организатор не мог признать, что сосуществование единоличника и колхоза может быть полезным для партии в настоящий момент.

В июле 1931 года по инициативе Эйхе и Заковского Запсибкрайком обращается в Политбюро за разрешением провести «дополнительную операцию по выселению вновь выявленных кулацких хозяйств в количестве 10–15 тысяч человек»¹⁴.

Когда вопрос казался уже решенным, и местные власти стали вышвыривать из деревни новые группы крестьянских семей, машина террора внезапно замедлила ход. Из Политбюро поступило распоряжение отклонить ходатайство о дополнительном выселении¹⁵. Основания для такого решения и в самом деле были очень серьезные. В северных районах Сибири, куда свозились десятки тысяч крестьян, разыгралась тяжелейшая трагедия. После массовой переброски сюда весной — летом 1931 года семей высланных сибирских жителей и 20-ти

тысяч крестьян Украины население здесь более чем удвоилось. Воцарился полнейший хаос. Довольно быстро выяснилось, что огромное количество людей расселить на голом пространстве практически невозможно, как невозможно поддерживать их существование и найти им хоть какое-то полезное занятие. Организационная неразбериха и отсутствие элементарной подготовки вызвали повальное бегство ссыльных и массовую гибель людей. Политика изоляции кулаков и их «трудового перевоспитания» превратилась таким образом в чудовищное кровавое преступление, лишенное всякого смысла и цели.

С другой стороны, ситуация поставила массу проблем для самих властей: возникла серьезная угроза беспорядков, восстаний, эпидемий и разгула преступности.

При таких обстоятельствах кремлевская верхушка вынуждена была принять решение о прекращении массовых депортаций крестьян. Секретная инструкция ЦК, утвержденная в августе 1931 года, позволяла производить дальнейшее выселение «в индивидуальном порядке небольшими группами семейств» при условии «точного определения возможности хозяйства их по месту выселения»¹⁶.

Уменьшив планы депортаций, партия между тем не намерена была отступать. Она уже захватила крестьян в железные клещи и продолжала методично наносить глухие обескровливающие удары. Хлебозаготовки, подкрепляемые сезонными арестами и ссылкой, принудительное обобществление скота, насильственные меры по засеву полей единоличников, опустошающие налоги, «страховки», «культсборы» и другие повинности изматывали остатки воли и сил крестьян. Деревня стояла от невиданного гнета и голода, но все еще сопротивлялась колхозному жизнеустройству, которое ей пытались навязать большевистские фанатики.

Особенно жестокий характер имела кампания хлебозаготовок и конфискации скота осенью—зимой 1931 года. Контроль властей уже простирался повсеместно, поэтому шансы избежать поборов и насилия сводились почти к нулю. Понятие «излишков» больше не употреблялось. Его заменили категории «государственные обязательства» и «твердые задания».

План заготовок 1931 года был совершенно нереальный. За счет искусственного завышения урожайности размеры его по сравнению с предыдущим годом увеличились вдвое. Многие местные руководители пытались возражать, но крайком, имея грозные предупреждения от Политбюро, оставался непреклонным. Для всех единоличников была введена поектарная норма поставки зерна, которая соответствовала нормам ближайшего колхоза. От выполнения этой нормы зависела теперь судьба хозяина и его семьи.

В сентябре 1931 года Эйхе отдал распоряжение «начать решительное применение мер репрессии в отношении хозяйств уклоняющихся от выполнения плана хлебозаготовок» и организовать показательные судебные процессы с вынесением суровых приговоров¹⁷.

Партийные функционеры и заготовительный аппарат приступили к чистке амбаров, ясно осознавая, что крестьян ожидает тяжелая участь. Некоторые работники говорили:

«Мы работаем по хлебозаготовкам, даем твердые задания нереальные, делаем изъятие хлеба и даже страшно становится от того, что берем хлеб весь до зерна у труженика-крестьянина, но как иначе выходить из положения — не знаем»¹⁸.

Отнимая последние запасы у крестьян, власти одновременно подавляли всякие попытки к сопротивлению. К концу заготовительного сезона только в Западно-Сибирском крае за отказ сеять, за укрывательство хлеба и служебную халатность было осуждено не менее 9000 человек¹⁹. К этому списку следует прибавить еще тысячи крестьян, исчезнувших в результате операций ОГПУ по ликвидации «контрреволюционных кулацких гнезд». О масштабах таких операций свидетельствует хотя бы тот факт, что в районах Алтая в сезон 1931–1932 годов оперсектор ОГПУ во главе с И. Жабревым изъял 165 «организаций и группировок» численностью 2529 человек²⁰.

В октябре, в самый разгар кампании хлебозаготовок опять началось массовое принудительное обобществление и изъятие скота у крестьян. Эти акции продолжались до конца 1931 года, хотя официально именовались «месячником животноводства». Деревню вновь охватила паника. В то время, когда уполномо-

ченные тащили из крестьянских дворов кур, коров и овец, сами хозяева старались успеть уничтожить как можно больше. Но партия была изобретательнее. Для выполнения заданий Политбюро Запсибкрайком потребовал покрыть дефицит в плане скотозаготовок за счет последних крестьянских коров. Председатель крайисполкома Грядинский лично отдавал приказание районам отнимать скот у крестьян-однокоровников и малосемейных в случае невыполнения плана²¹. В итоге — в одних лишь южных районах Сибири власти забрали последнюю корову у 60–70 % крестьян-единоличников.

«Вернее, не взяли только у красноармейских семей и красных партизан и у отдельных вдов и инвалидов, — уточняет один партийный контролер, — что касается колхозников, взято последних коров более 1000 голов из 900 колхозных хозяйств», — сообщает он о районной кампании²².

Последствия всех этих изъятий оказались трагическими. С первых месяцев 1932 года основные сельскохозяйственные районы Сибири охватил голод. Собранный урожай готовился к отправке по разнарядкам Москвы, а крестьянские дети сидели без куска хлеба.

Весной положение стало критическим: появились многочисленные случаи голодных смертей и отравлений суррогатами. Крестьяне большими группами выходили из колхозов и бежали в города.

Секретарь Бийского райкома В. Остроумова жаловалась крайкому:

«В районе с каждым днем атмосфера становится все сгущеннее. Весь день идут ходяки, делегации, секретари ячеек, учителя с одним криком: «Хлеба!». Напор приходится выдерживать невероятный, причем тем труднее, что начинаются колебания в активе, заявления членов бюро, что «даже в 21 году так не голодали»...»

Больше всего боюсь, чтобы не разбили амбары»²³.

Сообщения прокурорских работников с мест отражают лишь часть того положения, которое переживали сельские жители:

«В селах Ярки, Корнилово и Верхне-Телеутское Каменского района есть семьи, которые совершенно голодают, пи-

таются исключительно лебедой и корнями от кочек, которые толкут в ступе.

Нуждающиеся в хлебе продают последнее имущество на базаре в г. Камне и покупают лебеду, которая стоит 15 рублей мешок, или отруби, стоящие 40 рублей мешок. Муки на базаре нет. По словам прокурора особенно нуждается в помощи с. Долганка, где много семейств уже продолжительное время питается исключительно лебедой и разной падалью. Остро стоит вопрос и в самом г. Камне, где тарифицированное население получает пайки в 200—300 грамм. Некоторые учреждения совершенно сняты с довольствия. ...

На почве таких затруднений в городе развились нищенство и кражи. ...участились случаи подброса детей в разные учреждения — госбанк, контору ЦРК, горамбулаторию. За один день 14 марта таких случаев было 5.

По сообщению омского прокурора из 12 обследованных им колхозов в 10 нет проффонда...

В Быстро-Истокском районе, в селах Соловьяха и Нижняя Покровка зарегистрированы случаи, когда колхозники едят павших лошадей и свиней...

Прокурор Алексеевского района сообщает о систематическом бегстве населения из сел в города. Например, из пос. Савского за одну ночь выехало в город 60 хозяйств...²⁴

Голод в Сибири не имел таких ужасающих размеров как на Украине и Кубани, но недоедали все, за исключением номенклатуры, снабжавшейся закрытыми распределителями. Особенно бедствовали крестьяне. Пропитание стало для них предметом ежедневных мучительных забот. Голод был главным их угнетателем. Сводки, поступавшие из районов Алтая, Омска и кулундинских степей, информировали о появлении массового нищенства детей и стариков, о развившемся воровстве, грабежах и случаях самоубийств на почве голода. Число этих сообщений особенно возросло в связи с появлением в южных регионах Сибири десятков тысяч голодных и оборванных казахов, бежавших из районов традиционного кочевья в результате безумного эксперимента по насаждению оседлости. Лишенные каких-либо источников существования, гонимые голодом, взрослые и дети-беспризорники из Казахстана представляли

трагическое зрелище. Как тени, бродили они по селам и городам, выпрашивая подавание или воруя продукты, когда ничего другого уже не оставалось. Свидетели событий тех лет сообщали, что «мертвых казаков собирают по дорогам и кладут точно дрова кучей»²⁵.

Картину голода 1932 года без иносказаний и прикрас передает письмо-жалоба крестьянина деревни Черноусовка Омского округа Устина Дробатенко, посланное председателю ЦКК—РКИ Я. Рудзутак. Автор писал:

«У нас за первый квартал умерло от голода и холода 90 человек. Сейчас хоть бурьяны есть, можно питаться. Всех собак переели, даже дохлых, санитарной комиссии не надо, собирать [ей] нечего. Кое-где в колхозе оставался силос, им питались, но уже кончили, а нового еще нет.

Но рядом у нас, 10 километров, — Казакстан. Там еще «лучше» обстоит дело. По дорогам валяются только кости людей, и детишки оставлены в юртах. Их живыми черви точат. Мы проехали 120 верст, и живых встретили только три человека. Брошено все имущество и разошлись кто куда. (...)

У меня самого нет хлеба 21 день, детишки умирают с голоду, и сам скоро [умру], но зато я был партизан с 19 по 22 год. Я сейчас не могу знать — советская ли это власть или нам мстит буржуазия?»²⁶

Власти предприняли все меры к тому, чтобы скрыть информацию о голоде. Любые сведения на эту тему, циркулировавшие внутри партии, представляли государственную тайну. В условиях, когда сам факт голода не признавался, разумеется, не могло быть и речи о каком-либо систематическом учете голодающих и реальной помощи для них. Умиравшему и страдающему населению было предоставлено право самому спасаться от бедствия, которое организовало для него партия.

В деревне между тем силой закреплялся новый советский порядок. Когда масштабы коллективизации превысили 50% и государственный сектор экономики стал преобладающим, Политбюро приняло драконовские меры по защите госсобственности.

Во второй половине 1932 года был опубликован Декрет ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества гос. предприятий,

колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», более известный как Указ от 7 августа («Закон о колосках»). Декрет сопровождала секретная инструкция ЦК в качестве пояснения. Она устанавливала лишь два основных вида наказания для расхитителей: 10 лет лишения свободы для «трудящихся единоличников и колхозников» и расстрел — для всех остальных. Закону придавалась также обратная сила. Его действие допускалось «в отношении преступлений, совершенных до издания закона, в случаях, когда преступления имеют общественно-политическое значение»²⁷.

В дальнейшем однако властям пришлось смягчить некоторые аспекты применения Закона. Расстрелы заменялись лагерными сроками, но общая судебная практика и после этого оставалась невероятно жестокой. В Сибири, как и в других регионах, действие Закона носило чисто карательный характер, в полном согласии со всей идеологией большевистского законодательства.

Время введения Закона в силу было выбрано совершенно неслучайно: на колхозных полях уже созревал выращенный урожай, и голодные крестьяне, потеряв терпение и надежду на получение хотя бы части результатов своего труда, не стали дожидаться, когда весь хлеб с полей исчезнет в государственных амбарах. Как показывают официальные документы, наиболее распространенным видом крестьянских посягательств было срезание колосьев, скрытый обмолот незаскородованного хлеба и кража хлеба в снопах. За эти нарушения крестьянам приходилось расплачиваться дорогой ценой. Вот какую «судебную практику» изображают прокурорские сводки, в которых подобраны случаи наиболее «злостных хищений», но замалчиваются факты «краж» 3–4 картофелин или такого же числа унесенных в кармане морковок:

«В деревне Каргополово, Лушниковского района, кулачки Кондратьева и Чанова были задержаны на полях сельхозартели «Победа» с двумя мешками срезанных ими колосьев (по 10 лет лишения свободы). (...)

...Анучин с поля колхоза «Призыв Сталина» похитил воз свежесжатой ржи, но был выслежен и опознан сторожем. При

обыске у него нашли в постели 10 килограмма срезанных колосьев, 4 килограмма свежесобранной ржи, 2 килограмма пшеницы и 40 килограмм свежего размола муки (10 лет лишения свободы с конфискацией имущества). (...)

Одной из распространенных форм хищений колхозного хлеба является посылка взрослыми своих детей для производства хищений. Так, в Доволенском районе единоличник Березин систематически посылал своих малолетних детей на колхозные поля срезать колосья. При обыске у него было найдено 3 куля ворованных колосьев (10 лет лишения свободы с конфискацией имущества).

Нередко похищения совершались целыми группами женщин»²⁸.

За первые 4 месяца применения Закона по нему было осуждено только в Западно-Сибирском крае 13237 человек²⁹. 85 % осужденных составляли крестьяне.

Осенью 1932 года сталинская колхозная система держала свой первый серьезный экзамен. С ее помощью Сталину предстояло доказать партии, что переворот в деревне с невероятным количеством жертв был ненасильственным и что теперь, наконец, создан тот чудесный механизм выкачивания хлеба, которого так не хватало до сих пор.

Но система не работала. Из развалин крестьянской экономики невозможно было вызвать дух колхозного изобилия.

Осенние хлебозаготовки в очередной раз зашли в тупик. Сопrotивлялись уже не крестьяне-единоличники — их экономическая роль стала ничтожной — сопротивлялись сами колхозы и их производственный аппарат, насажденный партийными комитетами. Следуя нормальной хозяйской логике, председатели колхозов не торопились вывозить из амбаров выращенный урожай для того, чтобы за бесценок отдать его государству. В колхозах стали создавать собственные хлебные запасы, различные семенные и страховые фонды, рассчитывая расплатиться с государством как можно позднее.

Сталин негодовал. Он заявил, что колхозам, не выполняющим заданий партии, не может быть места. Это — антисоветские колхозы. И глубоко ошибаются те коммунисты, кото-

рые считают возможным существование «нейтральных» колхозов.

«Что касается «нейтральных» колхозов, то их нет вообще и не может быть в природе. «Нейтральные» колхозы — это фантазия людей, которым даны глаза для того, чтобы ничего не видеть. При такой острой классовой борьбе, какая имеется у нас теперь в Советской стране, для «нейтральных» колхозов не остается места, при такой обстановке колхозы могут быть либо большевистскими, либо антисоветскими. И если мы не руководим в тех или иных колхозах, то это значит, что ими руководят антисоветские элементы»³⁰.

Из той проблемы, которую создали колхозы, укрывающие хлеб, Сталин сделал один вывод: только страх и призрак тюрьмы могут заставить местных начальников усвоить, что выращенный урожай принадлежит лишь государству. В декабре 1932 года всем партийным секретарям и райисполкомам была разослана сталинская записка о «переродившихся коммунистах». В ней говорилось:

«Рассылаются для сведения следственные материалы по саботажу хлебозаготовок в Ореховском районе Украины, присланные в ЦК ВКП(б) председателем ГПУ Украины т. Реденсом...»

Ниже следовало подробное перечисление всех «преступлений», совершенных ореховскими руководителями перед государством и партией. Заканчивалась записка словами:

«Так как враг с партийным билетом в кармане должен быть наказан строже, чем враг без партийного билета, то следовало бы людей вроде Головина (бывший секретарь Ореховского райкома), Паламарчука (бывший председатель райисполкома), ... и других немедленно арестовать и наградить их по заслугам, т.е. дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому.

Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин»³¹

После январского Пленума ЦК ВКП(б) 1933 года, на котором Сталин сделал для партии специальный анализ причин провалов в деревне, завершив его требованием искать классовых врагов внутри колхозов, а не за их пределами, аппаратчики развернули бешеную пропагандистскую травлю деревни. Номенклатура среднего уровня доводила себя и своих испол-

нителей до свирепости. Партийные совещания по вопросам сельского хозяйства представляли собой погромные политические митинги с призывами во что бы то ни стало отыскивать и карать «врагов колхозного строя». Атмосфера была настолько пропитана злобой и ненавистью к мифическим врагам, словно речь шла о вторгшихся в страну диких варварах.

Лаврентий Картвелишвили, второй секретарь Запсибкрайкома партии обрабатывал районных работников в феврале 1933 года совершенно в духе Сталина:

«...нам предстоит большая работа по организации посева, при которой остатки классов пойдут против нас, они будут нам вредить во время подготовки, они будут нам вредить на поле. Наша задача заключается в том, чтобы каждый коммунист знал, что враг будет действовать в этом году, что надо мобилизовать все внимание на борьбу против этого врага. (...)

Нужно ... бить, добивать, уничтожать нашего врага, сидящего в колхозах и совхозах. (...)

Когда мозги судейских работников будут перестроены, тогда они будут меньше путать, меньше выносить неправильных приговоров, меньше будут говорить такие вещи, как сказал тогучинский прокурор, что «процессами хлеба не заготовишь»... Мы, наоборот, чтобы поднять хлебозаготовки, где саботаж организует кулак, говорим судебным органам: «Бей, кроши, рви голову».

А этот прокурор находит, что «процессами хлеба не заготовишь»³².

Для ликвидации «антигосударственных тенденций» в сельском хозяйстве ЦК учреждает в январе 1933 года институт специальных надзирателей для колхозов — политотделы при МТС и совхозах. Одной из задач политотделов ставилось выявление «кулацких элементов» и проведение всесторонней чистки сельских работников: председателей колхозов, членов правлений, завхозов, кладовщиков, счетоводов, кассиров. В структуру каждого политотдела входил представитель ОГПУ на правах заместителя начальника. Ему поручалось создавать в деревне сеть сексотов и осведомителей для содействия поискам «скрытой контрреволюции» и «саботажников». Работники ОГПУ при политотделах действовали по правилам конспира-

ции. Их деревенский аппарат состоял из трех частей: «резидентов» (обычно 3–4 человека), «спецосведомов» (7–9 человек) и «общего осведомления». В совокупности штат тайных агентов ГПУ в каждом политотделе составлял примерно 25–30 человек. Так, например, в политотделе Ададымского зерносовхоза (район Томского оперсектора) агентурная сеть насчитывала 28 человек³³.

На посты начальников политотделов ЦК прислал своих людей. Это были кадры нового призыва, отобранные по особым моральным критериям, готовые делать карьеру на истреблении какого угодно количества кулаков. В Западно-Сибирском крае корпус политотдельцев возглавил работник аппарата ЦК ВКП(б) К.М. Сергеев.

Как только деятельность политотделов приняла организованные формы, партия начала всеобщую широкомасштабную чистку колхозов и промышленных предприятий. Основное решение об этом было принято в марте 1933 года. Оно гласило:

«В целях содействия организационному укреплению колхозов, очистки колхозов, совхозов и промпредприятий от классово-враждебного элемента в этом году намечено произвести выселение из сельских местностей и городов преступного элемента следующих категорий:

1. кулаков вычищенных из колхозов, укрывшихся в колхозах, подрывающих их изнутри путем вредительской деятельности, расхищения колхозного имущества.
2. кулаков не выселенных в 1930–1931 годах из районов сплошной коллективизации.
3. кулаков бежавших из мест расселения, скрывающихся в районах коллективизации, проникших в совхозы, на промпредприятия, транспорт и прочее.
4. преступный элемент из единоличников, демонстративно организующий срыв, саботаж весеннего сева и выполнение других госзаданий.
5. преступный деклассированный элемент в крупных городах, промышленных центрах, на транспорте.

Крайком предлагает немедленно приступить к тщательному учету, изучению подлежащего выселению классово-

враждебного элемента, используя для этого все имеющиеся материалы и проверяя на месте классовое лицо, антиобщественную деятельность намечаемых к выселению. Тройка в составе предрика, члена бюро райкома и начрайотделения ОГПУ в трехдневный срок должна собрать ориентировочные данные о количестве, составе подлежащих выселению и через аппарат ГПУ сообщить в край сколько, какими группами намечаете к выселению вашего района, количество семей в них, человек, количество одиночек, количество семей, не имеющих трудоспособных. (...)

О времени и порядке практического проведения выселения будут даны дополнительные указания.

Эйхе, Грядинский»³⁴.

Массовый отлов и высылка крестьян производились с посевной кампании. Сначала из деревень выслали единоличников, не желавших принимать план засева. В Западной Сибири их оказалось около 5000 человек³⁵.

В мае последовало требование Политбюро выселить в тайгу еще 1000 семей в составе 4000–5000 человек³⁶.

Партия занималась будничной плановой работой и уже не испытывала такого напряжения и опасности, как в предыдущие годы.

Секретари райкомов деловито представляли свои отчеты:

«...нами отправлено из района [Боготольский] 98 хозяйств, 525 человек. (...) ...кампания прошла исключительно спокойно, несколько не похоже на прежнее выселение, когда было много шума на селе и в районе: проводы, плач и т.д. Это выселение скорее похоже на простую оперативную работу. (...)

Вся эта спокойная обстановка вызвана тем, что абсолютно все кулацкие хозяйства никакого хозяйства, лошадей, коров, инвентаря не имели, а у многих из них изъяты дома, и они превратились в деклассированные элементы...»³⁷.

С апреля–мая 1933 года чисткой деревни занялись политотделы. Изучалось главным образом «политическое лицо» управленческого аппарата колхозов и МТС, отвечавшего теперь за выполнение всех заданий партии.

На основе указаний ЦК и ЦКК была проведена сплошная фильтрация колхозных счетоводов, кассиров, завхозов, кла-

довщиков. Она охватывала 8479 колхозов. Но одновременно проверялись и рядовые колхозники.

К концу года только в Западно-Сибирском крае действовали 150 политотделов в 194 МТС³⁸. По неполным данным они сумели обнаружить более шести с половиной тысяч «классово-враждебных элементов», из которых 1109 человек были отданы под суд и 1025 исключены из колхозов и высланы³⁹.

Партия преследовала крестьян по всем направлениям. Громадные размеры приняло лишение избирательных прав. Обычным следствием этой меры являлось изъятие у «лишенцев» имущества и скота, после чего семья преследуемого ввергалась в нищету. В некоторых районах лишенными прав голоса оказались сотни крестьян, а всего в 1933 году в Западной Сибири было репрессировано таким образом 4,7% электората (62290 человек — по данным 75 районов)⁴⁰.

Еще одним этапом чистки колхозов стала кампания хлебозаготовок 1933 года. В деревню были брошены основные силы партии и ОГПУ. Всем нужен был хлеб, и каждая сторона — крестьяне и партия — старалась переиграть друг друга. Одни ловчили и изворачивались, чтобы запасти для своих детей хоть что-то до будущего урожая, другие имели приказ отнимать хлеб любыми способами.

С 1 августа 1933 года была прекращена колхозная торговля хлебом. Партия посчитала, что этим она сможет обуздать «рваческие настроения колхозов».

ЦК дал указание особенно тщательно охранять пункты ссыпки зерна, строго следя за попытками крестьян вынести хотя бы горсть. Размеры судебных преследований в эту кампанию оказались самыми высокими по сравнению с предшествующими годами. На 1 января 1934 года было осуждено 15694 человека⁴¹. Кроме того ОГПУ арестовало в крае и осудило своим судом за хищения в колхозах 1128 человек⁴². Но особенно большое количество пострадавших оказалось среди руководящих кадров. Если в 1932 году общее число осужденных должностных лиц составляло в крае 17759 человек, то в 1933 году их стало 23844. (На следующий год осудили еще 25085 руководителей)⁴³.

После таких «очистительных» мероприятий следовало считать, что «саботаж» в колхозах окончательно сломлен. Во всяком случае аппарат сельских исполнителей значительно обновился, и план хлебозаготовок признавался выполненным. Это давало основание партии объявить о прекращении состояния войны с крестьянством. На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года Сталин подводил итоги «борьбы за социализм». Используя, как обычно, иносказательную форму для изложения существа дела, он заявил:

«Надо признать, что трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма»⁴⁴.

В этом месте слова вождя партии были покрыты продолжительными аплодисментами делегатов съезда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Система округов была упразднена. Основной административной единицей стали районы. В это же время Сибирский край разделился на две части: Западно-Сибирский край (172 района — 8,1 млн чел.) и Восточно-Сибирский край (43 района — 1,5 млн чел.). *Административно-территориальное деление Сибири.* (Справочник). Новосибирск. 1966. С. 117.

² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 3207, л. 143.

³ Там же, л. 165.

⁴ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 238, л. 34. Данные проф. Н.Я. Гушина («Сибирская деревня...» С. 437) о 717 высланных семьях не учитывают крестьян, бежавших в ходе самой депортации.

⁵ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 124, л. 30; *История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири (1927–1937 гг.).* Документы и материалы. Иркутск. 1979. С. 163.

⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 122, л. 158.

⁷ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 238, л. 21.

⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 124, л. 30.

⁹ *Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 года.* Новосибирск. 1993. С. 35–36.

¹⁰ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 124, л. 31–33.

¹¹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 238, л. 216, 257.

- ¹² Гушина Н.Я. Сибирская деревня... С. 440.
- ¹³ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 156, л. 143.
- ¹⁴ ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 257-А, л. 53.
- ¹⁵ Спецпереселенцы... С. 314.
- ¹⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 156, л. 8.
- ¹⁷ Там же, оп. 1, д. 186, л. 21.
- ¹⁸ Там же, оп. 2, д. 247, л. 168.
- ¹⁹ Сведения проф. Гушина Н.Я. («Сибирская деревня»... С. 443) о 6000 осужденных безусловно занижены и учитывают лишь привлеченных по ст. 61, число которых составляло 70 % от общего количества осужденных.
- ²⁰ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 167, л. 119.
- ²¹ ПАНО, ф. 7, оп. 1, д. 267, л. 186.
- ²² Там же, л. 192.
- ²³ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 207, л. 34.
- ²⁴ Там же, д. 255, л. 126–128.
- ²⁵ ПАНО, ф. 3, оп. 5, д. 543, л. 67об.
- ²⁶ ПАНО, ф. 7, оп. 1, д. 267, л. 82–83.
- ²⁷ ПАНО, ф. 3, оп. 13, д. 1, л. 116.
- ²⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 175, л. 100–101.
- ²⁹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 514, вып. 2, л. 20.
- ³⁰ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 231.
- ³¹ ЦДНИ (Иркутск), ф. 123, оп. 2, д. 358, л. 14.
- ³² ПАНО, ф. 7, оп. 1, д. 425, л. 122–124, 148.
- ³³ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 441, л. 234.
- ³⁴ Там же, д. 528, л. 76–77.
- ³⁵ Там же, д. 450, л. 19.
- ³⁶ Там же, д. 362, л. 296.
- ³⁷ Там же, д. 535, л. 25–26.
- ³⁸ Советская Сибирь. 1934. 14 января.
- ³⁹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 444, л. 47.
- ⁴⁰ ПАНО, ф. 3, оп. 7, д. 621, л. 36.
- ⁴¹ Там же, л. 116.
- ⁴² ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 417, л. 90.
- ⁴³ ГАНО, ф. 1199, оп. 1-а, д. 1, л. 49.
- ⁴⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 324.

3. СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Создание огромной «кулацкой ссылки» в диких таежных зонах и на рудниках Сибири, Урала, Севера и Дальнего Востока было частью единой большевистской программы «ликвидации кулачества как класса».

Идея изоляции кулаков посредством заточения в ссылку их семей родилась внезапно, непосредственно в ходе кампании поголовного раскулачивания. Как и другие большевистские замыслы относительно переустройства общества, идея заключала в себе смесь коммунистической утопии и традиции государственного насилия. Расчитывая одним мощным ударом завершить покорение деревни, удалив из нее наиболее крепкую и независимую часть крестьян, правящий режим планировал вместе с тем осуществить так называемое «трудовое перевоспитание» выселенных «эксплуататоров».

В наиболее концентрированном виде взгляды партийного руководства на проблему депортации кулаков получили выражение в секретной записке одного из тех деятелей, кому пришлось в наибольшей степени участвовать в организации «кулацкой ссылки». Речь идет о меморандуме полномочного представителя ОГПУ в Сибири Леонида Заковского. Это один из немногих документов, представляющих развернутую программу ликвидации, составленную в начале 1930 г., т.е. до проведения самой операции и появления соответствующих правительственных инструкций. Записка адресовалась нескольким ведомствам и носила название «Предложения по вопросу ликвидации кулачества как класса».

Значение данного документа заключается, конечно, не в авторстве Заковского, известного специалиста в подобных делах, а в том, что содержание подготовленного текста нашло почти полное выражение в последующих решениях и практических действиях властных советских органов.

Согласно этой записке, массовое выселение кулаков на Север не должно было стать самоцелью правительства, так как

«в лучшем случае может произойти не ликвидация, а переселение кулачества как класса»¹. «Простое переселение и концентрация кулаков в разных районах Севера, — писал Заковский, — создаст своеобразные кулацкие республики, где более способная и изворотливая часть кулачества будет эксплуатировать разорившуюся часть. Часть кулачества, переселенная на Север, не имея эксплуататорских перспектив, будет заниматься бандитизмом, борьба с этим явлением на Севере сопряжена с огромными трудностями (опыт Якутии)».

Из этого Заковский делал вывод, что кулачество не должно быть оставлено «без нашего воздействия». Лучшей формой «воздействия» он считал организацию «трудовых колоний», в которых будет происходить «приспособление кулачества к трудовой жизни и политическим процессам, происходящим в них».

Задача «трудового перевоспитания» удачным образом совпала с возможностью использования дешевого труда «перевоспитуемых» на самых тяжелых работах. «Трудовые колонии, — писал Заковский, — организуются в тех местах, где есть необходимость в рабочей силе по перспективным предположениям развития хозяйства: лесоразработки, лесозаводы, добычка слюды, графита, золота, строительство железных дорог»².

Трудоспособное мужское население колонии валит лес и строит дороги, а члены их семей и иждивенцы в это время выполняют «твердые задания» на «предприятиях кустарного типа по переработке лесных отходов, мелкой химической промышленности, сбору экспортного сырья, грибов, ягод».

Чем больше кулаки должны были работать и чем меньше получать за свой труд, тем выше представлялся успех «перевоспитания». Для них норма производительности труда предусматривалась «в полтора—два раза выше существующих», а оплата — «около 50 % расценок существующих сейчас».

Заковский определял и юридическое положение сосланных. В его проекте «выселяемое кулачество лишается права голоса. Трудовая колония не имеет никаких выборных органов по линии управления таковой. Управление осуществляется назначенным по линии ОГПУ начальником колонии».

В таком положении кулаки должны были находиться «не менее трех лет». После этого срока формы управления «отдельных колоний» могли изменяться путем перевода в «коллективные хозяйства, совхозы или другого типа хозяйства» с одновременным решением вопроса об избирательных правах³. Заковский был практиком с богатым опытом различных ликвидаций, и его предложения имели для партии несомненное значение. Глубокое знание предмета этот «теоретик» депортаций широко использовал и в собственной деятельности на посту начальника ОГПУ в Сибири. Под его руководством на сибирских просторах был создан один из самых крупных центров ссылки в сталинском государстве, куда в течение десятков лет правительство выбрасывало тысячи неугодных граждан.

В Сибири имелось много подходящих мест для земледелия и устройства жизни семей крестьян-изгоев, но ОГПУ выбрало лишь такие, откуда бежать было трудно либо невозможно. Районами кулацкой колонизации стали зоны тайги, удаленные на сотни километров от основных путей сообщения и промышленных центров. В Восточной Сибири это — пространства вдоль реки Ангары и ее притоков к северу от Иркутска (Братский район), территория к северу от Канска (Кежемский и Шиткинский районы) и Ачинска, бассейн реки Енисей севернее Красноярска, вплоть до Карского моря. В Западной Сибири — лесные массивы Нарымского края, по берегам Оби, Кети, Парабели, Чулыма (современная Томская область), а также бассейн Оби и ее притоков на тюменском Севере.

Нарымский край служил главным районом крестьянской ссылки. В сравнении с другими областями Сибири, ОГПУ признавало его наиболее перспективным с той точки зрения, что Нарым использовался в качестве ссылки еще в царское время. Условия природы и климата здесь были суровы, но все же допускали возможность заниматься промыслами или сельским хозяйством, чтобы поддерживать минимальный уровень жизни людей. Кроме того, обилие водных путей, связанных с железной дорогой, позволяло производить перемещение сюда больших масс депортированных без излишних затрат. В 1930 г.

здесь сосредотачивалась почти половина спецпереселенцев Сибири.

Каждая операция по выселению на север отличалась своими особенностями, но в целом все они представляются не иначе как голый эксперимент и неприкрытое насилие. Особенно цинично проводилась депортация 1930 года. Ограбленных крестьян выселяли в середине зимы, с совершенно очевидными последствиями для большинства их семей. При этом условия выживания людей были искусственно осложнены различными ограничениями. Запрещалось вывозить в ссылку домашний скот, за исключением лошадей, иметь имущество, рабочий инвентарь и одежду «сверх нормы». Заброшенных в снежную пустыню спецпоселенцев откровенно обрекали на массовую гибель.

Из свидетельских показаний этого периода последствия депортации рисуются в самых трагических тонах.

«Высланные на болото лишенцы, — писал из Тарского района Омского округа один очевидец, — живут на положении диких зверей, так как никакого хозяйства вести там невозможно. Вывезенные туда лошади за весну были съедены, другой скотины туда брать не позволяли. Сельскохозяйственный инвентарь и телеги брошены хозяевами. Отцы побросали там свои семьи, которые теперь умирают с голоду, а сами всевозможными путями бегут. Пойманных возвращают обратно на болота. Местная власть до того распоясалась и восстановила против себя крестьянство в селах Рязаны, Муромцево и близлежащих деревнях, что в марте вспыхнуло восстание...»⁴.

После 1930 года массовые депортации в зимних условиях больше не проводились, но последствия других переселений были не менее кошмарны.

В течение 1930—1931 гг. в отдаленные районы Сибири, включая Якутию, ОГПУ насильно переселило более ста тысяч крестьянских семей общей численностью около полумиллиона человек. По регионам они распределялись таким образом:

Западная Сибирь — 82457 семей — 363238 чел., Восточная Сибирь — 25348 семей — 91714 чел.⁵

Огромный людской поток, внезапно заполнивший пути сообщения и пересыльные пункты в городах Сибири с первых

месяцев 1930 г., представлял собой хаотичную, едва управляемую массу. Местные власти находились в растерянности и принимали решения без каких-либо расчетов. Не имея средств для доставки всех спецпереселенцев на север, в пункты предполагаемых поселений, руководители Сибири в спешке искали способы скорейшей изоляции депортированных, чтобы не допустить их массового вымирания и распространения эпидемических заболеваний. Реальную социальную опасность представлял также рост преступности.

Выход был найден в следующем. Часть крестьян, в основном работоспособных мужчин, крайком партии и ОГПУ решили передать «социалистическим стройкам» — предприятиям угледобычи в Кузбассе, Кузнецкстрой, Комбайнстрой, кирпичным заводам и рудникам Союззолото. Но и этот план использования кулаков провалился уже летом 1930 г. В результате разделения семей, а также отсутствия на стройках элементарных условий жизни и оплаты труда большая часть крестьян разбежалась. С предприятий Западной Сибири бежало 22 тысячи кулаков⁶. К концу года лишь половина из них была поймана и возвращена в ссылку.

В сентябре 1930 г. Западно-Сибирский крайком партии принужден был изменить тактику организации спецпоселений и использования переселенцев. Было решено снять основную часть кулаков — глав семейств — с работ на стройках и отправить в тайгу для воссоединения с семьями. Крайком постановил также, что «основной линией в расселении кулачества должно быть сельскохозяйственное освоение необжитых северных районов края и занятие кустарным промыслом, а также использование кулаков на лесозаготовительных работах»⁷.

Положение спецпереселенцев, выгружавшихся в дремучей тайге, где чаще всего не имелось никаких следов жизни людей, было чем-то средним между положением первобытных людей, отшельников отвергнутых обществом и положением заключенных. Весь смысл их существования состоял только в одном — приспособлении к условиям суровой природы и стремлении не умереть от голода или мороза до наступления следующего дня. Островки этой мученической жизни, разбросанные по всему сталинскому государству, были своего рода

заповедниками, где непрерывно шел поразительный социальный эксперимент по естественному отбору людей, за ходом которого обладатели власти, подобно исследователю, вели наблюдение из своих кабинетов, внося в текущий эксперимент различные поправки.

Документы тех лет не дают никаких сколько-нибудь достоверных данных о количестве жертв среди сосланных крестьян. Однако даже отрывочные сведения из официальных источников заставляют предполагать, что уровень смертности в критические периоды достигал невероятных размеров — до половины общего числа переселенцев. Так, один партработник сообщал, что с октября по декабрь 1931 г. в поселке Клюквинском Колпашевского района из 1300 поселенцев умерло около 600 человек. Другой функционер, секретарь Каргасокского района Красильников, докладывал: многие поселенцы «до поздней осени находились в палатках, закрытых только половиками. ...к зиме не успели всех спецпереселенцев ввести в жилые помещения и в силу необходимости пришлось в маленькие комнатки наталкивать их как соленые огурцы. ...скученность получилась невероятная, из-за чего смертность в нашем районе выражается тысячами... Этому также способствовало недоедание...»⁸.

Угроза голодной смерти постоянно преследовала каждую семью и вообще определяла поведение людей, независимо от возраста. Особенно тяжело становилось к лету, когда запасы продуктов полностью истощались. Донесения Сиблага из районов спецпоселений (май 1932 г.) лишь немного приоткрывали завесу в тех случаях, когда голод мог вызвать массовые волнения поселенцев:

«На спецпоселках Могочинской комендатуры: Федоровском, Киригода и Суига с продовольствием положение катастрофическое, с/п, занятые на производстве в Кривошеинском ЛПХ, продуктами питания снабжаются с большими перебоями, приварок совершенно отсутствует. Две недели как иждивенцы совершенно не получают продуктов питания, а с 25 мая отказано и рабочим. Прорабы голодных выгоняют на работу, поголовное бегство с лесозаготовительных пунктов. На почве голода усилились заболевания, люди от голода пухнут. Семьи

глав на спецпоселках едят березовую кору, разные суррогаты и гнилушки...

На некоторых поселках (Макариха Кузнецкого ЛПХ) с/п выпекают хлеб с примесью размолотого гнилого дерева...

На Тихиевском лесозаготовительном участке Ижморского района положение чрезвычайно напряженное. С/п ежедневно окружают контору лесоучастка и требуют хлеба. Женщины с детьми стоят перед конторой на коленях и упрасивают не дать им погибнуть с голода. Большинство семей питаются разными суррогатами...»⁹.

Но терпению крестьян иногда приходил конец, и тогда они поднимали восстания. Только в 1931 г. в Нарымской ссылке было зафиксировано по крайней мере два крупных стихийных бунта, вспыхнувших на почве голода и издевательств администрации.

Первый произошел в Чумаковском районе, в бассейне рек Оми, Ичи и Сенчи. Бежавшие из ссылки крестьяне смогли организовать отряд до 300 человек и установить контроль над несколькими таежными поселками при содействии местных сельских советов. По-видимому, крестьяне не были настроены слишком агрессивно, поскольку в официальной сводке ОГПУ, против обычая, ничего не говорилось о жертвах со стороны представителей власти. Сообщалось лишь, что мятежники «устраивали засады», «вылавливали советско-партийный актив и комсомольцев». Кроме того, жители села Крещенка захватили двух милиционеров, державших под арестом их односельчан.

Присланный из Новосибирска вооруженный отряд карателей жестоко расправился с крестьянами. 20 июля в открытом бою мятежники были уничтожены¹⁰.

Еще большее восстание возникло в июле 1931 г. в Парбигской комендатуре Чаинского района. Здесь на борьбу поднялось около двух тысяч голодных крестьян, которых также поддержало местное население. Мятеж продолжался несколько дней. Восставшие разоружили охранников в поселках, захватили продуктовые склады. В ходе столкновений было убито и ранено несколько работников комендатуры и представителей власти.

На подавление восстания руководители края бросили крупные силы: дивизион войск ОГПУ, резерв томской милиции, из местных активистов были сформированы партийные и комсомольские отряды. Карательную операцию возглавил начальник отдела спецпоселений Сиблага И.И. Долгих. Сломить вооруженных чем попало крестьян не представляло особого труда. У села Высокий Яр произошло решающее сражение. Согласно информации ОГПУ, «разбитые в открытом бою бандиты частью вернулись в свои шалаши, наиболее активные во главе с руководителями Усковым и Моревым с оружием ушли в тайгу...»¹¹.

Как особый государственный институт, ссылка выполняла роль резервации не только для кулаков. По решению Политбюро сюда направлялись и те общественные элементы, существование которых в советских условиях было признано столь же «бесполезным» или «вредным», как и существование крестьян-единоличников. В течение всего периода 30-х гг. в спецпоселения выгружали многочисленные партии так называемых «деклассированных элементов» — беженцев из районов голода, большей частью превратившихся в нищих и бездомных бродяг, которых собирали на вокзалах, площадях и улицах крупных городов, а с ними — цыган, беспризорников, уголовников. Здесь же содержали интернированных военнопленных, в частности, несколько сот китайских солдат, доставленных из приграничных областей Дальнего Востока.

В 1933 г. по решению Политбюро в стране была проведена самая крупная депортация, в результате которой зона сибирских спецпоселений значительно расширилась и превратилась в громадный лагерь принудительного труда. Депортация 1933 г. завершала важный цикл сталинских преобразований. Ее осуществление преследовало две основные цели: полная ликвидация последних очагов крестьянского сопротивления в районах коллективизации и проведение чистки городов от «деклассированных элементов» в связи с введением паспортной системы.

17 апреля 1933 года ЦК принял постановление «Об организации трудовых поселений ОГПУ», в котором ставилась задача создать дополнительные зоны расселения в тайге «по ти-

пу существующих спецпоселков» для «вновь переселяемых контингентов»¹². План единовременной депортации первоначально был рассчитан на три миллиона человек. Из этого количества по одному миллиону намечалось расселить в Западной Сибири и Казахстане¹³. Масштаб предстоящей операции был настолько фантастичен, что в результате протестов со стороны руководителей Сибири Политбюро пришлось многократно сократить первоначальные предположения.

В ходе депортации 1933 г. в Западную Сибирь было выслано 132 тыс. чел., из которых 19 тыс. наиболее работоспособных передали тресту Кузбассуголь, остальных расселили по спецпоселкам Нарымского Севера и в Тарском округе.

До сих пор каждая операция переселения кончалась неминуемой катастрофой для сотен или даже тысяч крестьянских семей. Но акция 1933 г., по-видимому, превосходила все остальные кампании масштабами гибели людей от голода и невыносимых климатических условий. Главная часть депортации проводилась в летние месяцы, вполне благоприятные для иных территорий, но не для севера Сибири: здесь даже в мае или июне могли последовать сильные заморозки или выпасть снег, подобно тому как это происходит в северных широтах.

Из прибывавших эшелонах из Москвы, Северного Кавказа, Ленинграда, Сочи и других городов, выгружали по-летнему одетых людей. Большинство из них были крайне истощены голодом, болезнями и длительным пребыванием в пути. «В ряде случаев люди погружались с носилок, некоторые партии (из Кушевки на Северном Кавказе) имели истощенных 75 % своего состава»¹⁴. В этой массе, где многие числились как уголовные элементы, было немало женщин, детей, подростков и инвалидов — жертв чистки городов от «деклассированных». В одном из официальных отчетов сообщалось: «Среди высланных имелись инвалиды без ног, без рук, слепые, явные идиоты, малолетние дети без родителей». После краткой остановки в пересыльных пунктах их сажали на баржи, чтобы затем разгрузить в самых глубинных пунктах нарымской тайги, где признаки человеческой жизни были особенно редки.

То, что происходило в этих закрытых резервациях, не поддается точному описанию. Источники либо крайне скупы, ли-

бо отсутствуют вовсе. Более или менее достоверные сведения сохранились лишь об одном событии, на основании которого можно судить о положении депортированных в результате операции 1933 года. Это событие — «назинская трагедия».

Из всех известных теперь источников суть дела рисуется так¹⁵.

Во второй половине мая 1933 года на один из необитаемых островов в северной части Нарымского края — остров Назино, в нескольких километрах от устья реки Оби, один за другим были доставлены три баржи спецпереселенцев общей численностью более шести тысяч человек. Среди узников находились крестьяне, рабочие, инженеры, строители — люди разных профессий и возрастов, захваченные работниками ОГПУ, вероятно «по разнарядке», на вокзалах и в городах вместе с уголовниками и нищими. Имелись, как выяснилось позднее, даже комсомольцы и члены партии.

— Выпускай... Пусть пасутся, — скомандовал конвою начальник участковой комендатуры, и измученных заключением людей стали выводить из трюмов.

«В первую очередь на берег были вынесены до 40 трупов, — описывает происходившее случайный очевидец, — и потому, что было очень тепло, а люди не видели солнца, могильщикам было разрешено отдохнуть... Пока могильщики отдыхали, мертвецы начали оживать. Они стонали, звали о помощи и некоторые из них поползли по песку к людям. Так, из этих трупов ожили и стали на ноги 8 чел»¹⁶.

Предоставленные самим себе, спецпереселенцы разбрелись по острову в поисках пищи и крова. Одни занялись сооружением шалашей из травы и веток, другие — рыли ямы, располагались у костров. На следующий день погода резко изменилась: подул холодный ветер и выпал обильный снег. После этого большинство могло спастись только благодаря случаю.

«Люди начали умирать. Они заживо сгорали у костров во время сна, умирали от истощения и холода, от ожогов и сырости... Так трудно переносился холод, что один из трудпереселенцев залез в горящее дупло и погиб там на глазах лю-

дей, которые не могли помочь ему, не было ни лестниц, ни топоров.

В первые сутки после солнечного дня бригада могильщиков смогла закопать только 295 трупов, неубранных оставив на второй день. Новый день дал новую смертность...

...только на четвертый или пятый день прибыла на остров ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм.

Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку (так как она была в порошке), падала и задыхалась, умирая от удушья»¹⁷.

За несколько дней голода и полного отчаяния жизнь на острове потеряла последние признаки социальной организации. «...началось изредка, а затем в угрожающих размерах людоедство, — свидетельствует очевидец. — Сначала в отдаленных углах острова, а затем где подвертывался случай. Людоеды стрелялись конвоем, уничтожались самими поселенцами.» Господство на острове захватили в свои руки шайки бандитов и мародеров. «Даже врачи боялись выходить из своих палаток». Мародерствовали и сами охранники: за хлеб и табак скупались золотые коронки, одежда.

По приблизительным данным (строго учета не существовало), в течение трех недель в районе острова Назино погибло не менее 3–3,5 тысяч человек. К сентябрю 1933 года из вновь прибывших ссыльных (более 6 тысяч) живыми числилась только третья часть¹⁸.

Информация о назинской гекатомбе получила огласку и стала известна благодаря совершенно случайным обстоятельствам: один из местных партийных работников, партийный пропагандист из Нарымского окружкома ВКП(б) В. Величко, собирая сведения для книги о «социалистическом строительстве на Севере», невольно натолкнулся на остров с погибающими людьми. Возмущенный тем, что присланные, как он считал, для «трудового перевоспитания» переселенцы уничтожаются без всякого смысла, он направил письмо Сталину и Эйхе, которое и явилось причиной последующих разбирательств.

Подобно лагерям ОГПУ–НКВД районы спецпоселений постепенно превратились во внутренние государства. Здесь существовали собственная администрация (комендатуры) и собственные законы (приказы НКВД), свои полиция, флот, экономика, система образования, здравоохранения. Население спецпоселков, независимо от пола и возраста, находилось в полном подчинении у комендатур. Никто не имел права самовольно покинуть работу или поселок, за уход с рабочего места назначались штрафные работы от 3-х до 10-ти суток, а за побег из поселка – заключение в лагерь. Некоторое изменение режима в спецпоселениях произошло в конце 1935 года после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря. Окончившим школу детям кулаков было разрешено выезжать в города и «на общих основаниях» поступать в средние специальные и высшие учебные заведения. Но в паспорте выезжающего ставилась при этом специальная отметка, запрещающая проживать в режимных городах. С 1939 года право выезда со спецпоселения получил каждый достигший 16-летнего возраста¹⁹.

Количество и размещение трудпоселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке (на 1 января 1940 г.)²⁰

Регион	Количество	
	семей	человек
Омская область	9269	39066
Алтайский край	829	2762
Новосибирская область	48032	198402
Красноярский край	14346	55014
Иркутская область	8053	30014
Якутская АССР	1183	3628
Читинская область	5614	23866
Бурят-Монгольская АССР	491	1983
Хабаровский край	5812	25512
Приморский край	235	1028
Норильлаг НКВД	20	310
Всего	93884	381585

В спецпоселениях исчезло огромное количество депортированного населения, и прежде всего крестьян. После 1931–1932 гг., периода максимального роста численности ссыльных, население спецпоселков постоянно сокращалось, несмотря на то, что процесс вселения новых потоков продолжался, хотя и не столь интенсивно как прежде. К концу 30-х годов на Востоке СССР не оставалось ни одной области, где не существовало бы крестьянских спецпоселений.

Созданием спецпоселений, как постоянно действующей ссылки, в сталинском государстве завершился процесс полного покорения крестьянства, начавшийся в 1928 году. Все прежние экономически и социально активные силы деревни были уничтожены либо изолированы. Для большинства уцелевших крестьян ссылка стала таким же колхозом, какие были созданы на месте их прежней жизни, но только колхозом строгого режима. А спецпоселенцы на шахтах, рудниках и фабриках превратились в приписных крестьян. Ликвидированное в России в конце XIX века крепостное состояние вернулось в XX столетии в новой форме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ, ф. 393, оп. 2, л. 1796, л. 224.

² Там же.

³ Там же, л. 225.

⁴ ПАНО, ф. 3, оп. 3, л. 57, л. 81.

⁵ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск. 1994. С. 219; Архив Иркутского УВД, ф. 5, оп. 1, л. 186, л. 1.

⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 3, л. 107, л. 15.

⁷ Там же, л. 301, л. 22.

⁸ Там же, оп. 5, л. 168, л. 132–133.

⁹ Там же, оп. 1, л. 312, л. 24.

¹⁰ Там же, л. 175, л. 43–44.

¹¹ ГАРФ, ф. 47, оп. 5, л. 122, л. 113.

¹² ПАНО, ф. 3, оп. 2, л. 363, л. 30. См. также: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 15.

¹³ Спецпереселенцы... 1933–1938. С. 280.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Описание «назинской трагедии» приводится в нескольких изданиях: *Земля Сибирь*. 1992. № 5–6 (публикация В.И. Шишкина); *Возвращение памяти*. Новосибирск. 1995; *Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938*. Новосибирск. 1994.

¹⁶ *Спецпереселенцы... 1933–1938*. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 91.

¹⁸ ПАНО, ф. 7, оп. 1, д. 626, л. 93.

¹⁹ *Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945*. Новосибирск. 1996. С. 5.

²⁰ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 62, л. 2,4.

ГЛАВА III. ВРЕДИТЕЛИ И ОППОРТУНИСТЫ

1. ЧИСТКИ НАЧАЛА 30-х ГОДОВ

Пусть лучше будет пустое место, чем на нем будут сидеть вредители.

Ян Рудзутак. 1931 г.

Очень часто насилие и террор большевистской олигархии представляются лишенными какой-либо естественной логики. Как, в самом деле, объяснить почти поголовное истребление в первой половине 30-х годов целого слоя специалистов и интеллигенции старой формации при всех очевидных последствиях этого шага для самого режима? Между тем в действиях партийных главарей меньше всего было импульсивных безотчетных поступков. Любая расправа с неудобными лицами или отдельными группами населения преследовала вполне конкретные цели. Однако сами цели большей частью были настолько авантюристичны, безрассудны или просто преступны, что для их достижения не могли использоваться иные методы, кроме насилия. С помощью насилия большевики конструировали новое, неведомое миру общественное устройство, полное противоречий и парадоксов, и этим же средством они пытались исправить его несовершенство.

Жестокие чистки и громкие кампании разоблачений, охватившие в начале 30-х годов многие регионы страны, включая Сибирь, стояли в общем ряду попыток сталинцев совершить резкий скачок в социально-экономическом развитии.

Начав осуществление глобальных промышленных и аграрных преобразований, партия по существу не была к этому го-

това. Прежде всего она не обладала собственными человеческими ресурсами для выполнения сложных технических и хозяйственных задач и не имела практического опыта управления экономикой нового масштаба. За ней не стояла интеллигенция, на которую можно было бы опереться, а те специалисты старой школы, что еще оставались на службе у государства, не представляли надежного партнера. С ними у партии никогда не было нормальных взаимоотношений из-за того, что их убеждения и образ жизни напоминали о свергнутых буржуазных слоях. Как сама партия, так и часть разгоряченных ее идеологией рабочих откровенно относились к интеллигентам старой формации как к «социально-чуждым элементам». До известной степени их признавали полезной группой, но всегда держали под подозрением, а саму полезность, как правило, рассматривали через призму политической благонадежности.

Жизненная необходимость заставила сталинцев пойти на союз со старыми специалистами и остатками старой бюрократии. Союз этот был вынужденный и потому очень непрочный. Передав в руки беспартийной интеллигенции многие рычаги управления и хозяйственного контроля, партия одновременно возложила на нее и ответственность за свою экономическую политику и ее возможные провалы. В начале 30-х годов эти люди были превращены в основного виновника кризисов сталинского управления. Они стали наиболее удобной мишенью для ОГПУ в ходе открывшейся «борьбы с вредительством».

Начиная с 1928 года, с инсценировки Шахтинского процесса «инженеров-вредителей», Политбюро и ОГПУ проводили систематическое уничтожение специалистов, объявляя их врагами советской власти и организаторами различных подрывных акций в сфере экономики.

Первое время однако расправы проводились весьма осторожно. Они носили больше устрашающий характер, и лишь в исключительных случаях выносились смертные приговоры. Большинство специалистов, получая иногда даже «высшую меру», подвергалось высылке в районы Сибири, где их опыт и знания использовались в хозяйственном освоении края.

Так после Шахтинского процесса 1928 года в Сибири оказалась большая группа донбасских «вредителей», избежавших

Новосибирск в 30-е годы.

расстрела. Один из главных обвиняемых по «шахтинскому делу», бывший технический директор треста Донуголь Н.П. Бояршинов, которого государственный обвинитель Н.В. Крыленко назвал на процессе «инициатором контрреволюционной организации, ее настоящим и основным руководящим работником»¹, был определен ОГПУ на шахты Прокопьевска. «Высшую меру» ему заменили на 10 лет лишения свободы, но свой срок он должен был отбывать на инженерной должности в положении ссыльного. Дальнейшая жизнь его сложилась трагически. Он до последних дней честно выполнял свой долг инженера, оставив о себе благодарную память многих рабочих и служащих Прокопьевска как высококвалифицированный специалист и замечательный человек. В 1934 году Бояршинов погиб в случайной дорожной катастрофе, попав под повозку с лошадьми².

Другие «шахтинцы» — горные инженеры Н.А. Чинакал (6 лет лишения свободы), Л.Г. Рабинович (6 лет), В.В. Люри (3 года), И.И. Некрасов (4 года), Н.И. Скорутто (10 лет), Л.Б. Кузьма (3 года), Н.Н. Березовский — также вместо лагерной изоляции получили назначение в Новосибирск и Кузбасс

в качестве специалистов-управленцев и технических работников угольных предприятий. Некоторым из них, у кого срок представлялся не слишком пугающим, было позволено занять вполне достойные их квалификации посты. Л.Б. Кузьма, например, в 1931 году являлся главным инженером Кузбасса.

На своем поприще в сибирской ссылке сумел выдвинуться, чудом избежав чекистской расправы, талантливый инженер-конструктор Николай Андреевич Чинакал. За создание новой системы разработки угольных пластов ему в 1943 году была присуждена Сталинская премия, а в 1967 — звание Героя социалистического труда³.

Но судьба остальных оказалась трагической. Среди «шахтинцев», выброшенных советской политикой в Сибирь, были и такие, кто не имел никакого срока вообще. «За недостатком улик» их не осудили, но все же с клеймом «вредителя» засунули в Кузбасс. В их числе оказались инженеры И.А. Пешехонов, В.К. Пржедпельский, П.Э. Жданов, Космодемьяновский.

Всех этих людей, как, впрочем, и сотни других специалистов, за небольшим исключением, ожидала на новом месте непродолжительная и схожая карьера, в конце которой неизбежно маячил арест.

Главную кампанию по выявлению «вредителей» партия развернула с лета 1930 года, когда признаки экономической катастрофы в стране уже ощущал на себе каждый гражданин СССР.

25 сентября советские газеты оповестили мир о расстреле 48-ми разоблаченных «вредителей — дезорганизаторов рабочего снабжения». Список, как ни странно, возглавляли профессора, специалисты холодильного дела из Наркомторга СССР — А.В. Рязанцев и Е.С. Каратыгин. За ними следовали имена «саботажников» из различных регионов страны, включая и Сибирь⁴.

Так был открыт сезон массовых арестов и расстрелов «вредителей», внезапно обнаружившихся во всех основных отраслях советской экономики.

Причин для организации судебных процессов действительно было более чем достаточно. Но на скамье подсудимых

должны были сидеть совсем другие лица. В течение 1928 — 1930 годов партийная клика неуклонно вела дело к тому, чтобы разрушить всякий порядок в продовольственном обеспечении страны.

В Сибири в результате одной лишь чистки госслужащих в 1929 году аппарат треста «Союзмясо» был совершенно парализован. Из состава этой организации изгнали всех специалистов. Остались только «политически благонадежные», но не способные для работы. И когда крестьянство стало в массовом порядке забивать и распродавать свой скот, спасая его от коллективизации, катастрофа оказалась неизбежной. Заготовительные пункты скупали неожиданно подешевевшие мясо и скот без всяких нормативов. Никто не в состоянии был что-либо регулировать. Быстро образовавшиеся невероятные запасы сырья перерабатывать не успевали и продукция начала гибнуть. Порча была огромной⁵. Выбываясь из сил, государственные заготовители на скорую руку производили переработку и засолку мясного товара, чтобы немедленно отправить его в промышленные центры страны.

Но масштабы потерь выявились очень быстро. В Москве, Ленинграде, Иваново и других городах были обнаружены целые составы испорченного мяса и колбас из Сибири, после чего за расследование принялось ОГПУ.

Виновники вредительства, как обычно, оказались среди «бывших». В сибирских мясозаготовительных и торговых организациях, на хладокомбинатах Омска, Новосибирска, Алтая Заковский арестовал несколько десятков человек, а затем оформил «заговор», который стал частью разветвленной общесоюзной организации «вредителей рабочего снабжения». В «сибирский филиал» аппарат ОГПУ включил 13 человек во главе с управленцами новосибирской конторы «Союзмясо», бывшим дворянином К.К. Быковским и бывшим офицером Г.Г. Соколовым. Эти двое, как члены «центра», попали в общесоюзный расстрельный список. Остальные фигурировали лишь в местном «филиале»⁶.

В апреле 1931 года коллегия ОГПУ подвела черту в деле «вредителей» системы мясозаготовок: кроме Быковского и Соколова, в Сибири к расстрелу приговорили еще трех человек —

работников Сибкрайторга и конторы «Союзмясо» — П.Н. Палферова, М.Я. Заруховича, И.И. Серебрякова. Другие получили по 10 лет концлагерей. И только руководитель сибирской конторы «Союзмясо», член партии М.Г. Сычев, проходивший по этому делу, отделался незначительной мерой: ему назначили ссылку на три года в Среднюю Азию.

В то время, когда одна часть аппарата ОГПУ раскручивала «заговор» мясозаготовителей, другая фабриковала более широкое дело «контрреволюционной организации в сельском хозяйстве» — «Трудовой Крестьянской Партии».

В течение всей второй половины 1930 года шли аресты в сельхозучреждениях Сибири: краевом земельном управлении, Сибплане, Сибполеводсоюзе, Сибсельмашсоюзе, Сибсельскладе, управлении сельхозкредита, районном переселенческом управлении, краевой станции защиты растений, сельхозинституте и краевой опытной станции. Едва ли не все ведущие специалисты сельского хозяйства и ученые-аграрники Сибири оказались за решеткой.

Одновременно ОГПУ устроило чудовищную чистку на периферии: в Омском, Славгородском, Каменском, Томском, Минусинском, Красноярском и Иркутском округах были также схвачены и посажены многие агрономы опытных станций и полей, работники земельных управлений, а в деревнях — все «крестьяне-культурники» — самые энергичные и трудолюбивые хозяева, внедрявшие на своих наделах передовые методы агрономии и разведения скота.

Все, что представляло научную мысль и прогресс в сельском хозяйстве, все, что не могло идти в сравнение с результатами большевистского способа хозяйствования, было осквернено и уничтожено.

В апреле 1931 года перед судом ОГПУ предстал целый ряд известных сибирских ученых-аграрников и специалистов из 35 человек, составлявших «руководство» краевой организации «Трудовой Крестьянской Партии» — партии А.В. Чайнова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова. Список этих специалистов вполне мог бы претендовать на перечень членов крупного научного совета или объединения. Его возглавляли директор Западно-Сибирской опытной станции, председатель Омского

сельскохозяйственного общества, консультант НИИ крайплана С.С. Марковский и краевой агроном, профессор И.И. Осипов. Тут же были имена и других ученых: В.А. Федоровского, Г.П. Никольского, В.Е. Максимова, Н.А. Хруцкого, И.М. Жуйкова, проф. В.В. Сабашникова, И.М. Скорнякова, И.С. Шилдаева и других⁷.

За каждым из них стояло не только их опороченное прошлое, бросавшее губительную тень на служебную и научную карьеру и саму жизнь «бывших», но и неутраченное здравомыслие, профессиональный долг, трезвый подход к делу — качества совершенно непригодные для практической работы в сталинских учреждениях 30-х годов.

Вредительство членов «Сибирского филиала ТКП», согласно официального обвинения, представляло собой традиционный набор преступлений «реставраторов капитализма»: пробравшись на ответственные посты в сельскохозяйственные организации края, они якобы создавали всевозможные льготы зажиточно-кулацкой части деревни в ущерб коллективным хозяйствам и вместе с тем выращивали кадры для вооруженного свержения советской власти⁸.

Коллегия ОГПУ 20 апреля 1931 года приняла решение: профессора В.В. Сабашникова, директора красноярской опытной станции и Г.Н. Скалозубова, директора минусинского опытного поля — расстрелять. Остальных заключить в концлагерь на сроки от 3-х до 10 лет.

И «Трудовая Крестьянская Партия», и дело «дезорганизаторов мясозаготовок» были всего лишь эпизодами в обширнейшей кампании разоблачения «вредителей» в 1930—1931 годах. Чтобы представить истинные масштабы изъятий этого периода, необходимо иметь в виду все отрасли экономики.

В Сибири аппарат ОГПУ во главе с Заковским действовал, по-видимому, с тем же размахом, что и в других регионах страны. За 1931 год здесь было выловлено 11 «контрреволюционных вредительских организаций, охвативших все основные области сибирского хозяйства»⁹. Были арестованы и осуждены тайным судом 7 инженеров и техников золотодобывающей промышленности края, 11 специалистов угледобычи, 21 — потребкооперации и госбанка, 27 — системы скотоводческих

совхозов, 10 — научных учреждений и так далее, всего — не менее 150 человек, как членов «вредительских организаций» общесоюзного или сибирского масштаба.

Но кроме того за тот же период подверглось аресту еще 1010 «вредителей» по менее значительным хозяйственным «делам».

В результате систематических облав, организуемых Заковским и его людьми, многие квалифицированные кадры разбежались, не дожидаясь ареста. Работа в некоторых учреждениях и производственных участках замерла из-за того, что специалистов-управленцев не осталось ни одного. И только тогда местное партийное руководство забило тревогу.

В одной из телеграмм, посланных в ЦК ВКП(б) в конце 1930 года Эйхе и начальником «Цветметзолото» А. Серебровским, рисовалась горькая картина:

«Положение со специалистами, особенно после обнаружения нового вредительства в золотодобыче, катастрофическое. Не [с] кем работать. Хуже всего на приисках. Также слабо с крупными хозяйственниками...»¹⁰.

Аналогичной была ситуация и в сельском хозяйстве. В крайком партии с мест иногда поступали обращения в такой форме:

«В совхозе № 58 ослепло 400 дойных коров. Местные специалисты с данным массовым заболеванием бороться некомпетентны. Срочно шлите опытных специалистов-кулаков»¹¹.

Но специалисты сидели в лагерях и подвалах Заковского и Зирниса, выйти из которых было намного труднее, чем в них попасть. Тем не менее кое-кого действительно выпустили. Спустя полтора—два года после ареста получили освобождение некоторые «члены ТКП» — Марковский и Осипов; на производство и рудники возвратилась часть инженеров. Постепенно ОГПУ пристроило к делу и других «вредителей», содержащихся в изоляции.

Конечно, Сталин и Политбюро могли легко расстрелять этих людей как «заговорщиков» или «вредителей», но, вероятно, не решались поступить именно так из-за того, что еще нуждались в их услугах. Такое поведение, как результат опре-

деленных колебаний, отчетливо проявлялось в течение всего 1931 года.

В Сибири, например, в марте 1931 года ОГПУ арестовало одного из самых видных представителей «исторической контрреволюции» — бывшего генерал-лейтенанта царской армии и главнокомандующего Уфимской Директории — В.Г. Болдырева. Василий Георгиевич был известным человеком. В свое время он получил полную амнистию и являлся очень полезным государственным служащим и научным работником советских учреждений в Сибири. Он издавал книги, консультировал большевистских чиновников по вопросам экономики, участвовал в создании Сибирской Советской Энциклопедии. Под арестом его держали до августа 1931, а затем вернули на место с совершенно необычным для ОГПУ признанием, что «обвинения во вредительской деятельности не подтвердились».

То же самое произошло и с арестованными научными работниками из Общества по изучению Сибири, а также с группой специалистов Сибирского геодезического управления¹².

В 1932—1933 годах экономическое положение в стране было ужасным. Сталинская политика уничтожила само понятие о пропорциональном развитии народного хозяйства и приносила лишь неисчислимые социальные бедствия. В деревне на фоне всеобщего хаоса свирепствовали голод и нищета. Городское население влачило полуголодное пайковое существование, а в это время огромные средства вкладывались в строительство заводов-гигантов и железных дорог без всякой надежды на быстрое получение результатов.

Чем хуже шли хозяйственные дела у сталинцев, тем свирепее становились расправы со старой интеллигенцией и инженерно-техническими кадрами.

С апреля 1932 года основная роль в организации кровавых чисток в Сибири перешла от Заковского к новому полномочному представителю ОГПУ — Н.Н. Алексееву — подлинному головорезу, с именем которого связан один из самых драматических периодов террора в крае. Это была довольно любопытная персона в руководящем составе ОГПУ. До революции Алексеев сотрудничал с партией эсеров, а потом, вплоть до 1919 года — с ее левым крылом. Законченного образования он

не имел — успел проучиться лишь полтора года на юридическом факультете Харьковского университета. Когда произошел октябрьский переворот, Алексеев, как левый эсер, оказался в составе Совнаркома в качестве заместителя наркома земледелия РСФСР. Вскоре однако эсеры были разгромлены, и Алексеев переметнулся к большевикам. С 1921 по 1925 год он выполнял какие-то «особые задания» Дзержинского во Франции и Англии, а затем его назначили в аппарат ОГПУ, в отдел информации.

Получив должность главного сталинского карателя в Западной Сибири, Алексеев сразу устроил погромную чистку в торгово-кооперативной и финансовой системе. Во второй половине 1932 года его агентура изъяла более 2200 человек — разного рода «вредителей» и «расхитителей социалистической собственности». Приговоры о расстреле выносились без всяких затруднений и особых формальностей: в Омске из 16-ти арестованных работников Госбанка было расстреляно 15; по «делу Союзтранса» в Новосибирске из 70-ти обвиняемых расстреляли 36 человек¹³.

В конце 1932 года оперативники Алексеева приступили к массовым арестам и фабрикованию беспрецедентных по своим масштабам, но с вполне реальными жертвами, «контрреволюционных дел».

Прежде всего вспомнили о тех, кого ранее по воле обстоятельств пришлось выпустить на свободу.

На одном узком партийном совещании в Новосибирске Алексеев заявлял:

«Известная часть специалистов оказывается недостаточно научена теми уроками, теми ударами, которые были в 30-ом и начале 31-го года. Кое-кто берется за старое. (...) Нами раскрыта контрреволюционная организация в системе Зернотреста. ...во главе этой организации стоял инженер Агинский, уже осужденный за контрреволюцию в 1930 году. Правда, в первый раз он не сознался, сейчас же сознался во всем...»¹⁴.

«Сознавались» и многие другие. Когда похватывали тех, у кого имелись старые «грехи», принимались за аресты по новым спискам.

Сталин систематически подгонял периферийную номенклатуру. Он непрерывно раздувал масштабы «вредительства» и требовал увеличить темпы изъятий. В декабре 1932 года все секретари обкомов, крайкомов и представители ОГПУ получили из Политбюро материалы, составленные воротилами ОГПУ — Прокофьевым и Мироновым, в которых шла речь о разоблаченных «контрреволюционных организациях» в Ветеринарном управлении Наркомзема СССР и его исследовательских институтах, а ниже — о «заговоре» работников Трактороцентра.

Эти секретные меморандумы сопровождался сталинским пояснением:

«Посылается для сведения две записки т.т. Прокофьева и Миронова: а) о вредительстве в области животноводства, б) о вредительстве в системе Трактороцентра. Ввиду исключительного значения рассылаемых материалов, предлагается обратиться на них серьезное внимание.

Секретарь ЦК И. Сталин»¹⁵.

Последовали аресты специалистов многих отраслей сельского хозяйства. Хватали главным образом бывших офицеров, чиновников и просто беспартийных людей различных учреждений по всей Сибири. Очень скоро образовался громадный «заговор в сельском хозяйстве Западной Сибири» — филиал «всесоюзной организации» — из 2197 арестованных¹⁶. Главари «заговора» оказались 5 управленцев: работники краевого земельного управления М.М. Холостов и И.У. Варакса, селекционер омской станции зернового хозяйства, профессор В.Р. Берг, агроном А.Ф. Брусницын и руководитель отдела Трактороцентра Е.Г. Мольс.

Как и их предшественники, эти «вредители» расплачивались за свои знания и научный опыт, противоречившие большевистским хозяйственным фантазиям. Одна из действительных причин их ареста заключалась в том, что в течение нескольких сезонов они пытались отстаивать выработанные методы агрономии, избегая разного рода прожектерства и бездумных нововведений. Но своим сопротивлением сумели лишь вызвать злобную политическую реакцию. В официальных партийных кругах против специалистов-аграрников во главе с

проф. В.Р. Бергом было выдвинуто обвинение в создании вредительской «теории средних сроков сева и мелкой пахоты»¹⁷.

В результате все сторонники этой «теории» оказались за решеткой. Омскую станцию зернового хозяйства, как главное «гнездо кондратьевско-чаяновской группы», разгромили вторично, вместе с проф. Бергом арестовали руководителей станции Д.Г. Бошкова, Г.Н. Дроздова и некоторых других.

284 «ячейки» в МТС, совхозах, колхозах и населенных пунктах числилось в ОГПУ в связи с «заговором в сельском хозяйстве». На красном партийном совещании в июле 1933 года Алексеев докладывал об итогах истребления:

«Кроме организации, вскрытой в системе МТС, мы имели параллельные, соединенные с ней официальные группы, которые были раскрыты почти во всех наших животноводческих трестах. В совхозах мы также имели чрезвычайно большое количество подрывных ячеек. Всего по делу этой контрреволюционной сельскохозяйственной организации нами было арестовано примерно 2100 человек. Из них по приговору тройки мы расстреляли около 1000 человек. [Было расстреляно 976 человек. — Авт.] И все это на протяжении последних пяти месяцев.

Надо сказать, что большинство специалистов, агрономов, зоотехников и прочих являлись членами этой контрреволюционной группы»¹⁸.

К середине 1933 года с «селекцией» специалистов сельского хозяйства было покончено. Из сферы управления и производства вытравили последние живые следы прошлой эпохи, а на место исчезнувших уселась советская поросль, свободная от всяких профессиональных традиций и «интеллигентских сомнений».

Но чистка, устроенная Алексеевым, продолжала распространяться с быстротой эпидемии. Она захватывала каждый город и поселок, каждый угол, где осели «бывшие» после революционных бурь.

В начале 1933 вновь был арестован генерал Болдырев, на этот раз уже безвозвратно. ОГПУ стало стряпать вокруг его имени чудовищную «контрреволюционную белогвардейскую повстанческую организацию», в которую заносило представи-

телей старого мира, извлекаемых из всех провинций бескрайней Сибири: бывших офицеров, купцов, помещиков, священнослужителей, членов различных политических партий¹⁹.

Рядом с фигурой Болдырева в этой лживой «организации» стояли имена других «идейных вождей» из краевых учреждений:

— Бутенко Х.Е. — б. полковник, командующий войсками Приморского правительствa, а в советское время — директор Лесоснабсбыта в Новосибирске;

— Шавров Н.П. — профессор, б. бригадный врач, а затем — директор химико-фармацевтического института;

— Краснов Г.А. — б. товарищ министра финансов правительства Колчака. При большевиках — зав. сектором Крайплана;

— Черемных Г.И. — б. председатель земской управы. Научный сотрудник и преподаватель;

— Лаксберг И.А. — б. капитан. Ученый-лесовод.

ОГПУ отыскивало всех бывших генералов и полковников. Они превратились в «руководителей повстанческой деятельности». В их числе: М.Б. Шатилов — б. министр Сибирского Областного правительства, Р.П. Степанов и А.С. Шеметов — б. командующие 1-й и 2-й Оренбургскими казачьими дивизиями, Е.В. Булатов — б. командующий 7-й Сибирской дивизией войск генерала Пепеляева и другие.

А затем последовали изъятия целых групп населения, с которыми у большевиков имелись старые счеты. В городах и поселках Алтая ОГПУ арестовало около 1100 человек, главным образом бывших партизан и священников. Были схвачены такие партизанские авторитеты, как Кондратий Бабарькин, Михаил Чухломин, Кирилл Зиновьев, Аникий Яровой, Ефрем Буньков. Самые многочисленные аресты прошли в селах Солонешное, Россось, Сараса, Алтайское.

Огромные потери понесла православная церковь на Алтае. ОГПУ буквально растерзало Бийскую епархию, арестовав друг за другом трех вновь назначившихся епископов и почти все городское и сельское духовенство. Исчезли епископы Никита Прибытков, Герман Коккель, Тарасий Ливанов, Петр Потанин, протоиерей Шалаев, протодиакон Александр Кикин, свя-

щенники Федор Воронин, Завадовский и масса других служителей церкви общей численностью 218 человек²⁰.

В связи с «белогвардейским заговором» была полностью разгромлена редакция Сибирской Советской Энциклопедии, поскольку ее члены — В.Г. Болдырев, П.К. Казаринов, Г.И. Черемных — оказались в центре «вредительства».

Большие аресты прошли в омских районах — взято 371 человек. В Минусинске и Хакасии выявлено 280 «контрреволюционеров», в Томске — 73, Новосибирске — 146, Прокопьевске — 13. Арестованы многие инженеры, техники, работники сферы управления, кооперации, профессора и преподаватели вузов Сибири.

Размеры нанесенного урона предстанут в более полном виде, если учесть то обстоятельство, что слой специалистов в крае и до этого был чрезвычайно скромным.

Общее число арестованных по «белогвардейскому делу» составило 1759 человек.

Алексеев определенно исполнял строго рассчитанный план по уничтожению в Сибири «остатков враждебных классов». Все наиболее важные аресты и расстрелы его аппарат произвел до лета (июль—август) 1933 года. Кроме двух проведенных крупнейших чисток — специалистов и управленцев сельского хозяйства и офицеров—партизан—церковников, — он также прочесал все предприятия и учреждения лесного хозяйства: управления, тресты, леспромхозы, лесозаводы, перевалочные базы и сплавные конторы — арестовано 325 человек во главе с инженером Е.И. Покровским из крайплана²¹.

Параллельно были проведены изъятия на некоторых промышленных предприятиях. В Томске, на заводе «Металлист», где назревало волнение рабочих из-за невыплаты заработной платы за несколько месяцев, горком партии и ОГПУ обнаружили «законспирированную вредительскую деятельность»²². В мае 1933 здесь арестовали 23 «участника повстанческой организации» под названием «Томский рабочий комитет»²³.

«Повстанческую группу технического персонала» из 12 человек «социально-чуждых» в январе 1933 года схватили на новосибирской бумажной фабрике. В нее входили технические руководители и специалисты предприятия, которые, как уста-

новило ОГПУ, «готовили свержение советской власти». 14 апреля 7 человек из «группы» были расстреляны²⁴.

В июле 1933 года, когда чистка государственных учреждений еще продолжалась, и старых интеллигентов одного за другим волокли в тюремные камеры, Алексеев огласил общее количество арестованных «вредителей» в Западно-Сибирском крае за предыдущие полгода — «около 15-ти тысяч»²⁵.

Безусловно, тут преобладали «бывшие», по выражению наркома юстиции Крыленко — «человеческая пыль», люди исчезающей эпохи: инженеры и техники, служащие государственных контор, ученые и преподаватели, специалисты многих отраслей экономики и управления. Все они стали опасными, ненужными, превратились в социальный хлам, место которому в лагерях и колониях массовых работ.

Таким образом, был осуществлен подлинный геноцид граждан из тех сословий, которые большевистская власть с первых дней своего существования объявила обреченными. Полтора десятилетия партия шла к цели ликвидации «сил старого мира» и теперь, наконец, достигла ее. После 1933 года ОГПУ уже не производило изъятий «классово-чуждых» в таких масштабах. Оно лишь добирало уцелевших. Основные усилия переклювались на новые категории населения и остатки врагов внутри правящей партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Экономическая контр-революция в Донбассе. (Итоги Шахтинского дела). Статьи и документы. Под общей редакцией Н.В. Крыленко. М. 1928. С. 239.

² Правда. 1937. 28 января.

³ Советский энциклопедический словарь. М. 1980. С. 1507.

⁴ Правда. 1930. 25 сентября.

⁵ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 11516, т. «Мясной вопрос в Сибири».

⁶ Там же, д. 11516, т. 8.

⁷ Там же, д. 12628.

⁸ Там же.

⁹ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 167, л.116.

- ¹⁰ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 336, л. 3.
¹¹ Там же, д. 306, л. 80.
¹² Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 7285.
¹³ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 411, л. 203.
¹⁴ Там же, л. 207–208.
¹⁵ Там же, д. 270, л. 1.
¹⁶ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 3591, т. 46.
¹⁷ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 258, л. 17.
¹⁸ Там же, д. 450, л. 219.
¹⁹ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 7285.
²⁰ Там же.
²¹ Там же, д. 17116, т. 2-А.
²² ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 504, л. 36–40.
²³ ПАНО, ф. 7, оп. 1, д. 462, л. 214–215.
²⁴ Архив ФСБ по Новосибирской области.
²⁵ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 450, л. 221.

2. ИДЕЙНЫЕ ОТСТУПНИКИ

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Сталин

В то же самое время, когда происходила коренная ломка экономической структуры страны, сопровождаемая уничтожением отдельных слоев общества, по новым меркам перекраивалась и партия. Из общественно-политической жизни устранялись последние элементы «внутреннего разложения», за которыми стояли главные сталинские противники — вчерашние фракционеры.

Выбросив из партии в 1927–1928 гг. беспокойную троцкистскую оппозицию, а затем задвинув на политическую периферию и бухаринцев, Сталин имел дело теперь только с послушным ему аппаратом. Все его явные противники оказались в изоляции. Самые активные и влиятельные находились в ссылке в отдаленных концах страны и тюрьмах, а те, кто оста-

вался на свободе, не могли больше чувствовать себя в безопасности. ОГПУ установило за ними постоянное наблюдение, контролируя переезды, встречи, переписку. После XV съезда всякая политическая деятельность вне партии, любые контакты бывших оппозиционеров неизбежно вели либо в ссылку, либо в политизолятор.

С передачей лидеров и активистов троцкизма в руки ОГПУ была решена одна из главных задач сталинцев. Вслед за этим началась кампания «разложения» сосланных партийцев, частью которой стали акции по разрушению связей между колониями ссыльных и устранению каналов, через которые к ним поступала информация извне.

Последовали аресты действовавших на свободе троцкистских агентов — разного рода корреспондентов и связных.

В начале 1930 года в Новосибирске ОГПУ арестовало не менее 9-ти участников «троцкистского подполья», «проводивших работу по связи с колониями ссыльных троцкистов и по консолидации их рядов на позициях Троцкого и Раковского»¹. В эту группу входили бывшие члены партии, исключенные в 1927–1929 годах: И.В. Сурнов, Ф.П. Сасоров, М.Я. Перцев, И.С. Пархомов, Я.А. Калнин, И.Н. Кузнецов, П.Е. Дороган, Н.Ф. Коротков, М.Н. Иванова.

Следствие продолжалось три месяца. За это время шесть обвиняемых успели заявить о своем «отходе от оппозиции», и в результате только трое — Сурнов, Сасоров и Иванова — были осуждены как члены «Сибирского троцкистского центра». Они получили от Особого Сопещания по три года лишения свободы и отправились отбывать срок в Верхнеуральский политизолятор.

В феврале 1931 года руководство ОГПУ информировало свой периферийный аппарат о настроениях и неубывающей активности ссыльных троцкистов в связи с появлением новых писем и обращений Троцкого:

«... мы имеем чрезвычайно усилившуюся активность колоний ссыльных троцкистов. Колонии Средней Азии во главе с М.М. Иоффе, Кикнадзе, Николаем Окуджавой и Акиртавой использовали смерть туберкулезного ссыльного троцкиста Ко-

тэ Цинцадзе в Ялте для организации политической демонстрации. (...)

В Сибири, где работа ссылки активизируется Раковским, Косиором и Мураловым, усилилась переписка с Троцким, получение от него директив и указаний; такие же явления наблюдаются в Казакстане и на Урале.

К данному моменту во всех районах ссылки остается около 400 и в изоляторе около 150 непримиримых троцкистов. Свыше 1300 человек порвали с оппозицией, возвратились из ссылки и изоляторов и подали заявления о приеме в партию. По имеющимся у нас сведениям более 40 % из возвратившихся троцкистов сохранили свои антипартийные настроения, а некоторые из них, как установлено последними арестами, проводили определенную работу по восстановлению троцкистской организации. (...)

Оперативными действиями в ночь на 26-е декабря 1930 года и 5 января 1931 года изъяты группы троцкистов из бывших капитулянтов, располагавшие техникой...»².

ОГПУ сохраняло бдительность и готовило новые аресты.

К этому времени фигура троцкиста по существу уже превратилась в политическое пугало, форменное чудовище, которое выставлялось напоказ всякий раз, когда требовалось публично продемонстрировать верность «генеральной линии». В партийном лексиконе не было более подходящего слова для обозначения отпетого негодяя или врага партии, достойного лишь того, чтобы сидеть в тюрьме. Брань по адресу последователей Троцкого сделалась правилом любого партийного собрания и официальных выступлений.

Разумеется, сам Сталин играл здесь главную роль. В октябре 1931 года его пропагандистская машина распространила «Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», в котором Сталин изображал троцкистов в облике самого опасного внутреннего врага. Он писал:

«Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. (...)

На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР. (...)

Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР»³.

Для ОГПУ стало достаточно любого повода, чтобы бывших оппозиционеров прятать за решетку или высылать куда-нибудь подальше.

В декабре 1931 года взяли некоторых троцкистов в Красноярске, в их числе — бывшего члена ВЦИК и председателя профсоюза пищевиков страны Самуила Кроля⁴. Причиной ареста послужила якобы «связь с местной колонией ссыльных оппозиционеров» и «активная нелегальная фракционная работа». Однако сам обвиняемый, Кроль, заявлял в жалобе, что «все, с начала до конца, является чистейшим вымыслом... Верно лишь то, что я подписал вместе с другими товарищами оппозиционерами, находившимися в ссылке в г. Красноярске, протест против гнусного обвинения т. Аграновского во вредительстве».

В 1932 году, после возвращения из ссылки, Кроль вновь был арестован и вновь получил ссылку, на этот раз вместе с 12-ю рабочими, заподозренными в «троцкистской агитации» на предприятиях Красноярска и среди красноармейцев⁵.

Тем временем в Москве и ряде других городов страны произошло несколько важных внутрипартийных разоблачений. В руководящем составе московской парторганизации ОГПУ раскрыло «группу Рютина», а затем — группу правых из «бухаринской школы», «антипартийную группировку Эйсмонта, Толмачева и других».

Как показали дальнейшие события, наибольшую опасность для Сталина представляли рютинцы. За чтение и хранение составленной ими «платформы», содержавшей развернутую критику сталинского режима, была установлена уголовная ответственность. По всей стране прошла кампания исключе-

ний из партии и арестов под видом «разоблачения политического двурушничества». Не миновала она и Сибирь.

В конце 1932 и начале 1933 года аппарат ОГПУ провел специальное расследование, в ходе которого были обнаружены «последыши» рютинцев в краевом управлении статистики и крайплане. Это были бывшие «красные профессора», высланные в свое время из Москвы за поддержку бухаринцев или троцкистов, экономисты и публицисты. Западно-Сибирский крайком ВКП(б) с большим шумом исключил их из партии и снял с ответственных постов⁶. Четверо «двурушников» — В.В. Кузьмин, К.К. Кацаран, Г.И. Раевич и И.В. Юдалевич — оказались в тюрьме⁷.

В цепи зловещих разоблачений ОГПУ стояло также дело «Всесоюзного троцкистского центра» 1933–1934 годов, почти целиком построенное на материалах, полученных из Сибири. Несмотря на громкое название, в «Центре» не было ни одной мало-мальски известной фигуры, действительно способной играть заметную роль. Из 39-ти арестованных большинство представляла партийная молодежь, отбывавшая сибирскую ссылку за участие в оппозиции, и тут же были совершенно случайные люди, которых ОГПУ взяло, очевидно, лишь для создания видимости широты работы оппозиции⁸.

Если привлечение ссыльных к делу «Всесоюзного троцкистского центра» еще имело какие-то мотивы, то участие в нем четырех работников новосибирского завода «Труд» — К.Т. Фонасова, М.Е. Дюмина, М.Я. Блохина и А.Е. Михайлова — являлось полнейшей фантазией. Причиной ареста этих людей стала их «троцкистская вылазка» на заводском собрании, о которой в ОГПУ сообщил бдительный секретарь Октябрьского райкома Семенихин. «Сигнал» секретаря содержал утверждение о том, что Фонасов, «выступив с содокладом по отчету т. Дмитриева, в замаскированной форме, целым рядом намеков, недоговоренностей — вроде таких заявлений: наш завод выполнил только 82 % промфинплана, он катится назад... пытался дискредитировать партийное руководство завода.

... Блохин также вел линию на дискредитацию руководства, обвиняя директора завода т. Самцова, секретаря партколлектива Василькова и председателя завкома Дмитриева в

самоснабжении, Василькова и Дмитриева — в пьянстве и связи с классово-чуждыми элементами. С такими же обвинениями выступил и Дюмин.(...)

23 декабря по поводу выступления Фонасова мною было сообщено в ПП ОГПУ... За троцкистскую контрреволюционную подпольную работу Фонасов и Блохин 29 декабря были арестованы. (...) После исключения из партии Дюмин также арестован⁹.

В этом, как и других «делах» подобного рода, присутствует один немаловажный аспект, обращающий на себя особое внимание: ОГПУ систематически громило партийную «мелочь», непременно выставляя при этом обвинение в связях и поддержке лидеров троцкизма — Раковского, Муралова, Кошиора. Однако сами лидеры оставались в неприкосновенности. Сталин, вероятно, еще не решался покончить со старыми авторитетами — главными критиками его политики. Он готовил им другие «преступления» и другую участь.

Между тем в кровавый спектакль под названием «борьба с троцкизмом» вовлекались новые действующие лица и организации.

Троцкистскую «заразу» стали выискивать в учебных заведениях. В 1932–1933 годах в институтах и техникумах Сибири партаппарат совместно с ОГПУ провел целую серию «обследований», вытаскивая на свет десятки «замаскированных двурушников» и «примиренчески настроенных к троцкизму» студентов.

Одними из первых подверглись разоблачениям группы партийной молодежи Томска — в горном и педагогическом институтах. После длительного застоя в «идейном воспитании» горком ВКП(б) обнаружил здесь вопиющие факты «разлагательской работы»: когда одни студенты устраивали пирушки, «на которых декламировались стихи Есенина, рассказывались контрреволюционные анекдоты, зачитывались троцкистские документы», другие — «не сообщили и не приняли мер по разоблачению этой троцкистской группировки»¹⁰. «Вскрылась» еще и связь с нарымской политической ссылкой. Дело пришлось передать в ОГПУ.

В октябре—декабре 1933 года аналогичные «троцкистские группы» обнаружались в вузах Новосибирска — плановом и торгово-товароведческом институтах. «Контрреволюция» была того же пошиба — «индивидуальная обработка неустойчивых студентов, провоцирование контрреволюционных вопросов на общих собраниях и учебных занятиях, распространение анекдотов, надписи в различных местах, вывешивание портретов Троцкого»¹¹.

Этих материалов оказалось достаточно, чтобы ОГПУ смогло произвести аресты. В обоих институтах было взято 18 человек студентов и преподавателей¹². По решению ОГПУ часть из них осудили на три года лишения свободы, а других — к ссылке с таким же сроком¹³.

В 1934 году «ликвидацию» произвели также в медицинском и педагогическом институтах Омска. Местные студенты, как показало следствие ОГПУ, на политзанятиях «под видом вопросов протаскивали явно контрреволюционные троцкистские установки».

Еще одну «группировку» из числа курсантов изъяли в пехотной школе¹⁴.

В списке тех политических групп, которые сталинцы непрерывно громил в Сибири в 30-е годы, особое место занимала «рабочая оппозиция». Это была одна из самых сплоченных организаций, символ революционной стойкости и единства рабочих в борьбе с властями. Группировка действовала в Омске, опираясь в основном на поддержку рабочих железнодорожного узла и паровозоремонтного завода им. Рудзутака. Для ее лидеров, тоже рабочих, — С.Н.Баринова, М.А.Вичинского, Г.Н.Пантелеева, В.Н.Журавлева, С.А.Шулего — систематические слежки ОГПУ, аресты и ссылка были частью их повседневной жизни, но это не мешало им при выходе на свободу вновь и вновь возрождать организацию и привлекать сторонников.

Организация отстаивала принципы рабочей демократии, распространяя на собраниях и в частных беседах идею «новой рабочей революции», свободной от «советской буржуазии». Защищались также лозунги независимости профсоюзов.

Несмотря на аресты, в конце 20-х годов «рабочая оппозиция» имела свой «окружком» в г. Ленинске-Омском и «райком» в Ново-Омске, вела активную работу на заводе «Красный пахарь», в строительном тресте, на электростанции. В августе 1929 года весь актив «оппозиции» был арестован, а через год изъяли еще часть организаций — группу Иванова, Пантелеева, Волкова¹⁵.

Однако главный удар ОГПУ нанесло «оппозиции» в июле 1934 года, когда вершувшиеся из лагерей и ссылки Баринов, Шулего и Глазунов попытались возобновить деятельность организации. На предприятиях Омска и среди железнодорожников было арестовано 42 человека. Их лидеров ОГПУ связало с каким-то уголовным преступлением, а затем расстреляло¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив ФСБ по Новосибирской области, д.8437.

² Коллекция ГАРФ.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 98—99.

⁴ Архив ФСБ по Красноярскому краю, д. 16785.

⁵ Там же, д. 9773; ГАКК, ф. 384, оп. 2с, д. 45, л. 2.

⁶ ПАНО, ф. 20, оп. 1, д. 164, л. 142.

⁷ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 9625.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 84—93.

⁹ ПАНО, ф. 22, оп. 3, д. 423, л. 48—49.

¹⁰ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 375, л. 1—7. См. также: Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х — начале 50-х годов). Томск. 1995. С. 312—313.

¹¹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 620, л. 52. См. также: Вечерний Новосибирск. 3 апреля. 1990 г.

¹² ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 600-А, л. 70—72.

¹³ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 11959.

¹⁴ ПАОО, ф. 17, оп. 1, д. 228, л. 44.

¹⁵ Там же, л. 43.

¹⁶ Там же, л. 54.

3. ОПЕРАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ

Сталинская тирания не знала национальных границ. Ее условия и формы выражения по всей стране были практически одного порядка. Но для народов, представлявших национальные меньшинства, она означала еще и грубый способ решения национально-государственных проблем, насильственную ликвидацию традиционного уклада жизни и утрату многих самобытных черт нации.

Каждый из народов, больших и малых, населяющих пространства Сибири, понес в годы террора многие человеческие жертвы. И в этом смысле участь у всех была общая. Но все же каждый прошел трагический путь по-своему и имел свой собственный опыт, который долго еще будет хранить национальная память народов.

Особенности политических процессов в сталинском государстве 30-х годов явились причиной того, что некоторым народам пришлось принять удары карательной машины раньше других. Одной из первых жертв сталинских этнических чисток оказались немцы.

Немецкий анклав в Сибири сформировался в XIX–XX вв. в результате крестьянских переселений из поволжских и южных губерний России. По данным ОГПУ, очевидно наиболее полным, в 1934 году граждане немецкой национальности проживали в 26-ти районах края, в одном из которых, носившем название Немецкий, они составляли большинство. Здесь была образована своего рода автономия с административным центром в поселке Гальбштадт (Halbstadt).

Основные немецкие колонии находились в районах Славгорода и Омска¹.

Район	Число хозяйств	Число жителей
Немецкий	3305	13877
Щербакульский	1933	8194
Любинский	1556	5825
Исилькульский	1015	4753
Остальные 22 р-на	4201	26348
Всего	12010	58997

Серьезные проблемы у Политбюро и ГПУ немцы стали вызывать уже в конце 20-х годов в связи с внезапными атаками партии на крестьянство. Зажиточные и обустроенные немецкие поселки не могли избежать всеобщего разорения, и их население обратило взоры надежды на историческую родину. Каналы эмиграции в то время оставались еще относительно свободны, поэтому сотни немецких семей из Сибири смогли воспользоваться правом выезда. За ними стали готовиться покинуть «отечество мирового пролетариата» тысячи других сограждан.

И в Москве, и на местах власти были охвачены беспокойством: массовая эмиграция наносила существенный экономический урон, но в еще большей степени она подрывала пропагандистские мифы коммунистов.

Сибкрайком в конце 1929 года докладывал в ЦК о начале повального бегства крестьян-немцев в Германию:

«1. Эмиграционными настроениями охвачено большинство немецкого населения, ряд поселков — поголовно. По данным Немецкого райкома Славгородского округа по 11-ти сельсоветам района на 20 ноября эмигрировало 625 хозяйств, или 38 % всех хозяйств этих поселков, из них кулаков — 138, середняков — 378, бедняков — 110. Большинство оставшихся — наготове.

2. На бедняцкой конференции Немецкого района из 106 делегатов голосовало за резолюцию, одобряющую политику партии в деревне: первый раз — 35 человек, во второй — 54.

Резолюция против эмиграции голосовалась три раза и собрала всего лишь 24 голоса...»².

Политбюро приняло необходимые «предупредительные» меры: выезды запретили, и всех эмигрантов, не успевших покинуть страну, стали отправлять обратно. В декабре 1929 года в Славгородский округ из Москвы было возвращено 2340 человек².

С 1933 года «немецкий вопрос» в СССР приобретает новую окраску. В Германии в ходе борьбы за власть победила нацистская партия во главе с Гитлером, и этот факт отныне стал играть в судьбе российских немцев зловещую роль. Однако с приходом фашистов к власти контакты немецкого анклава с Германией не были свернуты. Напротив, они приобрели еще более интенсивный характер вследствие той политики, которую правительство Гитлера провозгласило в отношении с соотечественниками за рубежом.

Через своего консула в Новосибирске, Гросскопфа, германская администрация предприняла попытку организовать кампанию «помощи страдающему немецкому населению», и уже с осени 1933 года немцы Сибири стали получать денежные переводы и посылки из Германии.

С августа 1933 по март 1934 в Немецкий район поступило 680 переводов на сумму около 6000 марок. Секретарь местного райкома И.А. Вильгаук сообщал руководству, что «этими подачками в настоящее время охвачен почти весь район — только в восьми населенных пунктах не получены переводы»⁴. Вильгаук особенно жаловался на коммунистов, которые получили германскую помощь. Он отмечал также, что властям района удалось добиться согласия 17-ти человек сдать полученные деньги в МОПР — официальную советскую организацию, выступающую под флагом помощи иностранным рабочим.

Последовали аресты «инициаторов помощи» и тех людей, которые имели встречи с консулом Гросскопфом. Было взято 17 человек⁵. Вслед за этим ОГПУ провело изъятия «контрреволюционного актива» в поселках. Только в омских районах арестовали свыше 50-ти немцев⁶.

В качестве средства «оперативной работы» ОГПУ организовало массовую посылку в германское консульство писем отказа от «гитлеровской помощи». В поселках активно вербовали сексотов и проводили «разложенческую работу».

К осени 1934 года, когда были раскрыты все факты обращений в консульство и получения денег, большинство немецкого населения попало под подозрение. К немецким поселкам, кадрам руководителей и специалистам было приковано особое внимание. Власти вели систематическое наблюдение за ними, вылавливая сведения о «контрреволюционной» деятельности и «саботаже».

В сентябре сельскохозяйственные районы Сибири посетил Председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов. Глава правительства интересовался вопросами вывоза из хлебных районов запасов зерна. 11 сентября в Славгороде он проводил межрайонное совещание руководителей, в ходе которого ему стало известно о «саботаже хлебопоставок» в Немецком районе. Молотов дал указание «провести расследование»⁷, после чего начались новые аресты среди немцев.

В октябре было смещено и затем арестовано руководство Немецкого района: секретарь райкома И.А. Вильгаук, председатель исполкома П.И. Динкель, районный прокурор Г.П. Фриш, судья А.Г. Конрад. Их обвинили в защите кулачества и «смазывании классовой линии партии» в ходе хлебозаготовок. Но самая важная часть этнической чистки последовала спустя месяц.

5 ноября 1934 года из Москвы была получена шифрованная телеграмма ЦК ВКП(б), в которой говорилось:

«В ЦК ВКП(б) поступили сведения о том, что в районах населенных немцами за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу. Между тем местные парторганизации и органы НКВД крайне слабо реагируют на эти факты, по сути делают попустительство, совершенно неправильно считая, будто наша международная политика требует этих послаблений немцам и другим национальностям, проживающим в СССР и нарушающим элементарную лояльность к советской власти».

ЦК ВКП(б) считает также совершенно нетерпимым тот факт, что в немецких районах не только не изучается язык той союзной республики, в пределах которой находятся немецкие районы, но и игнорируются указания ЦК ВКП(б), чтобы этот недостаток был устранен.

ЦК ВКП(б) считает подобное поведение парторганизаций и местных органов НКВД совершенно неправильным и предлагает принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты и высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу.

ЦК ВКП(б) обязывает крайкомы, обкомы и ЦК нацкомпартий повести активную политическую работу в немецких районах, разъясняя населению, что советская власть не потерпит малейших попыток антисоветских действий и не остановится перед тем, чтобы отказать им в праве проживать в СССР и изгнать из пределов СССР.

Местные органы власти должны потребовать от немецкого населения полного прекращения связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылок.

ЦК ВКП(б) предлагает крайкомам, обкомам и ЦК нацкомпартий принять срочные меры к укреплению работниками немецких районов, выделяя работников с большим опытом руководящей работы необязательно немцев, требуя от последних изучения немецкого языка.

ЦК ВКП(б) обязывает секретарей крайкомов, обкомов и указанных райкомов в декадный срок сообщить ЦК ВКП(б) о принятых мерах⁸.

С этого момента НКВД (реформированное ОГПУ) мог действовать уже в полную силу. В немецкие поселения были направлены специальные бригады из аппарата Алексеева, чтобы до конца ликвидировать культурную автономию немцев и попытки поддерживать внешние связи. Подозреваемых изымали под видом «социально-чуждых элементов».

В Немецком районе чистке подверглись все партийные и советские учреждения, школы, колхозы, МТС, торговые организации. За два с половиной месяца НКВД арестовало 577 человек. Но это число не было окончательным. В феврале 1935 года Эйхе и Алексеев сообщали в ЦК: «Операцию по немцам продолжаем с установкой изъятия всех лиц, активно ведущих контрреволюционную фашистскую работу в немецких колониях»⁹.

Этническая чистка носила всеобщий характер. Ее продолжением стала депортация десятков немецких семей, вычищенных из колхозов. Кроме того, командованию Сибирского Военного Округа было поручено «пересмотреть весь кадровый и переменный состав в воинских частях РККА, комплектуемый из Немецкого района, и очистить его от проникших социально-чуждых элементов»¹⁰.

В апреле 1935 года все самые авторитетные и влиятельные фигуры из немецкого анклава были выведены на закрытый процесс спецколлегии краевого суда в Новосибирске — 33 человека и все — бывшие партийные и советские руководители, председатели колхозов и сельских советов, директора школ и учителя, работники госучреждений. Никогда еще в Сибири партия не судила собственные кадры такого уровня и в таком составе как политических преступников. На скамье подсудимых сидели два секретаря райкома и один заместитель — Г.М. Адольф, И.А. Вильгаук, Г.С. Бестфатер, председатель райисполкома П.И. Динкель, прокурор и судья — Г.П. Фриш, А.Г. Конрад, заведующий земельным отделом А.П. Маевский, директор МТС П.Г. Борст, недавно награжденный орденом Ленина, и другие.

Обвинение гласило, что эти люди «встали на путь предательства интересов диктатуры пролетариата и на деле проводили кулацко-националистическую политику, были несогласны с проводимой партией и правительством политикой по отношению к кулаку»¹¹.

После того как все обвиняемые «признали себя виновными», суд приговорил большинство «членов фашистской организации» к концлагерям на срок от 5-ти до 10-ти лет, а «руководителей» — к расстрелу.

3 октября 1935 года Г.М. Адольф, П.И. Динкель и Г.С. Бестфатер были казнены¹².

Сталин между тем продолжал преподавать партии уроки «пролетарского интернационализма». На XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 года он объявил о «наступлении на пережитки капитализма в области национального вопроса» и потребовал «бить по тем, которые отходят от интернационализма»¹³.

Это был важный сигнал, после которого в Сибири воротилы ОГПУ принялись выискивать и разоблачать «уклонистов» в южных национальных районах — Ойротии (Горный Алтай), Хакасии и Горной Шории.

Уже в январе—феврале 1934-го сотрудники Алексеева обнаружили здесь целый клубок «заговорщиков» из национальных кадров, включая несколько высокопоставленных коммунистов.

Самая большая «организация» всплыла в Ойротии. ОГПУ включило в нее ряд местных руководителей-алтайцев и разбавило этот состав кое-кем из старых, но амнистированных противников большевизма. В одной «контрреволюционной группировке» таким образом оказалось почти 50 человек¹⁴.

«Руководителем» представлялся известный алтайский художник Г.И. Гуркин — бывший член Сибирской областной думы, который вернулся из эмиграции и теперь получил у ОГПУ звание главного «идеолога». Вместе с Гуркиным арестовали и другого члена Сибирской думы — учителя и переводчика Г.М. Токмашева, бывшего представителем колчаковского правительства на Алтае. А за ними последовали коммунисты: В.К. Манеев, Л.М. Эдоков — заведующий областным объединением животноводческих ферм, И.И. Зяблицкий — председатель ойротского облплана, Г.И. Кумандин — заведующий облфинотделом, А.С. Тенгеревы и другие.

Громили в основном национальную интеллигенцию. ОГПУ произвело изъятия «ячеек» в Шебалинском, Онгудайском, Усть-Канском, Улаганском аймаках и центре Ойротии, городе Ойрот-Тура, «где были оформлены аймачные руководящие ядра из социально-чуждого элемента»¹⁵.

В Хакасии по «делу националистов» ОГПУ арестовало председателей окружного и районного исполкомов — Аешина и Майтакова, а всего 30 человек, из которых 14 были работниками народного просвещения¹⁶.

Даже самые проникательные граждане не смогли бы в тот период установить, в чем же в сущности состоят «преступления» сибирских «националистов». Из официальных источников ничего понять было невозможно. Партийная пресса преподносила лишь образцы оголтелой демагогии и пустословия,

оставляя общественности возможности для различных догадок. Вот что писала газета «Советская Сибирь» в одной из статей под названием «Разоблачить до конца и добить буржуазных националистов»:

«... в русско-алтайском словаре, вышедшем вторым изданием в 1931 году, социализм «переводится» на ойротский язык таким образом: «социализм — sotseal gugum». Приблизительно это означает «социалистическая жизнь». Смысл этого необыкновенного перевода объективно состоит в том, чтобы изолировать массы ойротов от интернациональной терминологии пролетарской революции.

Зато в словаре нет перевода слова «артель». Нет в нем расшифровки понятия «местный национализм», а есть лишь перевод слов «великодержавный шовинизм», есть объяснение понятия «национальное угнетение (алтайцев)».

Эти примеры из недавней переводческой практики ойротских издательств дают представление только о характере националистических извращений, а не об их количестве. Нельзя забывать, что в числе видных авторов и переводчиков ойротских изданий состояли такие люди, как Токмашев, Эдоков и другие контрреволюционные националисты»¹⁷.

Однако в закрытых письмах, адресованных партийным органам, «националисты» Ойротии обвинялись в подготовке антисоветского восстания, уничтожении колхозного имущества, разжигании шовинизма и искусственном создании голода¹⁸.

Подавив крамолу в национальных районах южной Сибири, сталинские администраторы однако так и не смогли добиться полной покорности местных кадров. Скрытое сопротивление насаждаемой здесь политике продолжили другие, ранее считавшиеся верными сторонниками «генеральной линии». Такое сопротивление, очевидно, возникло в связи с тем, что большевистские экономические эксперименты достигли и в этих краях той грани, за которой они становилось просто невыносимы.

В самом деле, только в ходе одной операции начала 1936 года по указанию ЦК ВКП(б) из Ойротии было выселено в Караганду свыше 300 «байско-кулацких и бандитских семей»¹⁹.

А спустя несколько месяцев ОГПУ уже представило материал на раскрытую в Ойротии «контрреволюционную националистическую организацию».

В нее попали советские руководители и деятели культуры автономной области, представленные практически только алтайцами: председатель облисполкома С.С. Сафронов, директор областной партшколы И.И. Папин, начальник УНХУ области М.И. Ялбачев, секретарь Кош-Агачского райкома партии С.Т. Табаков и целый ряд других работников. В приговоре по делу этой «организации» очень туманно говорилось о том, что ее участники «были несогласны с проводимыми мероприятиями партии и правительства в Ойротской области», распространяли клевету на колхозы и совхозы, считая их нежизненными в условиях Ойротии²⁰. В приговоре, отмечалось, что к моменту ликвидации организацией «были охвачены и созданы контрреволюционные филиалы в большинстве аймаков области. Из них участники Элекмонарского, Улаганского и Онгудайского контрреволюционных филиалов в числе 79-ти человек уже осуждены».

Закрытое судебное рассмотрение этого «дела» имело известный итог: «руководители» были приговорены к «высшей мере», а «члены» — к различным лагерным срокам²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 595, л. 1.

² ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 378, л. 130.

³ Там же, л. 131.

⁴ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 620, л. 81.

⁵ Там же, л. 82.

⁶ ПАОО, ф. 14, оп. 2, д. 61, л. 27.

⁷ ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 617, л. 68.

⁸ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 595, л. 14-14а. О содержании этого документа сообщает также Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е годы). Москва, 1995. С. 178-179.

⁹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 595, л. 60, 85.

¹⁰ Там же, л. 23.

¹¹ Там же, д. 648, л. 244.

¹² Белковец Л.П. Указ соч. С. 193.

¹³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 361.

¹⁴ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 649, л. 8.

¹⁵ Там же, д. 620, л. 184.

¹⁶ Там же, д. 649, л. 9.

¹⁷ Советская Сибирь. 1934. 2 августа.

¹⁸ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 620, л. 185.

¹⁹ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 227, л. 50.

²⁰ Там же, л. 120; ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 745, л. 88-89.

²¹ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 227, л. 118, 121.

4. ЛАГЕРНАЯ СИСТЕМА

Чтобы управлять страной, Сталин создал особую систему насилия, которая обеспечивала ему безраздельное господство и полное подчинение народа. Частью этой системы была обширная закрытая структура советского госаппарата, контролирующая сеть лагерей, спецпоселений и колоний ОГПУ-НКВД, известная как «ГУЛАГ». Сеть была разбросана по всей территории огромной страны и поглощала несколько миллионов советских граждан, осужденных к принудительным работам по политическим или социальным мотивам.

Сами по себе лагеря и колонии принудительного труда не представляются уникальным явлением в новейшей истории. Во многих странах они существовали до Сталина и существуют до сих пор. Но нигде и никогда они не имели таких масштабов и не играли столь важной экономической и политической роли, как в сталинском государстве.

В царское время институт изоляции осужденных занимал относительно скромное место в структуре государства. В 1912 году число заключенных в России составляло 183 тыс. человек при 140 млн населения.

Сталин, развязав внутреннюю войну против народа, решил коренным образом реформировать этот институт, сделать его инструментом социального переустройства и экономического роста. Цель преобразования ставилась так: ни один за-

ключенный не должен даром есть хлеб; каждый сохраняющий способности к труду обязан приносить пользу государству, не требуя при этом оплаты за свой труд.

Главная реформа началась с 1929 года. 23 мая 1929 года Политбюро ЦК ВКП(б) с участием некоторых «заинтересованных лиц» — наркома внутренних дел Ягоды, генерального прокурора Крыленко, наркома юстиции РСФСР Янсона и других — принимает постановление несомненно исторического значения: «Об использовании труда уголовно-заключенных»¹. Постановление вводило в стране совершенно новую политику изоляции по сравнению с предшествующим периодом и вместе с тем — новые способы советской колонизации неосвоенных территорий с их природными богатствами.

Смысл решения Политбюро состоял в том, что все лишённые свободы на срок от 3-х лет и выше (их в стране было около 300000 человек) немедленно передавались из местных (окружных и краевых) домов заключения (домзаков) в специальные концентрационные лагеря ОГПУ. Перед самим ОГПУ ставилась задача «расширить существующие и организовать новые» лагеря для использования рабочих рук заключенных². Предполагалось также, что для постоянной колонизации дальних окраин выходящие на свободу заключенные будут надеяться землей и в принудительном порядке заселять территорию вокруг лагерей.

Что касается заключенных с малыми сроками, то они оставались в ведении отдельных республик, но переводились «на самокупаемость». Это означало, что каждая тюрьма или лагерь должны были организовать собственное производство или включиться в выполнение местных хозяйственных планов.

На основании решения Политбюро концлагеря получили и новое название — «исправительно-трудовые лагеря»³.

Таким образом, советская система заключения теперь приобрела законченные формы. Это был новый тип изоляции, в основе которого лежал рабский труд заключенных, а сама система становилась важной частью экономической структуры государства.

К середине 1930 года, когда основная реорганизация завершилась, тюремно-лагерный комплекс в Сибири, состоящий

в ведомстве Сибкрайисполкома, выглядел следующим образом: 17 домзаков и 10 трудколоний в крупных городах края вмещали 25121 заключенного вместе с подследственными и пересыльными⁴. Сами заключенные в этот период уже сильно отличались от своих предшественников. Прежде всего, количество их стало в несколько раз больше, но главное — изменился состав. Значительную часть невольников теперь представляли простые крестьяне — задолжники по государственным повинностям. Эти заключенные нового типа численностью свыше 6 тысяч человек имели странный статус. Даже тюремная администрация не считала их заключенными в обычном смысле слова. Они именовались «принудработниками», т.е. осужденными к принудительному труду за «кулацкий саботаж». Многие из них были арестованы по постановлениям сельской администрации или служебным запискам, без каких-либо приговоров и точных сроков. Их забирали вместе с собственными лошадьми и инструментом, а затем отправляли в колонии на заготовку леса и шпал для «социалистическихстроек». К концу 1930 года основная часть населения домзаков и местных колоний была пристроена к делу и «самоокупалась». Только в Западно-Сибирском крае организуются 3 крупных сельскохозяйственных колонии с площадью посева 6,5 тыс. га, 5 животноводческих хозяйств, построено 8 кирпичных заводов и 5 известковых, расширены и переоборудованы 6 прежних мастерских. Для несовершеннолетних арестантов создается школа ФЗУ⁵.

Но это была всего лишь часть лагерной структуры. Другую, вбивавшую в себя примерно такое же количество арестантов, представляли владения ОГПУ. Огромный лагерный архипелаг, созданный при Сталине в Сибири, ведет свою историю от двух крупных комплексов ОГПУ — СИБУЛОНа и ДальУЛОНа.

Они появились в конце 20-х годов. Источники оставили нам очень скудные сведения об их начальном периоде. Известно, что в 1930 году численность заключенных СИБУЛОНа составляла 24,3 тысячи человек. Лагерники были заняты на самых тяжелых строительных работах и лесоповале. Они обслуживали золотые прииски в зоне тайги, вели строительство

железной дороги от Томска на север, в районе поселка Итатка, на участке в 42,5 км. В Туруханском крае, у Северного полярного круга, их руками возводилось Нифантьевское шоссе протяженностью 174 км и добывался лес для экспортных операций. В это же время СИБУЛОН становится владельцем нескольких лагерей-совхозов. В них тысячи заключенных крестьян — жертв раскулачивания — выращивали продукцию для лагерных отделений⁶.

Другой важный район сосредоточения заключенных находился на Дальнем Востоке, в ведении ДальУЛОНа ОГПУ. Тут насчитывалось 17,5 тысяч арестантов, также выполнявших наиболее трудоемкие физические работы в основном на заготовке и вывозе леса, строительстве железных дорог и рыбных промыслах. Поставками леса в ДальУЛОНе занималась почти треть заключенных. Другие добывали уголь в Приморье, на шахтах Артема и Сучана, возводили железнодорожную ветку Букачача—Пашенная в Забайкалье, намывали золото.

В общей сложности за СИБУЛОНОм и ДальУЛОНОм в 1930 году числилось 23 % всех лагерников ОГПУ, в то время как большая часть — 35 % (63 тыс. человек) содержалась в Соловецких лагерях⁷.

В 1931—1932 годах, когда масштабы сталинских преобразований достигли максимальных размеров, число заключенных резко возросло. В этот период огромные потоки арестованных двигались по всей стране в направлении строящихся гигантских заводов, железных дорог, рудников и мест добычи сырья. В Сибирь и на Дальний Восток железнодорожные конвои с тысячами заключенных прибывали один за другим. Все пересыльные тюрьмы, дома заключения и арестные помещения милиции были переполнены сверх всякой меры. В некоторых из них число арестантов в 4—5 раз превышало допустимые размеры площадей. Главные транзитные пункты — Новосибирск, Томск, Мариинск, Красноярск, Иркутск и Хабаровск — представляли собой скопище грязных, измученных голодом и инфекциями людей, обреченных на верную смерть. Везде, где размещали прибывающих, царил обстановка средневековых китайских тюрем. Местные власти находились в растерянности: они не знали что делать с внезапно нахлынувшей волной,

создавшей невероятные проблемы с питанием, одеждой и размещением невольных мигрантов. Кормить их было нечем. Чиновники из Красноярска сообщали, что «заключенные едят всякие отбросы, шелуху, копыта и другую дрянь. На почве недоедания заболеваемость среди заключенных усилилась. Выведенные на производство падают от изнеможения...»⁸. Вдобавок ко всему многие из прибывавших совершенно не имели одежды и об использовании их на работах не могло быть и речи. С наступлением зимы их невозможно было даже доставить от тюрьмы до станции, чтобы отправить по этапу.

С 1931 года эпидемия брюшного тифа и других инфекционных болезней надолго поразила места заключения, вынудив власти временно прекратить изоляцию преступников в самой Сибири⁹.

Но эшелоны с заключенными и ссыльными из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов центральной части страны продолжали прибывать. За 1932 год «через систему ИТУ» прошла 241 тысяча человек, доставленных в Сибирь из других краев и областей⁹. За первые 4 месяца 1933 — еще 214 тысяч. Официальная сводка сообщала: «почти с каждого эшелона снимаются трупы, больные, явно истощенные, инвалиды, старики»¹⁰.

Ситуация приняла особенно опасный характер, когда эпидемические болезни, завезенные с этапами, захватили местное население. Вновь, как во времена гражданской войны, места скопления людей превратились в очаги заразы. Вокзалы, базары и прилегающие к ним территории были заполнены сотнями больных и умирающих. Власти объявили чрезвычайное положение. Потребовались большие усилия, чтобы не допустить распространения эпидемии в городах, через которые проходили основные конвои. По всей Сибири была проведена мобилизация врачей, на станциях и вокзалах открывались пункты санитарной обработки и помощи больным, строились бараки для изоляции заболевших. В Новосибирске даже клуб им. Сталина, место главных официальных собраний и приемов, стал временной тифозной больницей для сотен жертв эпидемии.

Но в местах заключения каждый выживал в одиночку. С января по май 1932 года в тюрьмах Томска умерло 930 арестантов. А всего за этот год в лагерях и колониях Западной Сибири (без лагерей ОГПУ) было учтено 2519 смертей, вызванных голодом и болезнями¹¹. По официальной оценке, смертность достигала 32 %.

В июле 1932 года правительство решило приостановить скопление заключенных там, где они создавали для властей особые проблемы. Постановлением ВЦИК были образованы комиссии во главе с Сольцем и Киселевым для срочной «разгрузки мест заключения» в городах Сибири и Казахстана¹². В результате работы этих комиссий часть заключенных с небольшими сроками получила освобождение. Это были в основном крестьяне, осужденные по «кулацким» статьям, старики старше 60 лет и молодежь до 21 года, а также некоторые сельские работники, арестованные в ходе сельхозкампаний. В Западно-Сибирском крае освобождение получили 3 тыс. человек¹³.

Другую часть заключенных «разгрузили» в лагеря ОГПУ. Постепенно в недрах ОГПУ скапливается большинство арестантов. Эта организация, имеющая в своей структуре специальное лагерное управление — ГУЛАГ, — превращается в мощную экономическую силу, способную самостоятельно создавать крупнейшие хозяйственные объекты и осваивать громадные территории страны.

БАМЛАГ

Среди лагерных комплексов Сибири и Дальнего Востока в начале 30-х годов наибольшее значение имел БАМлаг — Байкало-Амурский железнодорожный лагерь, простиравшийся вдоль Транссибирской магистрали и к северу от нее на общем расстоянии более 2000 километров. БАМлаг был организован в декабре 1932 года и входил в число крупнейших строек ГУЛАГа наряду с Беломоро-Балтийским каналом и каналом Волга—Москва. В соответствии с правительственным замыслом БАМлагу предстояло осуществить колоссальный проект: через огромные безжизненные пространства тайги, болот и

горных хребтов, на большом удалении от внешних границ государства, проложить новую железную дорогу, значительно сокращающую расстояние от Байкала до Тихого океана.

Для выполнения этой исторической задачи ГУЛАГу предоставлялись тысячи заключенных, которых собирали на БАМ со всей страны. Уже за первые полгода сюда было переброшено свыше 30 тысяч заключенных для возведения 175-километрового головного участка дороги, соединяющего Транссиб с поселком Тында (Тахтамыгда — Тында)¹⁴.

Первым начальником строительства на БАМе являлся С.В. Мрачковский — старый большевик, в недавнем прошлом один из лидеров троцкистской оппозиции, получивший временное прощение Сталина, а с ним и свою должность. Его заместителем и одновременно начальником лагеря становится Н.Ф. Еремин.

Когда строительство дороги приняло широкие масштабы, управление БАМлага подверглось внезапной чистке. К сентябрю 1933 года руководство во главе с Мрачковским было арестовано и осуждено в связи с «делом контрреволюционной троцкистской группы И.Н. Смирнова»¹⁵.

Новый начальствующий состав возглавил Н.А. Френкель. О Френкеле современные авторы вслед за Солженицыным пишут как о человеке, «которому суждено было стать оформителем и главным конструктором системы концлагерей страны победившего социализма»¹⁶.

До своего назначения в БАМлаг Френкель успел совершить поразительную карьеру. В начале 20-х годов по обвинению в мошенничестве и контрабанде он был осужден, наказание отбывал в Соловецких лагерях. Тут и обнаружился его незаурядный талант организатора труда заключенных. «Управление СЛОН, — пишет биограф Френкеля Борис Ширяев, — было реорганизовано коренным образом. Его отделы, возникшие в период хаотического развития Соловков, — свалки недорезанных, были преобразованы, частью аннулированы и пополнены новыми, сведены в стройную систему воспитательно-трудовой части, во главе которой стоял Френкель. (...) Размах Френкеля был широк и его организационные способности, несомненно, велики. Если до него распорядители соловецкой

рабсилы в большинстве случаев не знали, куда девать прибывших каторжников, то теперь людей, и особенно техников всех специальностей, не хватало»¹⁷.

За несколько лет пребывания на Соловках зек Френкель сумел превратиться в начальника производственного отдела лагеря, а выйдя на свободу, был принят на службу в ОГПУ. В 1931–1933 годах Френкель становится одним из руководителей строительства крупнейшего государственного объекта – Беломоро-Балтийского канала. Здесь ему вновь удастся подтвердить свой талант в употреблении тысяч заключенных. За это умение Сталин наградил Френкеля орденом Ленина и отправил его создавать БАМлаг.

Френкель оставался начальником строительства в БАМлаге весь последующий период. Менялись лишь его заместители. Сам же он оказался одним из немногих деятелей ГУЛАГа, кто смог продержаться на такой должности и даже продвигаться вверх. В 1940 году он уже занимал пост начальника управления железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД СССР, т.е. распоряжался всеми железнодорожными лагерями в стране.

Свое правление в БАМлаге Френкель начал с радикального переустройства лагерных подразделений. Как мастер организации и знаток лагерной жизни, он создает новую структуру – фаланги – специализированные бригады численностью 250–300 человек каждая, где все заключенные связываются круговой порукой и соревнованием за пайки.

Каждый месяц Френкель получал эшелоны с новыми арестантами, и его лагерь рос как на дрожжах. В начале 1933 года сеть ...лага состояла всего из двух лаготделений, занятых строительством головной ветки БАМа. Но во второй половине основную часть заключенных бросили на строительство вторых путей Транссибирской магистрали на огромном расстоянии – от ст. Карымская в районе Читы до Хабаровска¹⁸. На всем протяжении этого пути создаются многочисленные лаготделения и ОЛПы. К 1935 году численность заключенных доводится до 153,5 тысяч¹⁹.

Из воспоминаний бывших узников БАМлага мы узнаем о режимных условиях и некоторых лагерных порядках тех лет.

Писатель Сергей Воронин, автор повести «Наказание без преступления», отбывал срок в 1934–1935 годах в Урульге, во 2-м отделении БАМлага. Его мемуары относятся к той эпохе, когда все лагерное «обслуживание» находилось в руках самих заключенных: из заключенных состояла охрана, управленческий аппарат и даже начальник лаготделения Большаков в недавнем прошлом тоже был заключенным. «Рассказывали, что Большаков был за что-то осужден, но, отбывая срок на Беломорканале (он и там был начальником), хорошо себя проявил, был награжден орденом Ленина и досрочно освобожден. Теперь он руководил тысячами людей, разбросанных по всему второму отделению, протяженностью в двести километров...»²⁰.

Руками каторжан создавалась вся инфраструктура дороги. «Второе отделение, – пишет Воронин, – ...представляло из себя сложное хозяйство. В него входило и строительство вторых железнодорожных путей, и сооружение паровозоремонтных депо, вокзалов и других гражданских сооружений, были и механические мастерские, и свой мостострой, и пожарная команда, и подсобные сельские хозяйства, и своя агитбригада, и «околотки» – лечебницы, и изоляторы для провинившихся, и фаланги для штрафников и отказчиков, и десятки производственных фаланг, размещенных по обе стороны однопутки, с сотнями заключенных – «путеармейцев».

Две главные движущие силы были в этом большом строительстве: стремление на волю и «горбушка». Здесь как нигде проводился железный закон: «Кто не работает, тот не ест.»

Когда строительство не укладывалось в сроки, администрация лагеря немедленно увеличивала рабочий день. «Работали по шестнадцать, а то и восемнадцать часов. Не успевали обышать. Подымали среди ночи на разгрузку, и невыспавшиеся зеки шли на стройки. У многих появилась «куриная слепота», то есть с наступлением вечера люди переставали видеть. Все больше оставалось больных в бараке: простуда, ревматизм, малярия.»

Наконец, наступал момент сдачи участков в эксплуатацию и лагерь охватывало всеобщее возбуждение: администрация объявляла о досрочном освобождении, на которое могли рассчитывать отличившиеся в труде. Но свобода доставалась час-

то не тем, кто ради нее надрывал силы. «Досрочно освобожденных оказалось много. И что удивительно, особенно много среди них было урок. Оказывается, их освобождали, чтобы очистить от них бригады. Для завершения строительства оставались настоящие путееармейцы»²¹.

В 1935–1937 годах БАМлаг был одним из самых крупных лагерей СССР. В его состав входило не менее 20 лаготделений, ОЛПов и колоний. Дислокация их в 1936 году свидетельствует о гигантском размахе работ, выполнявшихся заключенными:²²

Лаготделения	Место расположения	Вид деятельности
Управление	г. Свободный	
Верхне-Зейский колонизированный пункт	пос. Дамбуки	Лесозаготовки, строительство пос. Потехино
Хабаровское (15-е)	г. Хабаровск	Строительство ж.д.
Хабаровское (16-е)	г. Хабаровск	То же
Ерофеевское (4-е)	ст. Ерофей Павлович	Лесозаготовки
Свободнинское (8-е)	г. Свободный	Строительство ж.д.
Ледянский ОЛП	д. Толмачевка	Лесозаготовки
3-е отделение	ст. Ксеньевская	Строительство ж.д.
1-е отделение	ст. Красная Заря	Строительство ж.д., кирпичное производство, лесозаготовки
5-е отделение	ст. Тахтамыгда	То же
Магдагачинское(9-е)	ст. Магдагачи	Строительство ж.д.
Завитинское (10-е)	ст. Завитая	То же
11-е	ст. Архара	« — »
12-е	ст. Облучье	« — »
13-е	г. Биробиджан	« — »
Аргинский с/х ОЛП	ст. Арга	Сельхозпродукция
16-е	ст. Вяземская	
Бикинское (17-е)	ст. Бикин	Строительство ж.д.
19-е	ст. Уссури	
20-е	ст. Евгеньевка	Лесозаготовки
Бирский ОЛП	ст. Бира	То же

К концу 1937 года главные участки работ БАМлага на вторых путях трассы Карымская – Хабаровск были закончены и сданы в эксплуатацию. Вслед за этим правительство принимает новый план строительства. Оно ставит перед БАМлагом задачи продолжить возведение вторых путей Транссиба до Тихого океана, построить ряд дорог оборонного назначения и приступить к строительству собственно БАМа – от Тайшета через северный Байкал до Совгавани – общей протяженностью 4643 км²³.

Для выполнения этой сложной программы Френкель организовал новые массовые работы заключенных на нескольких направлениях. Теперь одновременно возводились вторые пути на участке Хабаровск – Уссурийск (656 км), железнодорожные линии: Тахтамыгда – Тында (175 км) (вместо головного участка эта дорога по новому проекту стала соединительной веткой между Транссибом и БАМом), оборонная дорога – строительство № 2 Биробиджан – Ленинское, 130 км, строительство № 202 – тоже оборонная дорога Улан-Удэ – Наушки (247 км) и линия Волочаевка – Комсомольск (355 км).

Таким образом, в руках Френкеля был уже не просто лагерь, а громадная армия рабов и надзирателей, рассредоточенная на необозримых пространствах от Байкала до Тихого океана. Для управления такой структурой прежняя схема уже не годилась. В мае 1938 года приказом Ежова БАМлаг был разделен сразу на 6 самостоятельных лагерей и организовано специальное управление железнодорожного строительства – УЖДС ГУЛАГа НКВД СССР на Дальнем Востоке во главе с Френкелем²⁴.

Появляется новая система:

Амурский лагерь (Амурлаг), с центром в г. Свободный, для завершения строительства вторых путей Карымская–Уссурийск и участков Тахтамыгда–Тында, Тында–Зей; нач. лагеря – Н.А. Френкель;

Южный железнодорожный лагерь (Южлаг), с центром на ст. Заудинск, для строительства линии № 202; нач. – И.Д. Шемель;

Западный лагерь (Заплаг), центр – Тайшет, для возведения дороги Тайшет – Падун; нач. – Г.П. Большаков;

Восточный лагерь (Востлаг), центр — в районе г. Комсомольска (ст. Старт). Вел строительство линии Комсомольск—Усть-Ниман; нач. — Н.Ф. Потемкин;

Буреинский лагерь (Бурлаг), центр — ст. Известковая, строительство линии Известковая — Усть-Ниман; нач. — Борисов;

Юго-Восточный лагерь (Юго-Востлаг) с центром в районе ст. Волочаевка, занимался строительством линии Волочаевка — Комсомольск и дороги № 2; нач. — Б.Н. Кузнецов.

Пока в стране шли массовые аресты, лагеря-преемники БАМлага продолжали свой бурный рост. В середине 1939 года численность заключенных на стройках УЖДС НКВД на Дальнем Востоке достигала почти 300 тысяч человек²⁵. Но в последующем возможности такого роста существенно снизились: власти не могли бесконечно создавать новые лагеря с прежним размахом. Для осуществления амбициозных планов покорения восточных пространств наличных рук заключенных оказалось уже недостаточно. Вследствие этого многие участки дороги, построенные заключенными, стали совершенно бессмысленной тратой человеческих сил. В январе 1941 года по приказу Берии был ликвидирован Амурлаг и прекращены работы на северных участках БАМа²⁶. Последовала также консервация строительства западной и восточной частей дороги. Таким образом, программа создания северной супермагистрали оказалась несостоятельной.

Крайне низкая продуктивность принудительного труда вынуждала НКВД искать применение заключенным в других отраслях, прежде всего там, где возможна была организация массовых физических работ. Такими отраслями были лесоповал и работы на рудниках.

Кроме того, в условиях готовящейся войны правительству пришлось определить новые приоритетные области применения каторжан. Многие лагеря оно переключило на строительство военно-стратегических объектов. Страна стояла накануне крупного столкновения, и люди за колючей проволокой должны были вносить свой вклад в могущество того государства, которое отняло у них свободу.

СИБЛАГ

Другой важной экономической зоной ГУЛАГа был Сибирский лагерь. Сиблаг, центр которого одно время располагался в Мариинске, а затем в Новосибирске, возник в 1931 году на базе колоний реорганизованного СибУЛОНа. Границы лагеря охватывали территорию Западной и Центральной Сибири, но основная часть лаготделений и ОЛПов сосредотачивалась в Кузбассе, в районах лесозаготовок, строительства крупных заводов и угольных шахт.

Одним из первых начальников Сиблага был И.М. Биксон — старый партиец и ветеран ГПУ, занимавший в 20-е годы руководящие чекистские посты на Украине, в Узбекистане и Тамбове. Биксон хозяйничал до 1932 года включительно. За это время его лагерь принял десятки тысяч крестьян вместе с их семьями как из самой Сибири, так и европейских областей, а также массу людей, арестованных ОГПУ в ходе «очистки» городов страны от «деклассированных элементов».

В 1932 году Биксона сменил А.А. Горшков. При нем Сиблаг уже представлял собой огромное почти неуправляемое «хозяйство». Горшков был не в состоянии что-либо изменить. На следующий год, когда в нарымской тайге из-за полной неразберихи и бездействия работников Сиблага в течение двух недель были заморены голодом несколько тысяч спецпереселенцев, Горшкова сделали козлом отпущения. Его отстранили от должности и перевели в другую область.

Новым начальником лагеря стал присланный из БАМлага М.М. Чунтонов.

На всем протяжении 30-х годов структура Сиблага и численность заключенных в нем постоянно изменялись, а сам лагерь служил каналом непрерывной перекачки арестантов из одной части страны в другую. Это была по сути гигантская пересылка, через которую распределялись потоки конвоируемых крестьянских семей, «деклассированных», осужденных колхозников, уголовников и остальных категорий лагерного населения. Постоянный же состав лагеря насчитывал в среднем 60—70 тысяч человек.

В 1931 году в ведение Сиблага были переданы все кулацкие спецпоселения от Алтая до Нарыма, 369 пунктов с населением почти 300 тысяч человек²⁷. В результате экономическая роль лагеря многократно возросла. Он стал источником дешевой рабочей силы для десятков строек и предприятий по всей Сибири.

Спецпереселенцев рассредоточили по нескольким отраслям²⁸:

сельское хозяйство (Нарымский край) — 247 поселков — 41053 семьи;

лесозаготовки (Нарымский край) — 35 поселков — 8374 семьи;

добыча золота и обслуживание рудников Цветметзолото (таежный Кузбасс) — 40 поселков — 3255 семей;

лесозаготовки (Анжерка, Яя, Крапивинск, Горная Шория) — 36 поселков — 4172 семьи;

добыча угля (Анжерка, Прокопьевск) — 1967 семей;

Кузнецкстрой — 4 390 семей;

всего — 63211 семей.

В это же время на объектах Сиблага использовалось свыше 30 тысяч заключенных. Они строили Горно-Шорскую железную дорогу и Чуйский тракт, заготавливали лес, в нескольких ОЛПах выращивалась сельхозпродукция.

С 1931 года Сиблаг владел также тремя крупными угольными рудниками Кузбасса — Киселевским, Араличевским и Осинниковским. Добыча угля руками шахтеров-заключенных достигала почти миллиона тонн в год²⁹. Это составляло примерно шестую часть всей добычи угля в Кузбассе. Когда Рухимовичу, начальнику треста «Кузбассуголь», срочно требовалась рабочая сила для ликвидации прорывов, он обратился к Эйхе и представителю ОГПУ Алексееву с просьбой прислать заключенных. Его заявки обычно исполнялись достаточно оперативно³⁰.

О жизни рабочих-каторжан некоторые документы сообщают как о положении рабочего скота. В Осинниковском отделении Сиблага, на шахтах «Кузбассугля», в 1933 году было расселено около 6000 заключенных. За ничтожный паек работали, выбиваясь из сил: нормы регулярно выполнялись на

100–105%. Но даже самая ударная работа не избавляла людей от всеобщего хронического голода. Шалаши, бараки и землянки, в которых размещались арестанты, представляли постоянную опасность для жизни. Летом здесь царили инфекции и чудовищная антисанитария, а зимой температура опускалась до -15 градусов. Сыпной тиф и другие заболевания ежедневно уносили чьи-то жизни. С января по август 1933-го в лаготделении умерло 318 человек, 681 получили инвалидность и их пришлось выпустить на свободу³¹.

Но в других местах положение было еще хуже. Если в Осинниках смертность заключенных составляла 5,6%, то в целом по Сиблагу — 16,1% от среднесписочного состава³².

1933 год вообще был, по-видимому, самым страшным для большинства мест заключения в довоенные годы. Голод, который в этот период переживали крестьяне и основная часть городского населения, для каторжан означал еще большую трагедию. Потери от голодной смерти и эпидемии тифа во всех лагерях достигали рекордного уровня: в БАМлаге — 13,4%, в Дальлаге — 13,8, в Вишерских лагерях — 34,6%³³.

Если данные самого ГУЛАГа о смертности среди заключенных принять как приближающиеся к действительным, то число умерших в 1933 году составило в целом по стране около 70 тысяч человек, т.е. исчезло примерно население одного крупного лагеря.

Но какие бы сведения ни представляла официальная статистика, они никогда не отражали и не могли отражать действительного положения дел. В условиях того хаоса, в которых создавались крупные лагерные зоны, серьезный учет вообще был невозможен. О ситуации в Томском лагпункте в 1934 году, например, один работник Сиблага сообщал: «Тут царила такая неразбериха, что позволяла всем желающим заключенным жить в частных квартирах в городе и деревне, выписывать себе жен и детей, которых немедленно зачисляли на паек. Кое-кто даже покупал себе жилье или строил его. Многие из них, как и администрация лагпункта Сиблага, сами не знали, кто они — заключенные, трудпоселенцы или спецпереселенцы»³⁴.

В последующий период Сиблаг постоянно претерпевал изменения. После реорганизации 1933 года лагерь приобрел

сельскохозяйственный профиль и стал главным поставщиком продовольствия для сибирских и дальневосточных лагерей — Норильска, Колымы и БАМлага. В 1936 году из 60 тысяч заключенных большая часть работала на полях и фермах. Посевные площади под зерновыми культурами составляли 42,4 тыс. га³⁵. Лагерь имел свыше 7 тысяч голов крупного рогатого скота, около 30 тысяч свиней. Машинный парк состоял из 340 тракторов, 18 комбайнов и 93 автомобилей³⁶.

Как отдельная производственная единица, Сиблаг был такой же частью государственной экономики, как и все прочие предприятия. Трудоспособные заключенные выполняли роль крестьян и рабочих, а лагерные начальники — директоров совхозов и строек. По некоторым показателям лагерное производство даже превосходило достижения «свободного социалистического труда». В 1936 году урожайность зерновых культур на полях Сиблага составляла 12,1 ц с гектара, а в окружающих совхозах — всего 7,4 ц; в сельхозколониях Красноярского края — соответственно 11,3 и 10,9 ц; в Дальлаге — 8,8 и 6,0 ц³⁷. В Осиновском лагпункте, сообщало руководство Сиблага, план 1936 года по добыче угля заключенными был выполнен на 116 %, а вольнонаемными только на 97 %³⁸.

Само по себе сравнение любопытно, но доказывает только одно: там, где «свободный» работник мог ускользнуть от трудовой повинности и поработать на себя и свою семью, заключенному приходилось «ишачить» сверхурочно, чтобы наутро не остаться без пайка. «Хотите есть — работайте. Это принцип существования в нашей стране. Для вас не будет исключения» — заявлял начальник ГУЛАГа Матвей Берман³⁹.

Граница между лагерем и остальной частью общества порой действительно носила условный характер. Иногда это демонстрировалось официально, выставлялось напоказ. В 1940 году отделение СибЛАГа Антибесс, как «передовой совхоз», получило право быть участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки⁴⁰.

Из немногих имеющихся официальных источников мы имеем возможность точно узнать кто и за что находился в Сибирском лагере НКВД в 30-е годы.

Как сообщается в одном отчете, на 1 января 1936 года в 22-х отделениях Сиблага содержалось 68957 заключенных. Из них 45 % учитывались как крестьяне (колхозники, кулаки, середняки, единоличники), 14 % — рабочие, 22 % — «деклассированные элементы», остальные — кустари, государственные служащие, специалисты-хозяйственники, учащиеся, военные, служители культа. Самая большая часть заключенных имела «контрреволюционные преступления». Их было 11921 человек (17 %). Далее распределение шло по таким видам: «социально-вредные элементы» — 11528 человек, имущественные преступления — 10486, «по постановлению правительства от 7.08.1932 года» — 9972, «шпионы» — 1527, «паспортизация» — 4139 и так далее⁴¹.

Статистика Сиблага весьма показательна. Ее данные отчетливо отражают характер той войны, которую вел Сталин против своего народа.

С 1936 года, с началом в стране очередной кампании террора, численность заключенных в Сиблаге систематически возрастала. Точнее сказать, резко увеличился поток проходящих через лагерь, в результате чего состав заключенных за несколько месяцев полностью обновлялся. Во многих отделениях и пересылках из-за огромного скопления людей условия содержания превратились в кромешный ад. Вернее, условий не стало вообще, если не иметь в виду того, что обычно полагается для содержания животных. Многие подразделения поразила страшная эпидемия сыпного тифа.

Воспоминания бывшего заключенного А. Шалганова, пережившего ужас Мариинского распрепункта Сиблага в январе—мае 1938 года, дают, по-видимому, типичную картину того времени. Этот пункт, пишет бывший лагерник, «состоял из одного здания, в котором могло поместиться от силы человек 250—300. Сейчас же в нем, как говорили, находилось около 17 тысяч».

Для того чтобы хоть как-то разместить заключенных, вырыли несколько землянок с печками, наскоро изготовленными из ржавых бидонов, да поставили с десятков «палаток»: ледяные, кое-как обшитые тесом стены, покрытые сверху брезентом.

В землянке, куда я спустился со своим товарищем по этапу Петром Дурыгиным, творилось что-то жуткое. Люди валялись на нарах, под нарами, в проходах — впритык. Шагу нельзя было сделать, чтобы не наступить кому-нибудь на руку. Вонь стояла страшная. Люди боялись выйти на улицу, потому что их место тотчас же занимал другой (а на дворе трещал мороз градусов под сорок). Впобалку лежали туркмены, азербайджанцы, татары, мордва и земляки — москвичи, ленинградцы... Халаты туркменов, ветхая одежда заключенных, как маком, были обсыпаны вошью.

Ни мисок, ни ложек не было и в помине. К четырем котлам, в которых варили суп из мерзлой картошки, по-здешнему называемой баландой, выстраивалась очередь: заключенные подставляли кепки, треухи, а то и просто калоши и хлебали прямо из них. (...)

...в феврале в лагере начался мор. Картошка кончалась, а воду не подвозили совсем. Мучаясь жаждой, люди горстями собирали покрытый кровавыми пятнами снег и отправляли в рот. Ослабевшие не могли добраться до отхожего места и сидели тут же, около землянок. Дизентерия свирепствовала вовсю. Сначала умирало по 18–20 человек в день. Потом по 50–70. Я делал гробы: на два, на восемь человек. Потом кончился лес. Мы соорудили сарай и складывали там трупы; гора росла и росла и вскоре на два метра возвышалась над землей. (...)

С января по май в Мариинском распределительном пункте погибло около десяти тысяч человек...»⁴².

Достоверность этих сведений подтверждается также официальными документами. Так, в феврале 1941 года на партактиве Сиблага один из лагерных начальников, отчитывая подчиненных, говорил: «Очевидно забыты страшные уроки 38-го года, когда потери дней сводились к астрономическим цифрам... очевидно забыли, что сказал зам. наркома внутренних дел после эпидемии 1938 года: ...если еще повторится — все пойдут под суд»⁴³.

«Естественная убыль» заключенных тем не менее быстро компенсировалась поступлениями новых этапов. В 1938 году на базе подразделений Сиблага создаются еще два лагеря:

Горшорлаг (строительство 97 км железной дороги Учулен—Таштагол, на юге Кузбасса, для вывоза железной руды на Кузнецкий металлургический завод) и Томасинлаг (лесозаготовки). Численность заключенных в самом Сиблаге возрастает до 82 тысяч⁴⁴.

Парадоксальным однако было то, что увеличение количества рабочих рук не улучшало состояние лагерной экономики. Производственные «достижения» Сиблага были заметны лишь на жалком фоне ближайших колхозов, но в сущности являлись столь же сомнительными, как и «успехи колхозного строя». С 1936 года посевные площади не росли. Бесконечные поломки техники, гибель скота и потери урожая сводили к нулю многие результаты работы заключенных. То же самое происходило и в промышленном секторе лагеря. За 1937 и 1938 годы Сиблаг имел сплошные убытки, а кое-какая прибыль в последующие два года была получена исключительно за счет снижения части расходов и повышения отпускных цен⁴⁵.

Систематические провалы происходили во всех хозяйственных структурах ГУЛАГа, и такой результат был закономерным. Могло ли быть иначе в экономике, где основными «стимулами» являлись палка и голод?

В предвоенный период за счет увеличения числа заключенных масштабы деятельности Сибирского лагеря расширились. Количество его подразделений с 22-х выросло до 31. В 1940 году Томасинлаг и Горшорлаг, завершив основные работы, вновь были включены в общую систему как отделения Сиблага. Сюда же присоединили три детские трудовые колонии Томска, крупнейшие в стране. Организуются лаготделения в Сталинске (Новокузнецке) для строительства второй очереди Кузнецкого комбината и нового металлургического завода. Появляется дополнительный лагпункт по добыче угля. В результате такого роста существенно повысилась промышленная роль Сиблага. Заключенных широко использовали на контрагентских работах в различных предприятиях, прежде всего военного значения. Самыми значительными заказчиками Сиблага стали крупнейшие стройки Новосибирска: № 153 — авиационный завод и № 179 — завод Миноборонпрома (нынешний Сибсельмаш), а в Кемерово — строительство № 30 (химичес-

кое производство). На этих трех объектах были созданы специальные лаготделения, в которых размещалось 10–11 тысяч заключенных⁴⁶.

Самым крупным собственным предприятием ГУЛАГа в предвоенный период оставалась швейная фабрика Сиблага в поселке Яя, на севере Кузбасса. Несколько тысяч арестантов, в том числе женщин, шили здесь одежду для заключенных лагерей СССР, а с 1940 года — еще и для Красной Армии.

Общая структура и дислокация Сиблага в мае 1941 года имела следующий вид⁴⁷:

Наименование подразделения	Численность заключенных (чел.)
Сельскохозяйственная группа	
1. Маринский ОЛП	657
2. Орлово-Розовское отделение	3187
3. Ново-Ивановское «	3062
4. Суловское «	3762
5. Чистюньское «	2877
6. Арлюкское «	2158
7. Юргинское «	2280
8. Берикольское «	1899
9. Ангибесское «	1911
Итого:	21793
Лесная группа	
1. Кожуховский ОЛП	492
2. Тайгинское отделение	2326
Итого:	2818
Промышленная группа	
1. Яйское отделение	4201
2. Маринское отделение	5801
3. Искитимский ОЛП	744
4. Новосибирский ОЛП	436
Итого:	11182
Контрагентские работы	
1. Бугринское отделение	270

2. Ново-Кузнецкий ОЛП	1817
3. Новосибирское отделение	4186
4. Кемеровское «	2906
5. Асиновское «	2369
6. Ахпунское «	4086
7. Кривошековское «	7807
Итого:	23441

Исправительно-трудовые колонии

1. Томская ИТК № 2	63
2. Инвалидная колония г. Томска	2254
3. Бердская ИТК № 4	600
4. Пересыльный пункт г. Мариинска	156
5. Пересыльный пункт г. Новосибирска	1339
Итого:	4412

Всего по ИТЛК: 63646

С того момента, как власть в НКВД перешла к Берии, в системе ГУЛАГа систематически проводилось массовое перераспределение заключенных. Лесные, строительные и промышленные лагеря «очищали» от инвалидов и слабосильных, оставляли лишь трудоспособных. Всех малопригодных к тяжелым работам, Берия «разгружал» в сельскохозяйственные лагеря, где им предстояло доживать остаток жизни.

В результате этих мер Сиблаг ежегодно пополнялся тысячами «доходяг». Взамен поставлялась здоровая «рабочая сила». В 1940–1941 годах в составе Сибирского лагеря насчитывалось 9 тысяч инвалидов и около 15 тысяч полуинвалидов, способных лишь к легкому труду⁴⁸.

Характеристику Сиблага предвоенных лет дополняла еще одна важная особенность, которая отсутствует в описаниях других лагерей. Это были дети, несколько сот человек, находившихся в зоне вместе с отбывающими срок матерями. Условия, в которых они содержались, фактически ничем не отличались от условий обычных заключенных. Женщины с грудными детьми постоянно жили в общих бараках, с остальными заключенными, и на общих основаниях выходили на работы. Администрация лагеря постаралась сделать так, чтобы младенцы не отвлекали матерей от выполнения заданий. В Мариин-

ском лагпункте под названием «Огороды», в котором собрали большинство матерей с детьми, были организованы лагерные «детские ясли». В июне 1941 года здесь содержалось 253 ребенка⁴⁹. Для остальных мест не хватило, и они оставались непосредственно в лагерной зоне.

ДАЛЬСТРОЙ

В число наиболее крупных уделов ОГПУ—НКВД входил также Дальстрой — лагерь-комбинат, организованный по решению ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 года для освоения золотосносных районов Колымы. Его официальное название ничем не выделялось среди других и звучало вполне обыденно: «Государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы». Но за этим названием скрывалась область особого жизнеустройства и особого управления — настоящее государство в государстве с собственными экономикой, судом, армией и законами.

В период наиболее активной деятельности Дальстроя его территория охватывала площадь в 2266 тысяч кв. км. Она включала в себя северное побережье Охотского моря — от Удской губы до Пенжинской губы, бассейны рек Колымы, Индигирки, Яны, Восточной Хандыги и весь Чукотский полуостров». Территория вчетверо больше Франции», — верно определяет британский историк Роберт Конквест⁵⁰.

В ведении Дальстроя находилось практически все, что создавалось и действовало на его территории. Прежде всего — это сеть исправительно-трудовых лагерей Северо-Восточного Управления ГУЛАГа (УСВИТЛ), а также национальные районы Хабаровского края — Ольский, Северо-Эвенкийский и Среднеканский, для которых Дальстрой являлся органом верховной государственной власти.

В 1932 году, когда развернулись старательские работы, на Колыму начали прибывать первые партии заключенных. К концу года их было 10,2 тысячи человек, тогда как вольнонаемных — 3,1 тысячи⁵¹.

Относительно численности колымских каторжников стоит отметить некоторые преувеличения, возникшие в мемуарной,

а затем и в исследовательской литературе в связи с отсутствием правдивой советской информации. О действительном положении теперь можно судить на основе сопоставления различных источников.

Если верить официальным отчетам Дальстроя, количество заключенных в УСВИТЛ в различные периоды составляло⁵²:

на 1 января	1933 года	— 10265	человек
«	1934	— 27390	«
«	1935	— 32870	«
«	1936	— 44601	«
среднесписочное	1937	— 76905	«
то же	1938	— 4851	«
то же	1939	— 67497	«

Всего за 11 лет (1932—1942) было завезено 356 тысяч заключенных, то есть примерно по 32,3 тысячи в год. Совершенно очевидно, что эти данные заметно расходятся с преобладавшими представлениями о лагерях Колымы. Тем не менее даже такие цифры остаются убедительным свидетельством использования рабского труда в широких размерах.

Первым начальником Дальстроя был Э.П. Берзин, а его заместителем по лагерю Филиппов. Во многих воспоминаниях Берзин представляется уравновешенным и снисходительным руководителем, при котором обращение лагерной администрации с заключенными оставалось достаточно гуманным. Но в конце 1937 года Берзина вызвали в Москву, якобы для доклада на заседании правительства, и на одной из станций недалеко от столицы его арестовали вместе с подчиненными⁵³. Новым начальником Дальстроя назначается К.А. Павлов, занимавший до этого пост главы управления НКВД Крымской АССР.

Период правления Павлова и его помощника С.Т. Гаранина отмечен был резким ужесточением лагерных порядков. Даже мелкие нарушения режима карались расстрелами заключенных. «Начали выдавать гаранинские довески — дополнительные сроки, просто так. Распишись — и будь здоров, получи еще десять лет... Помощник начальника Дальстроя полковник Гаранин знает за что...». Специальным приказом в декабре 1937 года все лагерные льготы были отменены.

«Устанавливается 12-часовая рабочая смена, восстанавливаются ночные работы, зарплата и пользование лавкой предоставляются только уголовникам и «стахановцам» из числа «врагов народа», перевыполняющим нормы. Таких, однако, практически не было. И потому большая часть зэков была переведена во вторую категорию питания с уменьшением пайка (триста граммов хлеба и один раз в день горячая болтушка из муки)»⁵⁴.

Первые заключенные, завезенные на Колыму в 1932 году, использовались в геологической разведке и на пробной добыче. С 1933 их стали завозить тысячами. Они создали Нагаевскую базу, как опорный перевалочный и временный административный пункт, и поселок Магадан, в двух с половиной километрах от бухты Нагаево. Одновременно с базой велось строительство автомобильной дороги от бухты в глубь материка, к районам открывавшихся золотых приисков.

Местность, куда высаживали каторжные этапы, представляла собой бескрайние дикое пространства с редкой приполярной растительностью и почти полным отсутствием условий для земледелия. Суровый климат, вечная мерзлота, уходящая на глубину до 300 метров, бездорожье и топи создавали колоссальные препятствия для освоения этого края.

Уже в первый год работы из-за нехватки продуктов питания в лагерях и поселениях Дальстроя вспыхнула сильная эпидемия цинги. В самом Магадане болело практически все население⁵⁵, а в глубинных пунктах вымерла, по-видимому, основная часть заключенных. Борьба с эпидемией пытались подручными средствами: заболевшим раздавали настойку, приготовленную из хвои местного растения — стланника. Но только с доставкой продуктов и медикаментов массовая гибель людей постепенно прекратилась.

По некоторым сведениям, требующим уточнения, лагерная смертность установилась на уровне 10 % в год⁵⁶.

Несмотря на постоянные человеческие потери, НКВД очень быстро вывел Дальстрой в число крупнейших золотодобывающих предприятий Советского Союза. В 1932 году заключенные добыли здесь 511 кг химически чистого золота, в 1933–1937 гг. — 105,6 тонны, а за 1938–1942 гг. добыча утроилась⁵⁷.

С 1937 года начинается промышленная добыча олова. Каторжники построили три оловообогатительные фабрики, и общая поставка металла увеличилась в 1940 году до 1917 тонн.

Ценой дарового труда и жизни тысяч заключенных в короткий срок был создан огромный производственный и социальный комплекс. За десять лет построены более 3100 километров дорог, десятки рудников и шахт, создано речное пароходство по водным путям Колымы и Индигирки, которое связало промышленные районы с Северным морским путем.

Северо-восточная окраина России, совсем недавно представлявшая собой безбрежную пустыню, была освоена и превращена ГУЛАГом в самый большой по площади лагерь в мире.

КРАСНОЯРСК и ХАБАРОВСК

ГУЛАГ с полным основанием может считаться одним из главных пионеров освоения сибирских просторов. От Арктики до степей Казахстана, в предгорьях Алтая и таежных зонах Якутии — везде, где открывались перспективы добычи природных богатств и выгодной их переработки, — возникали лагеря, колонии или поселки спецпереселенцев. Никакие природно-климатические трудности не могли препятствовать расплощению лагерной системы.

Красноярский край, территория которого сравнима с размерами нескольких европейских государств, безусловно входил в число крупнейших областей распространения власти ГУЛАГа.

В 1935 году в самой северной части Красноярского края, в районе впадения Енисея в Карское море, где были обнаружены богатейшие запасы цветных металлов, началось строительство крупного металлургического завода и города — Норильска.

До сих пор этот район за полярным кругом, где свирепствуют арктические холода и вечная мерзлота сковывает землю на глубину до 215 метров, оставался недоступным для промышленного освоения. В зимние месяцы морозы в здешних местах достигают -57° , а среднегодовая температура составля-

ет $-8,5^{\circ}$ (в Москве $+3,6^{\circ}$). Из-за сильных холодов 40–42 дня в году в Норильске невозможно вести работы на открытом воздухе. К тому же каждую зиму вся зона Таймыра погружается в полярную ночь продолжительностью 56 суток.

Решение о строительстве в этой части тундры огромного промышленного комбината Сталин мог подготовить тогда, когда в его распоряжении уже имелся основной ресурс — тысячи заключенных. В марте 1935 года план освоения района Норильска разрабатывался и утверждался в кабинете Молотова. Главный геолог Норильскстроя А.Е. Воронцов, вызванный для участия в этом совещании, вспоминал:

«В кабинете В.М. Молотова я увидел товарища Сталина, Г.К. Орджоникидзе и Л.М. Кагановича. Они стояли за столом и внимательно рассматривали лежащую перед ними карту севера. В кратком докладе я рассказал о полезных ископаемых Норильска. Товарищ Сталин принял оживленное участие в беседе. Вспоминая свое пребывание в курейской ссылке, он рассказал несколько эпизодов, связанных с пургами, и высказал предположение, что норильский климат еще суровее курейского. Товарищ Сталин подробно спрашивал меня не только о месторождении, но и о постановке зимовок геологических партий, о нашем быте и о том, как мы пережили суровый климат Арктики. В заключение по предложению товарища Сталина было принято решение передать строительство промышленного предприятия в Норильске в ведение НКВД. Была создана специальная комиссия под председательством тов. Орджоникидзе для разработки основных мероприятий, связанных с организацией строительства Норильского комбината»⁵⁸.

Через три месяца, в июле 1935 года из Красноярска в порт Дудинка на пароходе «Спартак» была доставлена первая партия заключенных. До Норильска оставалось 80 километров. К конечному пункту этап с заключенными гнали пешком, напрямик, через топи и болота, заставляя двигаться иногда по пояс в воде. Переход продолжался несколько недель. Не хватало продуктов — их сбрасывали с самолета на парашютах. Часть арестантов, очевидно, не смогла дойти до цели, а те, кто

выжил, были сразу направлены на тяжелые работы — разгрузку материалов и строительство укрытий.

После первой навигации число заключенных в Норильскстрое составило немногим более 1000 человек. Но со временем их становилось все больше. С 1936 по 1940 год количество зеков увеличилось с 5 до 20,8 тысяч⁵⁹. В течение двух лет они фактически на голом месте создали крупные перевалочные базы — Дудинка и Валёк, — соорудили две железнодорожные ветки, а затем приступили к строительству основных объектов комбината.

До апреля 1938 года начальником строительства в Норильске был В.З. Матвеев, о котором мало что известно, кроме того, что после трех лет работы на комбинате он был расстрелян⁶⁰. В мае его сменил А.П. Завенягин. Последний действовал с большим размахом. Его заключенные и спецпереселенцы освоили ряд богатейших никелевых рудников, возвели основные и вспомогательные цеха, развернули строительство приполярного города. В поселке Дудинка они оборудовали временный порт, через который на комбинат завозились материалы, техника и продовольствие.

С марта 1939 года комбинат начал выпускать свою первую продукцию.

Норильлаг был истинным воплощением сталинского замысла покорения природы. В царстве тундры и арктических холодов был сооружен уникальный горно-металлургический комбинат по выпуску 10 тысяч тонн никеля в год. Норильск стал первым крупным центром советской цветной металлургии. Несмотря на климат полярной зоны, здесь удалось организовать даже собственное сельскохозяйственное производство. На 78-ми га земли, отвоеванных у дикой природы, выращивались овощи, которые ранее постоянно приходилось завозить⁶¹.

Сталин высоко оценил способности и заслуги Завенягина в создании Норильска. В 1941 году он отозвал его в Москву и назначил заместителем Берии. С 1955 года Завенягин стал министром среднего машиностроения и заместителем Председателя правительства СССР.

Немалая роль в экономике ГУЛАГа принадлежала и Краслагу — Красноярскому лесному лагерю, действовавшему с февраля 1938 года в районе г. Канска. Начальником лагеря был Почтарев. Около 20-ти тысяч заключенных, находившихся в его распоряжении в этот период, обеспечивали дешевой древесиной десятки предприятий и строек региона.

Но масштабы Краслага и Норильлага были все же несопоставимы с такой величиной, как Енисейский исправительно-трудовой лагерь, организованный в ноябре 1940 года.

Своим появлением Енисейлаг обязан решению ЦК и Совнаркома СССР о строительстве в Красноярском крае нескольких гидролизных заводов силами заключенных и спецпереселенцев. Однако управлению лагеря (начальник — старший лейтенант ГБ Филимонов) были переданы не только гидролизные заводы, но и строительство аффинажного завода в Красноярске, 10 сельскохозяйственных и промышленных колоний, 22 комендатуры со спецпоселениями в районах лесозаготовок и золотодобычи, 32 инспекции исправительно-трудовых работ⁶².

Густая сеть подразделений Енисейлага покрыла огромные пространства края. Районные комендатуры НКВД на дальних северных рубежах, в Игарке и Ярцеве, с 11 спецпоселениями создавали как бы первую экономическую зону лагеря, занятую в основном лесозаготовками. Затем шла зона «ближнего севера» с 4-мя комендатурами и 56 спецпоселками. И наконец в третьей, южной полосе, главным образом вокруг городов, располагалась основная часть подразделений лагеря.

Общая численность подневольного населения Енисейлага достигала в мае 1941 года почти 100 тысяч человек.

Структура и численность Енисейлага (май 1941 года)⁶³:

№	Подразделения	Место расположения администрации	Количество спецпереселенцев или з/к
Районные и поселковые комендатуры			
1	Игарская районная	Игарка	3501 с/переселенцев
2	Ярцевская	« с. Ярцево	2890 «
3	Северо-Енисейская	« Северо-Енисейск	5018 «
4	Южно-Енисейская	« Удереиск	6560 «

5	Богучанская	« с. Богучаны	3917	«
6	Енисейская	« Енисейск	4535	«
7	Канская	« Канск	2323	«
8	Даурская	« с. Ермолаево	2434	«
9	Бирилюсская	« пос. Полевой	1580	«
10	Боградская	« ст. Сон	4065	«
11	Саралинская	« пос. Орджоникидзе	3510	«
12	Красноярская	« Красноярск	8064	«
13	Манская	« с. Нарва	8503	«
14	Чульская	« пос. Боровой	1484	«
15	Ольховская	« с. Артемовск	4931	«
16	Абанская	« с. Абан	1070	«
17	Тинская поселковая	пос. Верх-Табагашет	1308	«
18	Таштыпская	« с. Таштып	361	«
19	Ирбейская	« с. Кромка	568	«
20	Усть-Можарская	« пос. Кеть-Можарка	654	«
21	Новоселовская	« пос. Кужня	443	«
22	Тасевская	« пос. Мажуковка	279	«
	Всего:		64998	«

Специализированные лагерные отделения

1	Строительство гидро-лизного завода	Красноярск	1525	заключенных
2	То же	Красноярск	1381	«
3	То же	Канск	1100	«
4	Строительство аффинажного завода	Красноярск	1776	«

Промышленные колонии

1	Красноярская	Красноярск	554	«
2	Качинская инвалидная	ст. Кача	944	«
3	Березовская подростков	ст. Маганск	483	«
4	Канская подростков	Канск	407	«
5	Минусинская	Минусинск	298	«
6	Усинская	ст. Малый Кебош	463	«
7	Туимская разъезд	Туим	818	«

Сельскохозяйственные колонии

1	Миндерлинская	Сухобузимский район	454	«

2	Ширинская	ст. Шира	373	«
3	Абанская	с. Абан	743	«
	Всего:		11089	«

Инспекции исправительно-трудовых работ

Всего в крае — 32

Число осужденных, состоящих на учете в них — 20312 чел.

Енисейлаг обслуживал огромный индустриально-аграрный комплекс края. Помимо строительства новых заводов, заключенные использовались на строительстве Хакасского медно-молибденового комбината и шоссейных дорог. Ряд промышленных колоний заготавливали и сплавляли лес. Другие занимались изготовлением мебели или ширпотреба.

Значительная часть «спецконтингента» Енисейлага состояла из выходцев западных областей Советского Союза — Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины и Западной Белоруссии. Сотнями семей они были переселены сюда в 1939—1940 годах в результате чисток, последовавших за присоединением западных территорий к СССР. Установив для этих людей статус «осадников» и «беженцев», НКВД расселил их в поселках по 250—300 человек, определив на тяжелые физические работы. В середине 1941 года в 36 спецпоселениях Енисейлага содержалось 11,4 тысячи так называемых «западников»⁶⁴. К концу 30-х годов система ГУЛАГа была уже так велика, что для управления ее отдаленными частями приходилось создавать местные филиалы, подобные Дальстрою.

Одним из таких филиалов являлся Хабаровск. В 30-е годы здесь, в Хабаровске, находилось управление Дальлага, осваивавшее территорию вдоль Великой Сибирской магистрали от Владивостока до Благовещенска и Комсомольска. Численность его заключенных в 1938 году составляла почти 79 тысяч⁶⁵. Однако в 1939 году, в связи с пополнением арестантов, Дальлаг был разделен, и на его основе создано несколько новых крупных единиц:

Бирлаг, лесной лагерь с центром в районе ст. Бира в Еврейской АО; начальник лагеря — Еремеев;

Ново-Тамбовский лагерь, разрабатывал лесные массивы вдоль железнодорожной линии Волочаевка—Комсомольск и по притокам Амура; начальник лагеря — Ориентрихерман;

Райчихлаг на ст. Буряя Амурской железной дороги, с задачей освоения Кивдо-Райчихинского месторождения угля; начальник лагеря — Саруханян;

Средне-Бельский сельскохозяйственный лагерь вблизи ст. Средне-Белая Амурской железной дороги;

Теплоозерский лагерь на одноименной станции в Еврейской АО, на строительстве крупного цементного завода; начальник — Сусман.

Фактически уже не было ни одного крупного объекта в Сибири и на Дальнем Востоке, где обходились бы без использования заключенных. С обострением международной обстановки основным «клиентом» ГУЛАГа становится Наркомат обороны. Накануне войны каторжники хабаровских лагерей за короткий срок построили несколько аэродромов, цепь крупных радиостанций, ряд шоссейных дорог стратегического значения в Приморье, Хабаровском крае, на Камчатке и Сахалине.

Около 7 тысяч заключенных восточно-сибирских лагерей работали за границей СССР, на строительстве дорог в Монголии⁶⁶. Это был, по-видимому, единственный в своем роде опыт использования заключенных одной суверенной страны на территории другого государства.

Сохранившаяся лагерная статистика скупа и недостоверна для того, чтобы установить точные масштабы гулаговской системы и количество ее жертв. Определенно можно утверждать лишь то, что лагеря и колонии Сибири и Дальнего Востока поглощали основную часть узников ГУЛАГа. На их долю приходилось 55—65 % всех заключенных в СССР.

Что касается экономической стороны проблемы, то действительное значение принудительного труда в развитии восточных территорий, по-видимому, никогда не будет определено в полном объеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, л. 746, л. 2.

² ГАНО, ф. 47, оп. 5, л. 88, л. 43—44.

³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, л. 746, л. 2.

- ⁴ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 114, л. 129.
⁵ ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 107, л. 20–21.
⁶ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2919, л. 5.
⁷ Там же, л. 61об.
⁸ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 112, л. 98.
⁹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 218, л. 6.
¹⁰ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 166, л. 24об.
¹¹ Там же, л. 87.
¹² ГАРФ, ф. 1235, оп. 2, д. 1366, л. 80–81.
¹³ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 161, л. 240.
¹⁴ Архив УВД Амурской области, оп. 2, д. 617, л. 4.
¹⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 78–89.
¹⁶ Наш современник. 1991. № 6. С. 124.
¹⁷ Там же, С. 127–128.
¹⁸ Архив УВД Амурской области, оп. 2, д. 617, л. 2.
¹⁹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2922, л. 3.
²⁰ Москва. 1988. № 7. С. 29.
²¹ Там же, С. 50.
²² По бухгалтерским отчетам БАМЛАГа в архиве УВД Амурской области.
²³ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2947, л. 21.
²⁴ Архив УВД Амурской области, оп. 1, д. 147, л. 1–2.
²⁵ Там же, д. СО-6579, л. 282.
²⁶ Еланцева О.П. Обреченная дорога. БАМ: 1932–1941. Владивосток, 1994. С. 110–111.
²⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 года. Новосибирск, 1993. С. 287–288.
²⁸ Там же.
²⁹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2922, л. 21.
³⁰ ПАНО, ф. 3, оп. 6, д. 82, л. 5.
³¹ ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 455, л. 158–161.
³² ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2740, л. 7.
³³ Там же.
³⁴ ПАНО, ф. 1204, оп. 1, д. 22-А, л. 18.
³⁵ ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 44.
³⁶ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2925, л. 33–35.

- ³⁷ Там же, д. 2926, л. 7.
³⁸ Там же, д. 2925, л. 23.
³⁹ Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. М., 1934. С. 51.
⁴⁰ ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 5.
⁴¹ ГАНО, ф. 1020, оп. 8, д. 35, л. 48.
⁴² Шалганов А. Дневник// Реабилитирован посмертно. Вып. 2. М., 1988. С. 256–259.
⁴³ ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 157.
⁴⁴ ПАНО, ф. 34, оп. 4, д. 69, л. 57.
⁴⁵ ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 38.
⁴⁶ Там же, л. 26.
⁴⁷ ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 797, л. 1.
⁴⁸ ПАНО, ф. 260, оп. 1, д. 1, л. 21; ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 797, л. 1.
⁴⁹ ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 797, л. 96.
⁵⁰ Роберт Конквест. Большой террор. Пер. с англ. Флоренция, 1974. С. 648.
⁵¹ РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 1, л. 62.
⁵² Там же, д. 1, л. 62; д. 2, л. 249; д. 3, л. 69; д. 7, л. 27; д. 27, л. 95; д. 34, л. 78.
⁵³ Сандлер А.С., Этлис М.М. Современники ГУЛАГа: книга воспоминаний и размышлений. Магадан, 1991. С. 167.
⁵⁴ Там же, С. 183.
⁵⁵ РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 1, л. 62.
⁵⁶ Наука и жизнь. 1990. № 3. С. 1.
⁵⁷ РГАЭ, ф. 9163, оп. 5, д. 63, л. 3.
⁵⁸ Цит. по: Проскурии В.А. Норильский комбинат накануне и в годы Великой Отечественной войны. (Рукопись дипломной работы). Новосибирск, 1971. С. 43.
⁵⁹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2740, л. 21; д. 30, л. 42.
⁶⁰ Трус Л.С. Зеркало реального социализма или введение в экономику и социологию принудительного труда// Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. Новосибирск, 1994. С. 34.
⁶¹ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 30, л. 42.
⁶² Там же, д. 854, л. 3.
⁶³ Там же, л. 3–23.
⁶⁴ Там же, л. 21–23.
⁶⁵ Там же, д. 2740, л. 48.
⁶⁶ Архив УВД Иркутской области, ф. 5, оп. 1, д. 189, л. 57.

ГЛАВА IV. ПОСЛЕДСТВИЯ УБИЙСТВА КИРОВА

1. НОВАЯ ФАЗА ЧИСТКИ

Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он не был замаскирован.

Из закрытого письма
ЦК ВКП(б) 29 июля 1936 года

1 декабря 1934 года Советский Союз потрясло известие об убийстве в Смольном первого секретаря Ленинградского обкома, члена Политбюро С.М. Кирова. В последующие дни все газеты страны выходили в траурных рамках, сообщая факты биографии погибшего и информацию о бесчисленных митингах скорби советских трудящихся.

Мало кто мог тогда предположить, что это загадочное убийство послужит началом широкой кампании политических преследований, которая будет продолжаться несколько лет и потребует огромного количества человеческих жертв.

Уже через несколько дней с момента убийства советская пресса сообщила о казни 66-ти «белогвардейцев» Москвы и Ленинграда, обвиненных в подготовке террористических актов против работников советской власти¹. Спустя десятки лет общественности стало известно, что это событие явилось первой частью жуткого политического сценария, который Сталин разыгрывал вместе с доверенными лицами с целью дискредитации и физического уничтожения бывших оппозиционеров.

Сталинский план заключался в том, чтобы начавшееся расследование обстоятельств гибели Кирова направить на до-

казательство существования широкой подпольной террористической организации зиновьевцев, готовившей покушения на руководителей страны.

В течение декабря 1934 года были арестованы Каменев, Зиновьев и ряд их бывших сторонников — Куклин, Бакаев, Евдокимов, Гертик и другие. Им предъявили обвинение в организации «московского центра», а затем стали готовить к открытому судебному процессу².

Одновременно следствие проводилось и в Сибири. Здесь, на Кузнецком металлургическом комбинате, НКВД арестовало группу «двурушников» из числа близких к зиновьевцам людей и их бывших последователей. В ней оказались: П. Тарасов — начальник строительства прокатного цеха, А. Евдокимова — его жена (дочь Г.Е. Евдокимова), Петровский — начальник горнорудного Тельбесского района, Нарыков — начальник строительства мартеновского цеха и работники комбината — Штифанова, Батиков, Бабчин. Обвинение гласило, что все они «проводили подпольную подрывную работу против партии»³.

Из факта «разоблачения» этой группы крайком ВКП(б) устроил показательную инсценировку борьбы за «революционную бдительность». На заседании бюро Сталинского горкома, где проводилась процедура исключения «зиновьевцев» из партии, лично присутствовал секретарь крайкома Эйхе. Он произнес эмоциональную речь о непримиримости к «антипартийным теориям» и «антипартийным разговорам», пригрозив в итоге не щадить никого из разоблачаемых⁴.

Несколько дней местные газеты извергали поток клеветы и ругательств в адрес исключенных из партии, пытаясь изобразить их коварными заговорщиками и предателями.

«...Недаром молчала Евдокимова А.Г., — писала «Советская Сибирь». — Недаром ни слова о политике партии нельзя было услышать на партийных собраниях от Тарасова. Это была тактика. Злобные, но бессильные и трусливые враги партии молчали, таились, чтобы не выдать себя «прежде времени». ...Этой тактики придерживались все они — Нарыков, Штифанова, Бабчин, Петровский, Батиков. (...)

На их вечеринках выражалось самое отрицательное отношение к коллективизации, к победам колхозного строя, к темпам индустриализации и т.д. Штифанова в своих показаниях заявила, что она отрицает возможность построения социализма в СССР без поддержки какой-либо другой революционной страны, что она отрицает социалистический характер нашей теперешней экономики»⁵.

Аресты «троцкистско-зиновьевских последышей» были проведены также в Барнауле, на меланжевом комбинате и ряде организаций, в Томске, Красноярске, Омске, в Барабинском тресте совхозов, на железнодорожном транспорте.

Для той обстановки, которую создал Сталин, было вполне естественно, что даже периферийные кадры НКВД постарались воспользоваться убийством Кирова, чтобы продемонстрировать служебное рвение и «политическое чутье». «Преступные ошибки» ленинградского НКВД для всех являлись важным уроком. Поэтому Западно-Сибирское управление НКВД поспешило разоблачить местных «террористов», у которых «намечен был товарищ Эйхе»⁶.

В связи с якобы готовившимся терактом были арестованы 8 жителей Новосибирска, из бывших офицеров. Никаких преступных действий они, разумеется, осуществить «не успели», но тем не менее троих — Федора Абрамова, Петра Колоярцева и Громова — приговорили к расстрелу, а других упрятали в заключение.

В январе—феврале 1935 года во всех парторганизациях страны в обстановке всеобщего оцепенения и парализующего страха зачитывалось составленное Сталиным закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова». В этом документе, основанном на сплетении лжи и большевистской демагогии, Сталин убеждал партию в том, что ответственность за дерзкое преступление полностью лежит на зиновьевцах. Партия оказалась недостаточно бдительной, объяснял Сталин, и потому стало возможным проникновение в нее опасных двурушников.

«Двурушник не есть только обманщик партии. Двурушник есть вместе с тем разведчик враждебных нам сил, их вредитель, их провокатор, проникший в партию обманом и стараю-

щийся подрывать основы нашей партии, — следовательно, основы нашего государства... Поэтому в отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии, его надо еще арестовать и изолировать, чтобы помешать ему подрывать мощь государства пролетарской диктатуры. (...)

Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодущие нужны нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность»⁷.

Сталинское подстрекательство стало поводом для новой встряски партии. В ходе обсуждения письма из ВКП(б) исключили десятки выявленных «троцкистов» и «зиновьевцев», которые, казалось, принесли недостаточно искренние покаяния за прошлое. Проработка бывших оппозиционеров шла нескончаемо. Газеты ежедневно поставляли сведения о партсобраниях, где прошлое каждого подозреваемого выворачивалось наизнанку для всеобщего поношения. Рушились карьеры, коверкались человеческие взаимоотношения и судьбы.

В феврале 1935 года в Сибирь стали прибывать большие группы ленинградцев — членов партии и беспартийных, — высланных после убийства Кирова. Среди них действительно было немало бывших сторонников оппозиции, занимавших при Зиновьеве ответственные партийные, хозяйственные и комсомольские посты, но большинство уже давно не участвовало в политике, и высылка их представляла собой обыкновенную месть Сталина за нанесенные ему в 1925—1927 годах обиды. По постановлению Политбюро из Ленинграда предполагалось выслать на Север Сибири и в Якутию 663 «зиновьевца»⁸.

Ленинградцев принимали во всех крупных городах Сибири: Омске, Новосибирске, Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске. Отсюда их чаще всего направляли еще дальше, в районные организации, где для них находилась работа по специальности.

Прибывшие представляли в основном партийную интеллигенцию. Тут были служащие госучреждений, преподаватели, хозяйственные и профсоюзные руководители среднего уровня. Среди них находились и участники XIV съезда партии — делегаты мятежной ленинградской организации — М.А. Королева, И.А. Петрик, Н.П. Смирнов, С.Х. Субоч.

Секретарь ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов, будущий руководитель НКВД, давал крайкомам и обкомам указание о том, как распорядиться новыми партийными кадрами:

«Командированных товарищей не рекомендуем направлять на партийную работу. Используйте их по своему усмотрению в зависимости от опыта каждого на хозяйственной (в промышленности, кооперации, торговле) или административно-советской работе.

Все командированные в прошлом активно участвовали в зиновьевской оппозиции. Хотя они давно уже отошли от оппозиции и из партии сейчас не исключены, все же их практическую работу необходимо иметь под постоянным наблюдением. (...)

Откомандирование этих товарищей из пределов края не может быть произведено без согласия ЦК ВКП(б) в каждом отдельном случае»⁹.

Иная судьба ожидала изгнанных из партии. Для этих жертв Сталин выбрал более суровую месть.

Собрав сотни зиновьевцев Ленинграда, секретная служба отправила их в политссылку под надзор своего аппарата в районы Восточной Сибири, где когда-то отбывал ссылку сам Сталин. В одном лишь Красноярском крае, главным образом в г. Енисейске, было сосредоточено 280 человек «зиновьевского актива». Это составляло примерно половину политссылных, находящихся в крае¹⁰.

В середине 1935 года, в новом закрытом письме от 13 мая, ЦК ВКП(б) потребовал провести проверку партийных документов и очистить партию от засорения ее «враждебными элементами».

Проверка имела ряд принципиальных отличий от проходившей год назад чистки партии. Теперь были значительно повышены требования по части политической благонадежности коммунистов. Вводились особые категории для исключения по признакам социального происхождения, прежнего рода занятий, родства и проживания в прошлом за границей. Основной компрометирующий материал для разоблачений составлял НКВД.

Одну из «троцкистских групп» из 7-ми человек арестовали опять на Кузнецком металлургическом заводе в г. Сталинске (Новокузнецк), но уже за связь с предыдущей группой.

Группа, обнаруженная в Анжеро-Судженске на шахте им. Кирова во главе с «троцкистом» Маштаковым, «выступала против стахановского движения, называя стахановские методы «тейлоризмом» и «фордизмом».

13 «шпионов» разоблачили в Кемерово. Это были иностранные рабочие, отказавшиеся принять советское подданство¹¹.

Начальник секретно-политического отдела УНКВД по Западно-Сибирскому краю И.А. Жабров информировал:

«В результате нашей агентурно-следственной работы за последнее время нами выявлены и переданы в распоряжение партийных организаций компрометирующие данные на 1543 человека (членов и кандидатов). Почти полная реализация этих данных в процессе проверки, несомненно, помогла парт-организациям разоблачить и очистить свои ряды...»¹².

Когда проверка подошла к концу, партия не досчиталась 13–15% своего состава. Многие были арестованы. Только в Западной Сибири по итогам проверки в тюремных камерах очутилось 805 человек¹³. В Красноярском крае — 460 человек¹⁴.

Но Сталин требовал большего. Его главный расчет заключался в том, чтобы опорочить оппозиционеров до такой степени, когда вся партия станет требовать их казни. А для этого ему нужно было представить своих поверженных противников опасными злодеями, вредителями и шпионами, публично дающими показания о своей антигосударственной деятельности.

Пока на самом веру разрабатывались сценарии открытых процессов, в районах Сибири аппарат НКВД продолжал громить «троцкистско-зиновьевское охвостье».

С начала 1936 года под карательные удары попали колонии ссыльных троцкистов и зиновьевцев. Для НКВД здесь имелось широкое поле деятельности: довольно быстро были оформлены дела о «контрреволюционных заговорах», а их «участников» стали готовить к отправке в северные лагеря. Спустя 4–5 месяцев прекратили свое существование колонии

ссылных в Красноярском крае (Абакан, Шира, Туруханск, Енисейск, Минусинск), Омской области (Тара) и в других районах Сибири.

Одновременно забирали и исключенных из партии «за троцкистскую деятельность». В Томске весной 1936 года горотдел НКВД арестовал несколько ответственных работников индустриального института за то, что они «вели контрреволюционную работу по объединению троцкистски настроенных лиц из числа бывших членов ВКП(б)»¹⁵. Летом 1936 года сотни ссылных и арестованных троцкистов из Сибири, Казахстана и Средней Азии были этапом доставлены во Владивостокскую пересыльную тюрьму для последующей отправки на рудники Колымы. Свозили вместе и ветеранов, отсидевших по несколько лет в изоляции в красноярской, карагандинской или алма-атинской ссылке, и новичков, арестованных совсем недавно, местом содержания которых был Мариинский распределитель. Судьба их считалась решенной.

Но дух троцкистов все еще не был сломлен. Бывшие коммунисты, называвшие себя истинными ленинцами, по-прежнему сохраняли ту сплоченность и решимость к сопротивлению, которые они пронесли через все годы своей беспомощной борьбы с режимом. Как ни странно, время, пережитое в советских тюрьмах и ссылке, не избавило их от иллюзий. Многие их поступки, как и раньше, питались уверенностью в крахе политики Сталина, и потому они упорно продолжали играть роль политических борцов.

Оказавшись вместе после нескольких лет разлуки, старые единомышленники предприняли очередную попытку организовать громкий тюремный протест в духе революционеров прошлого. Эта попытка оказалась для них последней¹⁶.

Целью выступления троцкистов был протест против отправки на Колыму.

На территории огромного пересыльного лагеря началась подготовительная работа. На одном из собраний сторонников был образован старостат. В него вошли известные в лагере оппозиционеры: Р.И. Сахновский, Майденберг, Барановский, Бодров, Саянский, Городецкий, Филиппов, С.Я. Кроль. Члены старостата и их помощники стали готовить товарищей к об-

щему протесту. Один из свидетелей-заключенных, дававший впоследствии показания по делу о «троцкистском восстании», сообщал, что колеблющимся разъясняли:

«Нас отправляют на Колыму в грузовых трюмах... будем содержаться в неветилируемых трюмах, без выхода на палубу, питание будет из расчета штрафных голодных норм. Плавание продлится в таких условиях 18–20 суток. Пусть нас вяжут и везут. У них людей не хватит, чтобы перевязать 600 человек...»

Собрания и обсуждения требований добиваться статуса политзаключенных продолжались несколько дней.

5 июля, перед самой отправкой, когда стало известно, что заключенные готовы начать массовую голодовку протеста, в тюрьму прибыла администрация. Ее заверения в том, что условия этапирования и питания будут вполне приемлемыми для каждого, сыграли свою роль: большинство заключенных, несмотря на призывы своих лидеров, собрали вещи и вышли на транзитный двор. Вслед за ними подчинились и остальные.

Как только этап троцкистов в составе около 600 человек двинулся к пристани, в разных местах по сигналу запели «Вихри враждебные...». Песню подхватили сотни других голосов, и уже вся движущаяся через город колонна пела свой прощальный гимн. Начальник конвоя несколько раз приказывал прекратить пение, дважды останавливал этап, но люди продолжали петь. Пели «Вы жертвою пали», «Интернационал», «Варшавянку»... Пение прекратилось лишь с началом погрузки первой партии ээков на пароход «Кулу».

Была подана специальная баржа. На нее погрузили несколько сот заключенных и переправили на пароход. Но когда подошла баржа со второй партией, возник новый инцидент. С парохода стали кричать, чтобы остающиеся на барже не покидали ее. Вниз полетели узлы и чемоданы.

— Не грузитесь, — кричали с «Кулу», — нас хотят уничтожить, везя в скотских условиях. Всякий честный коммунист должен поддержать своих товарищей, которых уже начинают расстреливать!

И на барже и на пароходе толпа выкрикивала:

— Долой кровопийцу Сталина!

— Долой политическую жандармерию — НКВД!

— Да здравствует вождь мировой революции товарищ Троцкий!

Часть оппозиционеров рванулась к трапу, но была остановлена конвоем. Дальнейшую погрузку пришлось прекратить. Баржу с заключенными отвели в море и продержали там до утра.

На следующее утро на пароход прибыли краевой прокурор и начальник Приморского отдела НКВД. Прокурор попытался образумить протестующих и призвал их «не поддаваться на провокации». Получив от него обещание, что условия этапирования будут нормальными, заключенные разошлись по местам. Затем, хотя и с трудом, погрузились арестанты со второй баржи.

Но протест на этом не завершился. Он перешел в более спокойное русло. По инициативе Эльцина, Р.И. Сахновского, Я. Беленького, Полякова, С.Я. Кроля была составлена телеграмма протеста в ЦИК СССР с требованием предоставления политического статуса для заключенных оппозиционеров. Под ней подписалось примерно 300 человек. Эльцин призывал своих сторонников и в лагере не прекращать борьбы со Сталиным, а путем различных кампаний протеста добиваться улучшения быта и сплочения единства троцкистов.

Проплывая вдоль берегов Японии, оппозиционеры бросали к морю бутылки с записками и призывами к «мировой общечеловечности». Как сообщали свидетели, они выкрикивали при этом: «лучше японский фашизм, чем сталинская реакция»¹⁷.

Описание некоторых деталей этого необычного путешествия на Колыму приводит в своих воспоминаниях бывший узник Михаил Байтальский. Он пишет:

«Плывем...

На виду у японских берегов конвоиры на палубе снимают форменные фуражки, шинелью прикрывают винтовку и вплотную прижимаются спиной к мачтам и большим ящикам грузов на палубе. Почти весь этап на палубе. Уголовники и бытовики заперты в трюмах. Кормят неплохо, ни в чем нас, политических, не стесняют. Наше единственное начальство здесь — старостат...»¹⁸.

Но избежать своей трагической участи троцкисты уже не могли. Когда «Кулу» прибыл в Магадан, участники протеста еще пытались оказывать сопротивление при прохождении обыска, регистрации и карантина. Они даже организовали голодовку. Положение их однако было безнадежным. К тем, кто отказывался отправляться дальше по этапу в глубь Колымы, работники ГУЛАГа применили силу: сопротивлявшихся связали и отправили в лагункты по назначению. Летом 1937 года их расстреляли как мятежников.

Так, шаг за шагом, устраняя одну за другой группы троцкистов и тех, кто имел с ними какие-либо связи, Сталин приближался к своей главной политической цели — уничтожению вожжаков оппозиции через процедуру позорных и унижительных саморазоблачений и раскаяний на показательных процессах.

17 апреля в Новосибирске был арестован Н.И. Муралов, занимавший пост руководителя отдела рабочего снабжения в тресте Кузбассуголь¹⁹. Его поместили во внутреннюю тюрьму УНКВД и стали методично обрабатывать, добиваясь показаний на других деятелей оппозиции.

Арестовали также Вениамина Вегмана, одного из старейших большевиков, известного сибирского издателя и публициста, который, как выяснилось, через друзей посылал деньги в Алма-Ату Троцкому.

Следствие вели работники секретно-политического отдела УНКВД И.А. Жабрев, С.П. Попов и П.И. Сыч, а из Москвы их действиями руководил начальник 4-го (секретно-политического) отдела НКВД СССР Молчанов.

Что происходило в следственных камерах и подвалах УНКВД, узнать уже никогда не придется. Известно однако, что допросы Вегмана вскоре закончились трагически: следственный внезапно скончался при невыясненных обстоятельствах (официально — от разрыва сердца). Существует также версия, распространявшаяся в среде работников управления НКВД, согласно которой Вегман был убит, поскольку прежде находился в дружбе с начальником УНКВД Каруцким²⁰. Возможно, факт такой дружбы мог испортить важную репутацию.

В.А. Каруцкий

Допросы Муралова, очевидно, проходили более гладко. После нескольких бесплодных попыток заставить арестованного пойти на поводу у следствия Жабрев и Попов смогли все же получить необходимые сведения о существовании в Сибири тайной организации троцкистов во главе с Мураловым и Раковским. Когда материалы, представленные на «организацию», оставалось лишь утвердить новому начальнику УНКВД, Каруцкому, неожиданно произошла заминка. Каруцкий повел себя не совсем обычно: он не стал под-

писывать материалов «по троцкистам», а в тот же день вызвал Жабрева и отчитал его за представленную «липу». По словам самого Жабрева, Каруцкий заявил: «Мы никакой контрреволюционной организации не имеем, и вы с Поповым надумали очередной номер»²¹.

После этого разговора Каруцкий был вызван в Москву. Вскоре его место в УНКВД занял В.М. Курский.

Перестановка в руководстве УНКВД летом 1936 года позволила повести дальнейшее следствие в нужном направлении. Курский сразу же внес важные коррективы в «дело троцкистов». Он потребовал, чтобы фигура Муралова вновь была в центре «организации». Затем в числе других он добавил еще и Дробниса, крупного хозяйственного работника, заместителя начальника строительства Кемеровского коксохимического комбината.

Намечалось таким образом новое, более серьезное «дело» с громкими именами, широкими «выходами» и возможными высокими наградами. Но случай со взрывом на шахте Кемеровского рудника в сентябре 1936 года внезапно изменил направ-

ление следствия и вывел НКВД на другой сценарий компроматации врагов партии, о котором речь пойдет ниже.

А в это время из недр сталинского аппарата на партию была обрушена дополнительная доза разоблачительной пропаганды.

29 июля 1936 года на свет появилось очередное закрытое письмо ЦК ВКП(б) — предвестник новых потрясений. Название письма звучало в зловещем тоне — «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Письмо почти полностью основывалось на «показаниях» арестованных лидеров оппозиции — Зиновьева, Каменева, Бакаева, Мрачковского и других, — которые, как утверждалось, «окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми отъявленными и озлобленными врагами советской власти и превратились в организующую силу последышей разгромленных в СССР классов...»²². Письмо внушало мысль о том, что троцкисты и зиновьевцы, разочаровавшись в попытках победить в открытой борьбе, создали тайный блок и встали на путь террористической деятельности. Они убили Кирова, готовили покушения на остальных руководителей партии — Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. В заключительной части письма Центральный Комитет еще раз призывал коммунистов к бдительности «на любом участке и во всякой обстановке».

Этому документу, как приказу к организации новых исключений из партии и новых арестов, придавалась некая секретность. В отличие от предыдущих закрытых писем, его содержание для большей части партии не оглашалось. С ним знакомили только членов бюро обкомов, горкомов и райкомов.

3 августа письмо ЦК ВКП(б) обсуждалось на заседании бюро Западно-Сибирского крайкома, где председательствовал Эйхе. По итогам обсуждения бюро приняло ряд постановлений общеполитического и организационного характера. Прежде всего бюро заявило, что оно «выражает единодушную волю всей краевой партийной организации и беспартийных трудящихся масс края, настаивает на немедленном предании суду

Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Смирнова И.Н., Мрачковского и других организаторов и участников троцкистско-зиновьевского террористического контрреволюционного блока и на применении ко всем им высшей меры наказания — расстрела.

Враги социалистической родины — белогвардейская троцкистско-зиновьевская сволочь, — говорилось в постановлении, — должны быть до конца физически уничтожены»²³.

В этой же связи всем подразделениям крайкома давалось задание «тщательно и своевременно выявлять отдельные факты идеологических шатаний и враждебных вылазок в отдельных звеньях местных организаций, анализируя и разоблачая корни этих явлений». Поручалось также «провести специальное обследование в таких парторганизациях как томская, барнаульская, бийская, ойрот-туринская, каменская и другие (учитывая, что в этих городах находились высланные троцкисты и зиновьевцы)»²⁴.

По всей Сибири началась кампания арестов бывших оппозиционеров, причем в гораздо больших масштабах, чем в предыдущие периоды.

7 августа 1936 года НКВД арестовало М.С. Богуславского — начальника строительства и директора завода № 153 (нынешний завод им. Чкалова) в Новосибирске²⁵.

Были также арестованы управляющий крупнейшего в стране Анжеро-Судженского рудника А.А. Шестов, начальник Локомотивстроя В.К. Карлсберг, директора совхозов М.М. Кудряшов и А.И. Марков, партизанский предводитель В.П. Шемелев-Лубков, начальник Красноярской железной дороги А.К. Мирский.

Особенно много арестов было на Кемеровском Комбинатстрое после того как в тюремной камере оказался Яков Дробнис, один из руководителей ККС. НКВД арестовало в Кемерово всех его близких, друзей, жену. Для большинства работников этого огромного предприятия вольное или невольное общение с Дробнисом имело роковое значение.

В октябре 1936-го только по одному «троцкистскому делу» в УНКВД в Новосибирске допрашивалось 166 человек, вклю-

чая Муралова, Богуславского, Дробниса, Сумецкого, Ходорозе, Оберталлера, Эйдмана, Житкова и других²⁶.

В Иркутске арестовали большую группу известных в прошлом троцкистов во главе с Н.И. Уфимцевым и И.А. Бялым, а с ними — многих хозяйственных и советских работников²⁷.

Опального «правого» Н.А. Угланова арестовали с группой его коллег в Тобольске, в управлении Обьрыбтреста²⁸.

Всякая более или менее значительная фигура непременно объединяла вокруг себя большое количество сослуживцев, знакомых, друзей, родных и тащила их за собой в пропасть.

«Троцкистское охвостье» разоблачалось в каждой ячейке партии и госаппарата. В учреждениях и на предприятиях шли бурные собрания с выяснением политического лица того или иного «троцкиста», когда-то голосовавшего «не так» или имевшего связи с «разоблаченными врагами», каждому подозреваемому приходилось выворачивать наизнанку свое прошлое перед сослуживцами и приносить раскаяния за «ошибки».

До сих пор однако никто из троцкистов не сознавался в совершении вредительских действий по подрыву советской экономики или в том, что сознательно готовились и осуществлялись убийства рабочих на предприятиях. Впервые это было продемонстрировано на Кемеровском процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советская Сибирь. 1934. 8 декабря.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 64–66.

³ ПАКО, ф. 74, оп. 2, д. 60, л. 16–17.

⁴ Там же, л. 25.

⁵ Советская Сибирь. 1935. 22 января.

⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 648, л. 75.

⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 99.

⁸ Там же. № 7. С. 85.

⁹ ПАКК, ф. 26, оп. 1, л. 91, л. 31.

¹⁰ Там же, л. 37, л. 10.

¹¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 3205, л. 53–54.

¹² ПАНО, ф. 3, оп. 9, д. 73, л. 1.

¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 3205, л. 42.

¹⁴ ПАКК, ф. 26, оп. 1, д. 246, л. 24.

¹⁵ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 784, л. 16–17.

¹⁶ Сведения взяты из архива ФСБ по Новосибирской области, д. 8437.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Байтальский М. Троцкисты на Колыме // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М.: Прогресс; Феникс, 1990. С. 346.

¹⁹ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 8437, т. 3.

²⁰ Там же, д. 4087, т. 3.

²¹ Там же, д. 8437, т. 3.

²² Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 111.

²³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 3235, л. 74.

²⁴ Там же, л. 74об.

²⁵ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 8437, т. 3.

²⁶ Там же, д. 14535.

²⁷ Архив ФСБ по Иркутской области, д. 10576, 1527.

²⁸ ПАОО, ф. 17, оп. 2, д. 246, л. 103–105.

2. КЕМЕРОВСКИЙ ПРОЦЕСС

23 сентября 1936 года на шахте «Центральная» Кемеровского горнорудного района во время работы произошел мощный взрыв метана. Последствия были трагические: 9 подземных рабочих погибло, 15 доставили в больницу в тяжелом состоянии. Через несколько дней от полученных ран скончался еще один шахтер.

Подобные катастрофы происходили в Сибири и раньше и даже с еще большими человеческими жертвами. Так, 10 февраля 1931 года в результате взрыва угольной пыли на шахте № 8 Хакасского управления погибла почти вся смена шахтеров, включая забойщиков-заключенных, всего — 117 человек. 12 получили тяжелые ранения. Из-за огромных разрушений, вызванных взрывом, 15 рабочих в те дни так и не удалось отыскать¹. Но об этой, вероятно, самой крупной промышленной катастрофе в истории Сибири общественность тогда не была

даже проинформирована. Ничего не сообщалось и о суде над виновниками трагедии.

На этот раз все обстояло совершенно иначе. Сентябрьский взрыв 1936 года имел особое значение. Он оказался тем своевременным событием, вокруг которого Сталин и НКВД смогли устроить шумное политическое зрелище в виде открытого судебного процесса с разоблачением «диверсионно-вредительской деятельности троцкистов».

В тот же день, когда произошла кемеровская трагедия, бюро крайкома партии назначило комиссию для расследования причин аварии. В комиссию вошли: председатель Кемеровского горсовета А.А. Токарев, начальник горотдела НКВД Врублевский, секретарь горкома Д.Т. Якушин, два специалиста — И.Я. Фельбербаум, Б.Ф. Гриндлер и еще два человека.

Пока комиссия занималась изучением всех обстоятельств аварии, работники НКВД успели провести серию арестов. Были арестованы руководители шахты «Центральная» и кемеровского рудника инженеры: И.И. Носков, Н.С. Леоненко, И.Е. Коваленко, М.И. Куров, В.М. Андреев, И.Т. Ляшенко. Их доставили в Новосибирскую внутреннюю тюрьму УНКВД.

Вскоре сюда же был помещен бывший «шахтинец», главный инженер Кемеровского рудоуправления И.А. Пешехонов, которого арестовали во время отпуска на ялтинском курорте.

Следствие по «делу» инженеров возглавили начальник краевого управления НКВД старший майор госбезопасности В.М. Курский и его заместитель А.И. Успенский. Допросы вели работники 3-го (экономического), 4-го (секретно-политического) и 6-го (транспортного) отделов УНКВД — Д.Д. Гречухин, А.А. Яралянц, М.О. Голубчик, И.Я. Бочаров, К.К. Пастаногов, А.В. Кузнецов, А.А. Ягодкин, Г.М. Вяткин, А.П. Невский, А.Н. Барковский и некоторые другие.

К тому времени официальная комиссия уже закончила свое расследование. 28 сентября она представила Кемеровскому горкому специальный доклад, по которому было вынесено постановление, больше похожее на приговор. Оно гласило: «...взрыв 23/IX — 36 года является результатом вредительской, диверсионной деятельности лиц из специалистов, работавших на Центральной шахте (Куров, Пешехонов, Коваленко, Лео-

ненко, Ляшенко). Эта контрреволюционная группа в своей вредительской работе поставила целью вывести главную шахту рудника из строя, сорвать выполнение плана угледобычи и подготовительных работ»².

В списке комиссии крайкома, однако, не было фамилий Андреева и Носкова, несмотря на то, что оба в это время уже сидели под арестом с остальными инженерами. Не было также и двух других имен из последующего списка обвиняемых — Ф.И. Шубина, арестованного еще до кемеровского взрыва (26 августа), и немецкого инженера Э.И. Штиклинга, которого арестовали значительно позже остальных — 3 ноября 1936 года³. И тот и другой появились в общей схеме вредительства лишь после того, как из Москвы поступило требование готовить открытый судебный процесс.

Стоит заметить, что с самого начала состав «вредителей» подбирался на основе различных комбинаций. Первоначально в официальном списке лиц, которых следовало «безусловно привлечь к ответственности», стояла фамилия управляющего рудником И.И. Черных⁴. Но Черных не был арестован и в начале 1937 года он все еще оставался на своем посту⁵. Зато в дело оказались вовлеченными те, кто (как Штиклинг) давно уже находились далеко от места случившейся аварии или сидели в тюрьме.

В октябре и ноябре в НКВД шла интенсивная подготовка инженеров к политическому спектаклю. Трудность заключалась в том, что никто из обвиняемых, за исключением Шубина, никогда не имел сношений с оппозицией и, следовательно, не мог представлять ее в суде. Но Шубин был слишком мелкой фигурой, чтобы «завербовать» других и «возглавить» «диверсии». До ареста он занимал небольшую должность начальника участка на шахте. Тогда решено было сделать «руководителем троцкистской части группы» управляющего шахтой Носкова, а «членами» — Шубина и Курова.

Другую часть группы, по сценарию НКВД, должны были составить «фашисты» во главе с Пешехоновым, якобы действовавшие по заданиям германской разведки, олицетворяемую Штиклингом, бывшим главным инженером на кемеровских шахтах «Щегловская» и «Северная» в 1932—1935 гг.

Особенно важное значение на предстоящем процессе придавалось свидетелям обвинения. На роль «свидетелей» были назначены два бывших активных троцкиста — Дробнис и Шестов, а третьим — главный инженер треста Кузбассуголь М.С. Строилов. Каждый из них являлся крупным хозяйственным руководителем, и каждый рассматривался в качестве «идейного вдохновителя» и «организатора» вредительства. Суд должен был подтвердить это, чтобы через несколько месяцев этих троих представить такими же обвиняемыми на московском процессе по делу Пятакова, Радека, Муралова.

Судя по времени, прошедшему с момента ареста подсудимых, следствие продвигалось довольно быстро. Показания арестованных инженеров прибавлялись от одного допроса к другому, но для нас останется неизвестным, какой ценой добывались эти показания. Сохранилось лишь одно свидетельство инженера Коваленко, составленное им после суда, из которого видно как разговаривали следователи с ним самим.

В заявлении наркому юстиции СССР он пишет :

«...я был поражен той обстановкой, в которой я очутился на следствии, не говоря уже о том ужасном, ничем не обоснованном обвинении, которое мне предъявили...

С первого же дня допроса на меня обрушились потоки незаслуженных оскорблений, угроз как по моему, так и по адресу моих родителей (немедленное выселение их из квартиры без предупреждения). Все мои правдивые показания отвергались, как ложные, и о них даже не желали слушать, требуя категорически признать себя контрреволюционером. Мне показывали показания других обвиняемых нашего дела (явно для меня клеветнические и неправдивые), как образец чистосердечного признания...

Меня предупредили, что упорства мои бесполезны и все равно я буду осужден за вредительство с худшими для меня последствиями, чем у остальных «сознавшихся» обвиняемых, так как судить будет суд в составе, как выразился следователь, «наших же работников». Не обладая достаточно крепкой нервной системой, принимая слова следователя за чистую монету,

я пришел в состояние полной деморализованности и отсутствия воли... и был вынужден подчиниться всем требованиям следователя. Я признал себя участником несуществовавшей в действительности контрреволюционной организации, стал клеветать на себя, подтверждать клевету других, извращать факты...

Мне трудно было все это выдумывать, кое-как сочинял, но все это записывалось, как чистосердечное признание. В дальнейшем мне помогли — мне оставалось лишь подписать готовые протоколы, заверить их и подтвердить все это на суде, что я сделал со всей добросовестностью...»⁶.

К концу следствия НКВД имело трех из девяти обвиняемых, сломленных полностью и готовых давать на суде любые показания. Согласие на сотрудничество с обвинением было получено от Леоненко, Коваленко и Штиклинга. От других обвиняемых также удалось добиться признательных показаний и самооговоров, на которых полностью строилось обвинительное заключение.

Когда все принципиальные вопросы с обвиняемыми были решены, из Москвы прибыли члены суда, прокурор и защитники.

19 ноября 1936 года в 11 часов утра началось первое заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха и при членах коллегии Н.М. Рычкове и Я.Я. Рутмане. Государственное обвинение поддерживал заместитель прокурора СССР Г.К. Рогинский.

Места для публики заполнили работники НКВД и партийного аппарата, делегаты проходившего в это время Третьего краевого съезда советов, представители прессы, стахановцы, многочисленные делегации городов и угольных районов Кузбасса. Прежде чем попасть в зал заседания суда, рабочим пришлось пройти строгий идеологический отбор. На каждого из них парткомы предварительно представили характеристики, затем в крайкоме утвердили кандидатуры допущенных на суд.

После того, как было зачитано обвинительное заключение и все обвиняемые тут же признали себя виновными, началось «судебное расследование».

Первым давал показания бригадир — стахановец шахты «Центральная» Поцелуенко. Он подробно рассказал о том, что обвиняемые, бывшие руководители шахты, «саботировали стахановское движение, ставили стахановцев в невыносимые производственные условия, чтобы вызвать у них недовольство». Шахтеров, говорил рабочий, заставляли работать в загазованных условиях, вследствие этого некоторые угорали и отравлялись.

Аналогичные «показания» дали два других свидетеля — рабочий Чекалин и горно-технический инспектор Шуванов⁷.

Затем прокурор Рогинский приступил к допросам подсудимых и главных свидетелей — Шестова, Дробниса, Строилова. Первые двое довольно односложно давали показания о своей «вредительской деятельности», фактически повторяя лишь то, что было уже отражено в протоколах допросов предварительного следствия.

Обратимся вновь к письму-раскаянию Коваленко.

— Мог ли я отказаться от своих показаний на суде? — писал он в 1937 году. — Такая мысль у меня появилась, но я не осмелился этого сделать. Видя с очевидностью пристрастность ведения следствия, когда такие лица, как вентиляционный десятник (который, кстати говоря, тоже был арестован) и запальщик, по вине которого произошел сам взрыв, не были не только привлечены к ответственности, но даже не были допущены в качестве свидетелей. (...)

Видя как остальные подтверждали явно неправдивые показания, я пошел по тому же пути, всецело ориентируясь на прокурора, стараясь ни в чем ему не перечить и подтверждать все его обвинения, вплоть до признания себя убийцей невинных людей⁸.

Обширные показания дали Шестов и Дробнис. Они рассказали о существовании «Западно-Сибирского троцкистского центра», о деятельности его различных групп, подробно изложили сведения о собственной роли в организации вредительства⁹.

Когда очередь дошла до опроса Строилова, у прокурора появились проблемы. Показания этого свидетеля стали разрушать одну из главных конструкций следствия — обвинение в

сознательном убийстве рабочих. Инженер Строилов, талантливый изобретатель и организатор производства, держался, по видимому, достойнее и мужественнее всех остальных участников процесса. Он решительно отверг многие обвинения, предъявленные ему Рогинским, и опроверг ряд фальшивых заявлений подсудимых. Когда прокурор потребовал подтвердить высказывание Андреева о том, что распоряжения Строилова «ставили шахту все время под угрозу взрыва», он спросил у Строилова:

— Вы слышали, свидетель?

Строилов: — Слышал.

Рогинский: — Это входило в тот план, который был вами дан Андрееву?

Строилов: — Я еще раз твердо повторяю — никогда мною не давалось заданий на специальное загазование и полное разрушение вентиляции.

Дальнейший их диалог продолжался в том же духе:

Рогинский: — Следовательно, если Пешехонов и Андреев нам показывали, что все вредительские действия, которые они совершали, они совершали исключительно и только по поручению, по заданию Строилова, то это неверно?

Строилов: — Сообщения о том, что сейчас говорит Андреев, я не слышал.

Рогинский: — А задания такие вы давали?

Строилов: — Специально по загазованию — нет.

Прокурор попытался еще дважды заставить Строилова признаться в том, что тот давал указания отравлять шахтеров. Но опять получил твердый отпор:

Строилов: — Я повторяю, заданий и мыслей об убийстве рабочих у меня никогда не было и таких заданий мною не давалось¹⁰.

Из показаний Строилова почти ничего выяснить не удалось, и в них не подтвердились некоторые свидетельства обвиняемых.

Следует также заметить, что в то время, когда М.С. Строилов уже находился в следственной камере НКВД, сибирские газеты продолжали сообщать о массовом внедрении его замечательного изобретения — агрегата для посадки лав, который

«до минимума сокращает число людей, занятых на производстве обрушения, в связи с чем резко возрастает производительность рабочего по лаве»¹¹.

Специальное закрытое заседание суд посвятил заслушиванию показаний германского подданного обвиняемого Штиклинга. Эмиль Иванович Штиклинг, как его называли в СССР, приехал из Германии в 1930 году. Первое время он работал штейгером в Соликамске, на калийных шахтах. Затем переехал в Сибирь, где получил место горного инженера на шахте в Ленинске, а потом в Кемерово. Его карьера в Сибири, возможно, продолжалась бы и дальше, но в тот период, когда он уже занимал должность инженера-проектировщика в тресте «Запсибзолото», был арестован. Во время следствия Штиклинг объяснил, что не смог покинуть СССР по одной причине: его жена была еврейка.

Следователи НКВД полностью сломали немецкого инженера и превратили его в марионетку. На допросах Штиклинг подписывал фантастические протоколы. За это в кабинете следователя Голубчика его угощали обедами. Он также получал свидания с женой и дочерью¹².

Теперь, на специальном заседании 20 ноября, Штиклинг стал очень подробно рассказывать о причастности к актам вредительства германского консульства в Новосибирске, включая самого консула Гросскопфа и его секретаря Кестинга. Он изъяснялся с сильным акцентом и этим производил дополнительное впечатление на слушателей своими разоблачениями. Штиклинг уверял суд, что от консула он получил задание связаться с русскими инженерами, чтобы уговорить их срывать угледобычу и разрушать шахтное хозяйство. Сначала Штиклинг говорил, отвечая на вопросы суда, но затем стал рассказывать о шпионских заданиях гестапо уже без всяких вопросов, самостоятельно дополняя свои показания. В результате им была создана жуткая картина шпионских связей работников Кузбасса с разведывательными службами фашистской Германии.

На следующий день выступал обвинитель Рогинский¹³. Его речь строилась исключительно на тех показаниях, которые накануне были озвучены самими обвиняемыми. Никаких новых

фактов или доказательств она не содержала. Часть прокурорского выступления посвящалась пересказу и комментированию свидетельских показаний Дробниса и Шестова, наиболее ценных для разоблачения «Западно-Сибирского подпольного троцкистского центра» и его «связей» с Пятаковым, Смирновым и сыном Троцкого — Львом Седовым.

Затем прокурор перешел к характеристике каждого обвиняемого и целей их объединения в единую вредительскую организацию. Главная цель настоящей контрреволюционной организации, сказал Рогинский, — «это свержение советской власти и реставрация в СССР капитализма, восстановление эксплуатации, восстановление частной собственности. Именно для этого были совершены все взрывы, все перепуски пожаров на руднике, именно для этого была организована гибель десятков рабочих-шахтеров».

Подражая Вышинскому, Рогинский уделил внимание также юридической стороне настоящего процесса. Он коснулся вопроса доказательности своих обвинений. В связи с этим он сказал:

«Я кладу в основу обвинения незыблемо установленные факты. Мы имеем здесь собственное признание. Надо сказать, что собственное признание подсудимых в отдельных случаях может освободить нас от обязанностей проводить судебное исследование других доказательств по делу. Такая возможность предусмотрена нашим законом. Статья 282 уголовно-процессуального кодекса дает суду право, при наличии признания подсудимых, если нет основания, нет надобности для проверки правильности признания, отказаться от дальнейшего исследования дела. В данном случае у нас нет никаких оснований брать под какое бы то ни было сомнение правильность признания своей вины подсудимыми»¹⁴.

Под бурные аплодисменты присутствующих Рогинский потребовал расстрелять всех обвиняемых.

В заключительный день суда слово дали адвокатам. Речь защитника Бялковского отличалась особой претенциозностью и потому была по-своему любопытной. Бялковский стал распространяться о «задачах советского защитника», о том, «каким должен быть защитник». При этом он постоянно ссы-

лался на оценки Вышинского, «одного из лучших теоретиков молодого советского права». Он заверил слушателей, что «сталинская забота» о человеке обеспечивает помощь на суде даже тому, кто «вступил в конфликт с государством, с классом, с обществом».

«...Он [Вышинский] говорит, что защитник должен быть энергичным. Он должен энергично бороться за законные права своего подзащитного, он должен драться за их законные права, драться смело и мужественно, драться, стиснув зубы и засучив рукава, драться так как может драться наша доблестная Красная Армия, драться так, как будут драться, в случае надобности, все партийные и непартийные большевики...»¹⁵.

Однако через несколько минут защитнику пришлось пожалеть о сказанном.

Слово опять попросил Рогинский, на этот раз для того, чтобы публично отчитать адвоката за «явно недопустимые политические положения». Прокурор заявил:

«Защитник Бялковский, защищая отъявленных врагов пролетарского государства, взял на себя смелость в защиту этих негодяев сослаться на речь тов. Сталина о кадрах, взял на себя смелость заявить, — я дословно записал, — что сталинская забота о человеке распространяется даже на тех, кто вступил в конфликт с пролетарским государством. Следовательно, вы смеете утверждать, что слова тов. Сталина о кадрах, о людях, о заботе в отношении человека должны быть распространены и на тех, кто сидит здесь на скамье. Большого цинизма, большего опошления трудно уже себе представить. Как можно допускать такого рода формулировки и такого рода выступления? Выступать в суде — дело чрезвычайно ответственное, надо взвешивать каждое слово. Выступая с трибуны и ссылаясь на выступления, на высказывания, на учение нашего вождя тов. Сталина, надо быть во сто крат более ответственным, чем вы выступаете вообще. Вот почему я не мог оставить без ответа такое положение, которое было здесь выдвинуто защитником Бялковским. ...

Здесь, на процессе, в отношении чего и каких обстоятельств вы хотите изображать и уподобляться нашей армии?

Это, я думаю, такое же по меньшей мере непродуманное сравнение...

Надо не перехлестывать. Надо оставаться в пределах советского защитника...»¹⁶.

На этом состязание и теоретический спор сторон прекратились. В половине второго ночи 22 ноября, после заслушивания заключительного слова подсудимых, суд удалился на совещание. В полдень был зачитан обвинительный приговор. Он гласил: считая обвинение доказанным, всех подсудимых расстрелять.

Спектакль закончился. Его организаторы отмечали свой полный успех, а 9 инженеров вернулись в тюремные камеры с надеждой получить помилование за покорное поведение во время суда. Каждый сыграл свою роль и, подавая прошение в ЦИК СССР, мог рассчитывать на снисхождение властей. Но помилование ожидало только троих — Коваленко, Леоненко и Штиклинга. Высшая мера наказания им была заменена 10-ю годами тюремного заключения. В отношении остальных смертный приговор был оставлен без изменения и вскоре приведен в исполнение¹⁷.

Жизнь помилованных тоже продолжалась недолго. После объявления нового приговора Коваленко и Леоненко были перевезены в Челябинскую тюрьму Главного управления госбезопасности. 4 ноября 1937 года «тройка» УНКВД осудила их к «высшей мере» за «дискредитацию судебных процессов» и попытки «убеждать других заключенных, что кемеровский процесс дутый, вымышленный». В этот же день их расстреляли¹⁸.

Немецкий инженер Штиклинг был единственным из осужденных, кто оставался в живых после 1937 года. Из Новосибирска он был доставлен в Москву, в Бутырскую тюрьму, для участия в подготовке январского процесса по «делу троцкистского центра» (Пятакова, Радека, Муралова). Здесь он получил заверение руководства НКВД, переданное ему майором Успенским, что после окончания «процесса Пятакова» он получит освобождение и сможет поехать на Кавказ, в Чатуру, к новому месту работы¹⁹.

Но это обещание выполнено не было. Вместо освобождения Штиклинга заключили в одиночную камеру Златоустовской тюрьмы и продержали там до июля 1939 года, а затем перевели в Соловецкую тюрьму. В декабре 1939-го по постановлению пленума Верховного Суда СССР ему заменили тюремное заключение на высылку за пределы СССР. Дальнейшая судьба его неизвестна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 141, л. 14—20.
- ² ПАКО, ф. 15, оп. 7, д. 164, л. 46.
- ³ Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469.
- ⁴ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 221, л. 82.
- ⁵ См.: Советская Сибирь. 1937. 9 февраля.
- ⁶ Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469.
- ⁷ Советская Сибирь. 1936. 20 ноября.
- ⁸ Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469.
- ⁹ Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469. Стенографический протокол судебного заседания Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу № 0076 от 19—22 ноября 1936 года.
- ¹⁰ Там же. Заседание 20 ноября 1936 года, л. 351.
- ¹¹ За уголь (Осиновский рудник). 1936. 9 сентября, 24 сентября. О посадочных машинах системы инженера Строилова писали также: Советская Сибирь. 1936. 3 февраля, 20 мая; Уголь Кузбасса. 1936. № 2 (86). С. 45.
- ¹² Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469, л. 354.
- ¹³ Обработанную стенограмму речи обвинителя см.: Социалистическая законность. 1936. № 12. С. 38—50.
- ¹⁴ Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469. Заседание 21 ноября 1936 года, л. 180.
- ¹⁵ Там же. Заседание 22 ноября 1936 года.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ За уголь (Осинники). 30 ноября. 1936 года.
- ¹⁸ Архив ФСБ по Кемеровской области, д. 5469, л. 24, 35, 36.
- ¹⁹ Там же, л. 5469, № 1988, л. 30.

ГЛАВА V. АПОГЕЙ ТЕРРОРА

1. НАКАНУНЕ

Несколько лет, пережитых партией в условиях террора, были для нее периодом тяжелых потрясений. Партия почти полностью изменилась. Часть старых кадров исчезла в ссылках, лагерях и политизоляторах, другая часть — покорилась и приспособилась к новому режиму, признав за ним «историческую правоту». Основные руководящие посты занял слой волевых и расчетливых коммунистов-администраторов, выросших в ходе суровой внутривнутрипартийной борьбы и коллективизации. В марте 1937 года на совещании руководящих работников Новосибирска Эйхе подводил итоги произошедших перемен:

«Исключенных из партии за все годы у нас очень много. Если взять по Западно-Сибирскому краю, то сейчас у нас членов партии и кандидатов 44 тысячи, а исключенных и выбывших с 1926 года — 93 тысячи человек. Как видите, в два раза больше, чем членов партии. На ряде предприятий это создает сложное положение»¹.

Цифры, приведенные Эйхе, отражали ту очевидную истину, что в борьбе за «генеральную линию» партия не была до конца послушным средством в руках сталинцев. Ее систематически приходилось чистить и перестраивать, освобождаться от «неустойчивых» и колеблющихся. Но и теперь, когда жестокими способами из нее были удалены даже самые тихие, давно смирившиеся со своим поражением бывшие оппозиционеры и «уклонисты», изгнаны «пассивные» и колеблющиеся, партия не считалась абсолютно надежной опорой. Враги были повержены и рассеяны, но сохранились многие невидимые нити,

связывавшие их с партией. Оставались те, кто работал и сотрудничал с ними, поддерживал житейские контакты, имел общих друзей или знакомых. В предстоящей кампании террора 1937—1938 годов это обстоятельство превратится в один из главных мотивов обвинений многих тысяч членов партии и беспартийных. Громадная акция уничтожения людей различных общественных слоев и взглядов, осуществленная Сталиным в течение последующих двух лет, несравнима ни с какой другой кампанией предшествующих периодов. Это было нечто совершенно новое. Особенность заключалась в том, что террор из отдельных акций вылился в цепь непрерывных действий карательной машины с целями, часто непонятными для большинства самих жертв. Резко увеличилось число арестов. Картина террора стала необычайно пестрой. Теперь тень подозрения могла упасть на кого угодно, и любой советский гражданин, независимо от общественного положения, являлся потенциальным кандидатом на получение «вышей меры».

Масштабы новой фазы террора, известные нам теперь достаточно полно, чтобы делать обоснованные оценки, свидетельствовали о существовании далеко идущего преступного замысла, содержание которого значительно превышало понятное желание сталинцев уничтожить всякие ростки неповиновения на этажах управления и в обществе. Изменение направлений и способов нанесения террористических ударов мощью государственной машины, выбор новых объектов изъятия, а также размеры репрессивной акции указывают на то, что в 1937—1938 годах была предпринята попытка резко изменить социальную структуру в стране и таким образом завершить цикл начатых в конце 20-х — начале 30-х годов глобальных преобразований. Замышлявшаяся операция массированного уничтожения части общества представлялась ее организаторам как последняя фаза чистки, за которой открывался «настоящий социализм», новое качество общества — без «враждебных элементов», «социальных паразитов» и потенциальных противников партии.

В 1937 году для режима Сталина наступал очень ответственный момент: после принятия новой Конституции готовилось проведение всеобщих выборов в представительные орга-

ны власти. Тем самым подводился своеобразный итог всего цикла советских преобразований, начиная с 1917 года. Партии предстояло предъявить результаты достигнутого за десятилетия — «победивший социализм», в котором нет больше никаких «враждебных» классов и групп старого мира. Следовательно, то, что провозглашалось в качестве партийной цели, должно было получить какое-то выражение в реальной политике. Конституция и выборы — с одной стороны, террор — с другой преследовали, таким образом, одну и ту же цель. Они должны были одновременно закрепить и оформить новое состояние советского общества.

Несомненно и то, что в условиях террора Сталин решал также собственные политические задачи. Расправа с неудобными общественными элементами, включая и саму партию, укрепляла его личное господство. Она несла с собой новый тип консолидации общества, такой консолидации, в основе которой лежало поклонение и беспрекословное подчинение Сталину, как единственному олицетворению мудрости и силы.

Если смотреть на развитие террора через призму событий, происходивших в глубине страны, в Сибири, станет заметным еще один немаловажный аспект кампании массовых чисток. Он имел прямое отношение к экономической ситуации тех лет. Речь идет о том, что состояние экономики оставалось наиболее уязвимым местом в сталинской системе. Любая отрасль государственного хозяйства предоставляла безграничное поле для критики. В течение нескольких лет партия и ОГПУ—НКВД методично истребляли «вредителей», но результаты не оправдали ожиданий. На заводах и шахтах по-прежнему происходили массовые аварии и остановки производства, гибли рабочие. Выпуск бракованной продукции был скорее нормой, чем исключением и часто перечеркивал трудовые усилия целых коллективов. Особенно болезненно отражались на экономике провалы в работе транспорта. В 1935 и начале 1936 года Томская железная дорога представляла собой очаг непрерывных катастроф и заторов. Только из-за неисправности пути здесь ежедневно происходило до 10 аварий и крушений. Депо были забиты расстроеными паровозами, коммерческая ско-

рость поездов упала до 9 км/ч, а на новосибирском участке доходила до 2 км/ч. 250 составов были брошены на путях².

Развитие угольной промышленности протекало в условиях аналогичных описываемым. На шахтах Кузбасса в результате бесчисленных аварий в 1935 году погибло 167 рабочих, на следующий год — еще 162³. Из-за высокой аварийности и вызванных этим остановок производства здесь ежегодно терялось свыше полумиллиона тонн угля.

Такую же картину можно было обнаружить на любом участке экономической жизни.

Партия предпринимала огромные административные усилия, чтобы поддерживать созданный ею хозяйственный строй. На всех уровнях положение контролировалось парткомами, специальными инспекциями или парткомиссиями. Действовали институты уполномоченных и политотделов с чрезвычайными правами. Но и при всем этом провалы в экономике и производственные катастрофы оказывались неизбежны. Оставалось таким образом последнее средство, которым сталинцы давно владели и могли пустить в ход при необходимости, — насилие и угроза его применения.

С начала 1937 года это средство стало распространяться в стране с быстротой эпидемии. С подачи Сталина и его чекистско-пропагандистского аппарата началась всеобщая кампания «борьбы с вредительством», как часть задуманной глобальной чистки в партии, государстве и обществе. Вредительством могло быть объявлено все что угодно: обычная халатность в работе и производственный брак, поломка оборудования, приписки, опечатки в газете, идеологические «ошибки», высказанные на школьном уроке или в вузовской аудитории.

По сути дела, заменив одно понятие другим и начав охоту на «вредителей», сталинцы не внесли в свою политику ничего оригинального. Они просто придали этой кампании универсальный, внеклассовый характер. В начале 30-х годов очень редко «вредителем» мог стать рабочий или член партии. Для подобных обвинений имелись «социально-чуждые». Теперь ни для кого не делалось исключений. В 1937—1938 годах война с «вредителями» стала логическим завершением социальной перестройки. Она выполняла роль традиционного большевист-

ского инструмента преобразований, точно такого как, например, колхозы в деревне. И с этой точки зрения кампания «выявления врагов народа» находила полное оправдание в глазах большинства партийцев и многих беспартийных до тех пор, пока это не касалось их собственной шкуры.

Проблема однако состояла в том, что партия постоянно сопротивлялась. Одно дело — оправдывать аресты коммунистов, но совершенно другое — участвовать в этом лично. Чтобы перейти всякие моральные границы и начать сдавать в НКВД вчерашних товарищей, нужна была серьезная выучка и полная беспринципность. Постепенно Сталину удастся снять эту проблему, введя правило оценки каждого руководителя по количеству разоблаченных врагов. Но в 1936 году партию еще приходилось «воспитывать» с помощью специальных мер.

Большое значение имел личный пример членов высшего руководства.

В январе 1936 года в Сибирь прибыл Каганович. Его, как наркома путей сообщения, интересовала слабая работа Томской железной дороги, из-за которой постоянно нарушались связи с Дальним Востоком, срывались поставки угля и металла из Кузбасса. В сопровождении начальника дороги И.Н. Миронова, начальника политотдела А.Л. Ваньяна и руководителей края Эйхе и Грядинского нарком посетил ряд крупных железнодорожных узлов и станций: Чулым, Новосибирск, Белово, Усыты. Затем вся делегация выехала в Сталинск. Здесь деловая часть высокого визита была дополнена одним незапланированным мероприятием: Кагановича и его спутников пригласили на детскую новогоднюю елку. Как сообщает корреспондент газеты, нарком раздавал детям «коробки с шоколадом, нарядные пакеты с фруктами, сладостями и каждому говорил отеческое ласковое слово». В конце этой идиллической встречи Каганович обратился к родителям детей: «Хорошая елка. Елкой и детсадом мы довольны... Но транспортом у вас я недоволен»⁴.

Недовольство у Кагановича больше всего вызывали специалисты и руководители управления Томской железной дороги, которым положение на транспорте было известно лучше, чем кому-либо. Специалисты не могли предложить чудесных

Л.М. Каганович, Р.И. Эйхе и А.Л. Ваньян
на совещании работников транспорта Сибири

лекарств для лечения болезней большевистской экономики. Они лишь настаивали на том, что по их мнению способно было увеличить грузоперевозки, но требовало от государства определенных затрат. Предлагалось заняться капитальным ремонтом техники, строительством сортировочных горок, дополнительных путей. Каганович поднял бурю. Он объявил, что «аппарат управления дороги засорен лицами, враждебно настроенными к подъему советского железнодорожного транспорта, сознательно подрывающими начавшуюся перестройку и саботирующими выполнение приказов НКПС». Он отдал приказ арестовать «саботажников»⁵.

Как только исполнение приказа перешло в руки НКВД, дело приняло характер огромной акции разоблачения «шпионов» и «вредителей-предельщиков». В управлении дороги были разгромлены службы движения и пути, паровозная и вагонная службы, строительный и экскаваторный тресты. Исчезла значительная часть управленцев и крупных специалистов: Абуашвили, Бойченко, Горшков, Житков, Мариенгоф, Клочков, Ширяев, Рулло, Быстров и масса других⁶. В депо узловых

станций (Новосибирск, Эйхе, Рубцовск, Белово и другие) оперативники НКВД вскрыли «диверсионные троцкистские группы» по 5–9 человек из числа мастеров, бригадиров, машинистов. Бывших работников Китайской Восточной железной дороги арестовали как японских шпионов. В апреле 1937 года, в период работы выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР многих расстреляли.

В 50-е годы, в ходе реабилитации жертв террора, стали известны некоторые дополнительные сведения о последствиях поездки Кагановича в 1936 году. А.И. Успенский, бывший заместитель начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю, показывал, что замначальника ДТО УНКВД Г.М. Вяткин по его заданию сфальсифицировал дело об антисоветской органи-

Р.И. Эйхе и В.М. Курский на демонстрации 7 ноября 1936 г., г. Новосибирск

зации на железнодорожном транспорте. «В результате Вяткиным по делу антисоветской группы на Томской железной дороге было арестовано около тысячи человек.

Курский тогда мне передал похвалу Ежова и заявил, — говорил Успенский, — что опыт работы на Томской железной дороге нужно перенести и на другие железные дороги Сибири»⁷.

В марте 1936 года начальник Томской дороги И.Н. Миронов был снят со своего поста и арестован. Его заменил политработник А.Л. Ваньян, делом которого стала организация яростного уничтожения «вредителей». Ваньян и его заместитель по политчасти Ф.Ф. Степанов перетряхнули все службы и отделения дороги. Только за четыре месяца 1936 года они «вычистили» из своего управления 141 человека, включая 50 «троцкистов»⁸. Когда Ваньян приезжал с Москву, в наркомат путей сообщения, Каганович его спрашивал: «Скажите, сколько еще японских шпионов вы открыли?»⁹.

Через несколько месяцев Ваньян и Степанов тоже были арестованы, а затем расстреляны.

С первых недель 1937 года начался процесс «самоочистки» организаций и предприятий от «классово-чуждых элементов». Занимались этим отделы кадров и прикрепленные к организациям работники НКВД. Были тщательно изучены все карточки и личные дела сотрудников, опрошены многие подозреваемые, у которых выявлялись неясные места в происхождении, прежних занятиях, проживании родителей и родных. Это породило целую волну доносов и откровенного шантажа в отношении неугодных. «Чуждые» исчислялись десятками на каждую крупную организацию и предприятие. В частности, начальник Западно-Сибирского земельного управления Ф. Мачульский сообщал:

С.Н. Миронов

«Приступив к работе в КрайЗУ 7 февраля 1937 года, я начал прежде всего изучать свой аппарат. В результате поверхностного только ознакомления с аппаратом КрайЗУ и его организаций (далеко не всех) я увидел жуткую картину засоренности этого аппарата. Получается такое впечатление, что как будто кто-то занимался специальным подбором классово-чуждых нам людей и расставлял их по управлениям и отделам»¹⁰.

Из 436 работников аппарата Мачульского «классово-чуждыми» оказались 102 человека, то есть четверть, из них — «бывших белогвардейцев» — 47, «судившихся за контрреволюцию» — 11, исключенных из партии как «чуждых» — 9. Все они были изгнаны с работы, некоторых сейчас же арестовали. В число арестованных попали также обвиненные в троцкизме или правом уклоне бывший начальник КрайЗУ Е.В. Фомин и его заместитель П.И. Меер-ченко, руководители отделов и управлений: Булатовши, Братусь, Рейхбаум, Беляев, Матузов, Колпаков, Гриневич, многие другие специалисты.

По этой же схеме вычищалось каждое предприятие и учреждение. То, что в этот период делалось руками партийных руководителей и активистов, разумеется, не шло в сравнение с тайными акциями НКВД. Агенты Ежова, повсеместно принимавшие теперь посты от людей Ягоды, знали лучше своих предшественников, что от них требуется. У них был уже другой опыт и другой политический нюх.

После «Кемеровского процесса» оперативниками НКВД Западно-Сибирского края было негласно проведено выселение всех иностранных специалистов из Кузбасса.

В Томске арестовали «меньшевистский комитет» из работников типографий и редакций газет. Сообщалось, что «по этому делу взят богатый архив меньшевистских — сибирской, ленинградской и московской — организаций с журналами до 1926 года и перепиской, относящейся до момента ареста. Взята подпольная типография, инструмент для штампов и килограмм десять каучука, обнаруженные под полом и в различных местах в разобранном виде у отдельных участников организации»¹¹.

Одновременно с этим началась «разработка» двух новых крупных ветвей «заговорщиков» — немцев и «эсеровской партии». УНКВД арестовало несколько «лидеров» и по выбитым показаниям стало готовить массовые списки для последующих изъятий.

В то же время прошли и аресты некоторых высокопоставленных коммунистов — членов крайкома и крайисполкома: директора Барнаульского меланжевого комбината М.С. Гольдберга, руководителей крайплана Я.Ю. Харита и С.М. Эдельмана. Из биографии каждого из них были извлечены на свет «связи с врагами партии» — Бухариным или Троцким, «притупление бдительности» и еще ряд «политических ошибок». Прежний партийный иммунитет таял на глазах.

Уже к началу 1937 года общий политический фон, на котором происходило развитие террора, был достаточно благоприятным для того, чтобы заместники Сталина могли проявлять инициативу по уничтожению части самой партии. Но действовали пока немногие.

Руководитель Красноярского края П.Д. Акулинушкин явно проявлял сдержанность. После разоблачительной волны, поднятой закрытым письмом ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года, он, как и другие секретари обкомов, без колебаний расправился с десятками «троцкистских последышей», передав их в руки НКВД. Но после этого, насколько об этом можно судить, он не стремился раздувать искусственные обвинения на политической почве. Подобной линии поведения, по-видимому, придерживался также секретарь Восточно-Сибирского крайкома — М.О. Разумов.

Совершенно по-другому проявлял себя Эйхе. В партийной иерархии Эйхе стоял на голову выше своих коллег. Он уже был кандидатом в члены Политбюро ЦК и, безусловно, знал и понимал значительно больше других. Кроме того, по ряду причин, в немалой степени связанных с его собственной ролью, Эйхе оказался в эпицентре многих важных политических разоблачений, главными из которых были «Кемеровский процесс» и «дело сибирского троцкистского центра».

Понять мотивы поведения Эйхе невозможно, если не признать, что дело организации террора было для него совершен-

но честным, осознанным партийным поступком. По всем признакам он искренне верил в то, что внушал партии Сталин и что приходилось повторять самому: «В той организации или на том предприятии, где начинается конвейер неполадок, пробелов, там прежде всего смотри и ищи врага. Наша мощь, наши кадры гарантируют нам успешную работу на любом участке. Если этого нет, значит здесь окопался враг»¹².

В январе 1937 года Эйхе организовал нечто вроде карательной экспедиции в промышленные районы Сибири. Маршрут пролегал через районы Кузбасса, где, по заявлению Эйхе, находился «центр внимания троцкистских диверсантов».

7–9 января секретарь крайкома изучал работу Кузнецкого металлургического комбината вместе с его новым директором К.И. Бутенко. По-видимому, это была тщательная проверка, поскольку на нее ушло три дня. Об ее итогах Бутенко сообщал, что «при непосредственной помощи товарища Эйхе и соответствующих органов» удалось выудить на заводе врагов народа, ранее никем не замеченных¹³.

Затем Эйхе заехал в Ленинск-Кузнецк и здесь на заседании горкома разоблачил управляющего одной из крупнейших шахт Кузбасса Р.С. Шахновича как «троцкистского диверсанта». Обвинение гласило, что Шахнович «еще в 1933 году был связан с контрреволюционерами-троцкистами», в настоящий же период его шахта «сорвала выполнение годового плана угледобычи»¹⁴.

Через два дня, уже находясь в Кемерово, Эйхе исключил из партии и отдал под арест начальника строительства коксохимкомбината Е.С. Бирюкова, у которого были «давние связи с Дробнисом»¹⁵.

Потом пришла очередь секретаря Беловского горкома партии Я.Я. Гусева. Поводом для его исключения и ареста Эйхе посчитал «покровительство троцкисту-двурушнику вредителю Леонову», руководителю цинкового завода, арестованному в 1936 году¹⁶.

Твердая убежденность старого большевика Эйхе в том, что существует некий заговор «вредителей» и «троцкистов», который стоит только ликвидировать, и дело наладится само собой, по-видимому разделялась многими партийцами подоб-

ного склада. Сам Эйхе так учил подчиненных «обобщать факты и подходить к их оценке с принципиальной стороны»:

«Возьмите новосибирский водопровод. Каждому из вас известно, как часто новосибирский водопровод работает с перебоями. А недавно был случай, когда город фактически двое суток лишним суток не получал воды. (...)»

Когда мы запросили товарищей, которые этим делом должны заниматься, о причинах плохой работы водопровода, нам вначале прислали кучу бумажек с общими объяснениями. Я просил объяснить более обстоятельно. Объяснили раз, объяснили два. Непонятно. Объяснили третий раз. Тоже непонятно. Непонятно потому, что люди во всем видят только общие причины, а не желают как следует вникнуть в дело. С ними получалось так же, как с тем педагогом, о котором недавно писали в «Крокодиле». Этот горе-педагог, жалуясь, что у него очень неспособные ученики, говорил: «Я им объясняю раз. Не поняли. Объясняю другой раз. Не поняли. Объясняю третий раз — сам понял, а они не понимают.» (Смех в зале)

Мне кажется, что и наши объяснители, только объясняя в третий раз, сами, наконец, поняли, что они ничего не знают.

Когда поглубже вникли в дело, то оказалось, что на водопроводе окопались заклятые враги. И, конечно, они всячески пытались дезорганизовать такое важнейшее предприятие, как водопровод»¹⁷.

Конечно, наместники типа Эйхе, владевшие огромными областями страны на правах полных хозяев, были не единственными режиссерами и исполнителями террора в своих вотчинах. Рядом с ними, но в то же время оставаясь как бы в тени, стояли люди иных характеров и иной закалки, для которых истребление врагов партии сделалось уже постоянной обязанностью. Это были деятели НКВД — хладнокровные и решительные профессионалы, привыкшие ценить не убеждения, а силу власти и тайных приказов.

В конце 1936 года Сталин и Ежов произвели важную кадровую перестановку в органах НКВД Сибири. В течение последних месяцев были заменены начальники трех управлений — Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Красноярского краев.

А.И. Успенский

В Новосибирске начальником УНКВД вместо В.М. Курского стал старший майор госбезопасности С.Н. Миронов (Кроль). Это был характерный тип работника НКВД, сделавшего чекистскую карьеру на темных операциях в Красной Армии в годы гражданской войны. В начале 30-х годов он входил в состав управления ОГПУ Казахстана, а затем командовал управлением НКВД в Днепропетровской области. Заместителями Миронова в Западной Сибири были назначены А.И. Успенский и Г.Ф. Горбач — подлинными садисты, до поры до времени исполнявшие роли дублеров, но уже имевшие богатый опыт для того, чтобы

самостоятельно возглавить важные участки предстоящей кампании по искоренению «контрреволюции» и «вредительства».

Начальником управления в Красноярске сделался А.К. Залпегер, а в Иркутск был переведен с очевидным понижением бывший начальник Особого отдела НКВД комиссар госбезопасности 2 ранга (генерал-полковник) М.И. Гай (Штоклянд). Причины такого назначения недостаточно ясны. Известно лишь, что Гай смог продержаться на своем посту семь месяцев, а затем был расстрелян без суда, «в особом порядке», в ходе расследования «заговора военных»¹⁸.

Оставались считанные недели и дни до начала операции, с которой Сталин и его Политбюро связывали важные политические расчеты. Теперь уже не эпизодические удары по бывшим врагам и колеблющимся попутчикам должны были стать смыслом предстоящей чистки, а уничтожение части общества по определенной системе. В этом очистительном огне и порожденном им страхе предстояло вылиться новому виду социально-политического единства, новой сплоченности народа на фундаменте абсолютного повиновения и окончательного признания за вождем его права единолично властвовать в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 854, л. 60.
- ² Там же, оп. 14, д. 161, л. 42.
- ³ РГАЭ, ф. 7566, оп. 1, д. 1981, л. 59.
- ⁴ Советская Сибирь. 1936. 18 января.
- ⁵ Там же. 5 февраля.
- ⁶ ПАНО, ф. 3, оп. 14, д. 161, л. 40–41.
- ⁷ Архив ФСБ по НСО, д. 8437, т. 3. Часть этого документа приведена в работе В.Н. Уйманова «Репрессии. Как это было...». Томск, 1995. С.301.
- ⁸ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 839, л. 38, 39.
- ⁹ Там же, д. 855, л. 48.
- ¹⁰ ГАНО, ф. 47, оп. 5, д. 233, л. 17.
- ¹¹ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 19, л. 67.
- ¹² Советская Сибирь. 1937. 2 февраля.
- ¹³ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 3201, л. 34.
- ¹⁴ Советская Сибирь. 1937. 15 января.
- ¹⁵ ПАКО, ф. 15, оп. 7, д. 193, л. 62–63.
- ¹⁶ За цинк (Белово). 1937. 4 февраля.
- ¹⁷ Советская Сибирь. 1937. 2 февраля.
- ¹⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 46.

2. ЗАГОВОРЩИКИ-ПАРТИЗАНЫ

Уже в то время, когда в кабинетах НКВД готовились материалы для открытых судебных процессов и последующих арестов сотен бывших оппозиционеров, в тюремные камеры начала поступать новая категория узников, которым предназначалось умереть в ближайшее время. Это были вчерашние герои — участники партизанского движения, организаторы и активисты сибирского крестьянского восстания против армии Колчака.

Бывшие красные партизаны представляли значительный слой советского общества 20–30-х годов. В период гражданской войны их участие в борьбе против белогвардейцев, осо-

бенно на таких широких пространствах, как Сибирь, имело для большевиков решающее значение. Организовав по собственной инициативе крупные военные отряды и даже целые армии в тылу противника, партизаны обеспечили быстрый успех частям Красной Армии. Они помогли большевикам укрепиться на отвоеванной территории. При их поддержке были ликвидированы остатки вооруженных белогвардейских отрядов, рассеявшихся по всей Сибири, погашены очаги анархистских выступлений крестьян — так называемого «красного бандитизма». Услуги партизан были достойно оценены новым режимом: их лидеры и активные участники борьбы получили боевые награды, различные привилегии и официально признавались слоем, составляющим социальную опору власти.

Но как наиболее организованная часть крестьян партизаны никогда не принадлежали к числу действительных сторонников большевизма. Ленин говорил, что сибирские крестьяне «менее всего поддаются влиянию коммунизма», потому что «это — самые сытые крестьяне»¹. Ко всему прочему, коммунистам никак не удавалось расколоть партизан, обособив их «кулацкую верхушку». Этому сильно препятствовала традиционная внеклассовая спайка и былая боевая солидарность партизан.

Заигрывание властей с бывшими союзниками, численность которых в Сибири составляла десятки тысяч человек, прекратилось с началом переворота в деревне. В 1929 году руководители края впервые заговорили о «плохих партизанах». Недавних героев лишили ореола славы. Как заявлял секретарь краевой контрольной комиссии Ковалев, партизаны «окончательно дискредитировали себя тем, что срослись с кулацкой обстановкой, хозяйственно обросли, потеряли свое революционное партизанское чутье, которое они имели в прошлом... Сейчас, — говорил Ковалев, — такой партизан ... борьбу прекратил, не сознает необходимости классовой борьбы, борьбы за социалистическое переустройство деревни»².

В конце 1929 года был введен запрет на проведение съездов и конференций «из одних партизан» и объявлена «тщательная очистка низовых партизанских районов» от «бывших офицеров, растратчиков и прочих»³.

Однако главные удары последовали в период массовых раскулачиваний. В 1930–1933 гг. ОГПУ истребило в Сибири тысячи бывших партизан как участников «повстанческих организаций». Есть сведения о том, что партизаны действительно участвовали в организации ряда крестьянских восстаний периода коллективизации. Некоторые источники называют, в частности, восстания 1931–1933 гг. в Тасеевском, Держинском, Ирбейском и Абанском районах Красноярского округа.

Когда разгром был завершен, ОГПУ насадило в основных партизанских районах сеть тайных осведомителей и агентов и таким образом ввело постоянный контроль за поведением населения. Местная агентура обязана была «освещать динамику экономической мощности партизанских хозяйств, политико-моральное состояние комсостава и партизанских авторитетов, отношение бывших партизан к коллективизации» и кроме того выявлять «наличие организованных видов контрреволюционной деятельности и повстанческих тенденций среди бывших партизан»⁴.

В 1936–1937 гг. «партизанская тема» вновь зазвучала в связи с разоблачением «троцкистского заговора».

Арест нескольких бывших троцкистов в 1936 году (Сумецкого, Ходорозе, Богуславского) дал повод НКВД начать в Сибири очередной этап уничтожения партизан, теперь уже не только рядовых, но и партизан-руководителей — самой авторитетной и привилегированной части этого слоя людей.

Одними из первых были арестованы В.П. Шевелев-Лубков, бывший партизанский командир, работавший начальником строительства мукомольного комбината в Сталинграде, и его бывший адъютант Н.В. Буинцев. В 1926 году Лубков исключался из партии за хранение документов оппозиции, но был прощен и восстановлен. Теперь же его «троцкистское» прошлое НКВД решило использовать для доказательства существования некоего единого заговора оппозиции и партизан против партии.

В Красноярской тюрьме, куда доставили Лубкова в октябре 1936 года, ему предъявили обвинение в принадлежности к троцкистской повстанческой организации и потребовали признать себя ее руководителем. Допросы и уговоры продолжа-

лись около месяца, но ни к чему не привели. Лубков решительно отрицал каждый пункт обвинения. В январе 1937-го его переправили в Новосибирск, чтобы начать все сначала.

Следователи очень спешили и нервничали. В этот период шла лихорадочная подготовка большого открытого процесса над троцкистами, и показания Лубкова об участии партизан в заговоре должны были стать важной частью обвинения. Большинство допросов проводил сам начальник УНКВД ЗСК Миронов. Ему помогали работники секретно-политического отдела Пастаногов, Перминов, Жабрев, Попов. Чтобы сломить партизанского командира, следствие пустило в ход все свои резервы. Были арестованы и допрошены многие партизаны, с которыми Лубков имел тесные связи, проведена серия очных ставок с сидевшими в этой же тюрьме троцкистами. Для психологической обработки его посадили в камеру к провокатору и сексоту Франконтелю, который отличался умением подводить арестованных к «раскаиванию». Франконтель, бывший троцкист, сообщал следствию о трудностях «работы» с партизанами:

«...руководитель «партизанской» группы Шевелев-Лубков не считал контрреволюционным явлением сборы партизан, где наносились любые оскорбления руководителям партии и правительства Советского Союза. С тем, чтобы доказать ему противоположное, приходилось много доказывать, приводить примеры... Такую работу я и называл трудной, так как она требовала много времени, терпения и сил. Например, на сборищах они высказывали такие фразы, как «надо перевоспитывать», и в этом не находили контрреволюционного, доказывая, что они за советскую власть...»⁵.

Через камеру Франконтеля прошли и другие партизанские командиры — Н.П. Гаврилов, Н.В. Буинцев...

9 или 10 января в следствии произошел перелом. В один из этих дней Шевелева-Лубкова допросил Эйхе. В настоящем смысле это был даже не допрос, а скорее беседа партийного вожака с идейно заблудшим товарищем. Важно однако то, что в результате встречи старый партизан полностью изменил свое поведение. Спустя сутки он сделал следующее заявление:

«Мне стыдно, что я обманул тов. Эйхе, у меня не хватило смелости, смотря ему в лицо, сказать, что я подлец. Я прошу сообщить ему мое извинение и передать, что я решил сказать всю правду и надеюсь единственно на то, что он спасет меня, и я еще в будущую войну пригожусь, тогда я докажу, что не совсем еще погиб для советской власти»⁶.

После этого признательные показания командира следовали один за другим. Лубков писал начальнику УНКВД Миронову о своем «вредном, грязном прошлом», о том, какое впечатление произвел на него «процесс 16-ти» (августа 1936 года), показавший «кто такие были наши вожди, сволочи, которые нас кормили теориями, спекулировали революционными фразами, играя на трудностях, втянули во всю эту грязь исключительно в личных интересах, желая на наших спинах прийти к власти». Партизан признавал также, что на правильную дорогу его вывел только арест и «особенно мне помогли, — подчеркивал он, — беседы с Эйхе и майором Мироновым, за что я глубоко от всей души благодарю»⁷.

То, что далее описывал в своих «раскаяниях» Лубков, было типичным признанием «оппозиционера»: «встречались», «обсуждали», «переписывались». Но для НКВД важным являлись лишь имена тех людей, которых Лубков назвал в качестве единомышленников. Впрочем, фамилии многих партизан удалось получить и от других подследственных.

22 июня 1937 года Лубков предстал перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР. Во время судебного заседания он отказался от своих прежних показаний и заявил, что сознательно оговорил себя и других людей. Он также утверждал, что дать ложные показания его уговорили сокамерник троцкист Сумецкий и секретарь крайкома Эйхе. По приговору суда Шевелев-Лубков был расстрелян⁸.

В начале 1937 года за решеткой в ожидании смерти сидели уже сотни бывших сибирских партизан и их командиров. Число их увеличивалось по мере того как выколачивались показания у новых заключенных.

В Красноярске был арестован бывший главнокомандующий Северо-Канским фронтом партизанской армии Николай

Буда. Его заставили признаться в том, что в 1932 году он организовал ряд крестьянских восстаний в Сибири с участием партизан⁹.

Арестованный в Москве директор НИИ Наркомзема Василий Яковенко — также бывший крупный партизанский авторитет — был определен к «московскому партизанскому центру», связанному с Бухариным и Рыковым.

НКВД громило бывших героев во всех районах их проживания: на Алтае, в Кузбассе, Восточной Сибири и на юге Красноярского края. Весь 1937 год вскрывались «районные» и «поселковые партизанские ячейки», производились аресты членов семей партизан. В списке арестованных и расстрелянных оказались многие известные в то время партизанские авторитеты: Ефрем Рудаков, Николай Малышев, Г. Шаклеин, Иван Третьяк, Родион Захаров, Михаил Перевалов...

Общая численность исчезнувших не поддается учету. Однако можно определенно утверждать, что в годы террора основная часть этой социальной группы была уничтожена. Причина состояла не в том, что бывшие партизаны или хотя бы верхний их слой — наиболее сплоченных и отважных людей, могли представлять потенциальную опасность для режима Сталина. Просто режим не признавал никакой общественной консолидации вообще, кроме той, которая непосредственно отражала бы интересы тирана. К началу 1937 года была создана вполне подходящая обстановка для того, чтобы физически устранить не только всех бывших противников Сталина, но и покорить прочие общественные силы, сохранявшие относительную самостоятельность. Представленную возможность расправиться с партизанским единством как угрозой «единству партии и народа» сталинцы использовали до конца.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 40, 241.

² ПАНО, ф. 2, оп. 2, л. 351, л. 57.

³ Там же, оп. 4, л. 44а, л. 67.

⁴ Архив Иркутского УВД, ф. 5, оп. 1, л. 179, л. 66.

⁵ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 8437, т. 3.

⁶ ПАНО, ф. 4, оп. 34, л. 19, л. 60.

⁷ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 8437, т. 3.

⁸ Там же.

⁹ Архив ФСБ по Красноярскому краю, д. П-4946.

3. ВОЕННЫЕ ТЕРПЯТ ПОРАЖЕНИЕ

Весной 1937 года сталинский план истребления «двурушников» распространился и на военных. Найги объяснение террористическим действиям против армии, исходя из поведения самих военных, невозможно. Существуют лишь общие соображения относительно того, почему Сталин развернул методичное уничтожение тысяч командиров и политработников Красной Армии. Известный исследователь этой эпохи Роберт Конквест, рассмотревший проблему во многих аспектах, допускает вероятность превентивных действий со стороны Сталина. Его взгляд основывается на том, что всякая диктатура сталкивается с возможностью военного переворота. «Ведь всего несколько десятков целеустремленных людей, — пишет Конквест, — могли, теоретически рассуждая, захватить Кремль и высших руководителей в нем. И машина того типа, какую построил Сталин, могла в таких обстоятельствах сломаться очень легко»¹.

Это замечание выглядит убедительно, если речь идет о высшем командном составе армии. Но оно будет служить слабой почвой для оценки того, что происходило в нижних армейских структурах и далеких военных округах. Трудно было бы в самом деле связать с возможными заговорщиками младших офицеров и рядовых солдат, служивших в сибирских гарнизонах; или найти признаки вины в действиях армейских ветеринаров, работников госпиталей и самых заурядных тыловинов. Никакое изошренное воображение не в состоянии сплести в один клубок политического заговора действия столь разнородных и далеких друг от друга элементов советской армии.

Удары Сталина по армии, за исключением ее высшего эшелона, носили избирательный характер. Но они распро-

странялись на все ее многочисленные структуры и службы. Это свидетельствовало о том, что армия подвергалась такой же чистке, как и общество в целом. И здесь террор преследовал те же цели устранения предполагаемых противников режима и «неустойчивых», «не вполне советских элементов».

Логика террора заключалась в том, что сталинцы начинали выявлять следы оппозиции в той или иной государственной или общественной структуре, а затем переходили к широкому погрому внутри этих структур.

В Сибири «дело военных» начало приобретать форму огромного заговора с того момента, как в феврале 1937 года НКВД обнаружило «шайку шпионов и троцкистов» в Доме Красной Армии СибВО — ведомстве Политуправления округа. «Шпионами» оказались музыканты из концертной бригады ДКА, которых приглашали для выступлений в японское консульство в Новосибирске. Вскрылась также «засоренность» армейских библиотек «контрреволюционной троцкистской литературой».

Обо всем этом было доложено в крайком партии. Эйхе отреагировал директивой в адрес начальника Политуправления СибВО А.П. Прокофьева:

«После твоего отъезда получил доклад НКВД о ДКА и ЗВК [военная кооперативная организация, осуществлявшая дополнительные поставки продовольствия и фуража для армии. — Авт.] Впечатление очень тяжелое и, если даже только половина фактов верна, то и тогда нужно сказать, что руководители ПУОКРа совершили тяжелое партийное преступление.

Разгильдяйство и гнилой либерализм наших ответственных руководителей ловко использовали жулики и шпионы. Это нужно немедленно пресечь. Я предлагаю, во-первых, срочно расследовать все факты, указанные в докладе НКВД, и очистить ДКА и ЗВК от жуликов и троцкистов, а также установить, по чьей вине вся эта шайка могла безнаказанно орудовать до сих пор.

Во-вторых, ...представить подробный материал бюро крайкома...»².

Проведенное «расследование» позволило произвести первую серию арестов среди офицеров. Сначала посадили трех начальников Домов Красной Армии: в Томске — Я.М. Сूपьяна, в Омске — Миронова, в Новосибирске — В.Л. Нахановича³.

Это разоблачение было использовано для обвинения нескольких руководителей ПУОКРа, по чьей вине «кадры троцкистов» попали на важные идеологические посты. «Компрометирующие материалы» указывали на ответственность начальника отдела Политуправления М.Я. Яковлева.

По требованию Эйхе 6 марта 1937 года Яковлев был арестован⁴.

Эйхе принял непосредственное участие в разоблачении военных. В феврале 1937-го, еще до пленума ЦК ВКП(б), он вместе с начальником УНКВД Мироновым допрашивал бывшего военачальника троцкиста Б.М. Оберталлера, а также заместителя начальника Политуправления СибВО Н.И. Подарина, подозреваемого в связях с троцкистами⁵. За арестом Яковлева, ответственного за расстановку армейских партийных кадров, последовал арест полкового комиссара А.И. Ильина из 73-й стрелковой дивизии Омского гарнизона, обвиненного в поддержке оппозиции в 1924 году⁶. В тюремную камеру попал также начальник отдела военных сообщений СибВО П.В. Мухин и еще целый ряд армейских кадров среднего уровня.

Почти месяц дни и ночи их держали на следствии в особом отделе УНКВД, пытаясь добиться признательных показаний. Но сломить военных было непросто.

Обнаружив неспособность работников особого отдела УНКВД выколачивать показания из арестованных, Миронов принял решение передать военных в руки опытных истязателей — Попова, Пастаногова и Гречухина. Одновременно с

С.П. Попов

этим он занялся обучением новичков. 14 мая Миронов собрал совещание сотрудников 5-го (особого) отдела, чтобы подготовить их к предстоящей кровавой работе. Миронов сказал:

«... вы своими силами оказались неспособными к вскрытию серьезных троцкистских проявлений в СибВО.

Партия не может ждать, пока вы научитесь. (...) Активных, наступательных методов у вас нет... Борьба с армейской контрреволюцией — это задача всего УГБ... Все вы знаете, что дней через 10 каждый из вас будет вскрывать троцкистов, диверсантов не хуже, чем 4-й отдел. Лишь бы вы вошли в методу. Вы научитесь следствием наступать на врага, а через месяц вы без опеки будете вскрывать сложные дела...

Наша задача — очистить армию от всех проходящих по нашим делам. Их будет не 50, возможно 100–150, а может и больше... Борьба будет напряженная. У вас будет минимум времени на обед. А когда арестованных будет 50–100 человек, вам придется сидеть день и ночь. В силу этого вам придется забросить все семейное, личное. Окажутся люди, у которых может быть нервы не позволят сделать это, здесь будут видны все. (...) Здесь — поле боя. Колебания того или иного сотрудника равносильны измене...

Я уверен, что это дело у нас быстро пойдет... У вас, товарищи, начинается настоящая чекистская жизнь»⁷.

На следующий день, 15 мая, УНКВД начало кампанию массовых арестов военных по всем гарнизонам округа — в Новосибирске, Томске, Омске, Кемерово, Красноярске. Были арестованы: зам. начальника Политуправления СибВО, дивизионный комиссар Н.И. Подарин; начальник политотдела 71-й стрелковой дивизии, батальонный комиссар И.Р. Щербина; командир 73 артполка, полковник М.М. Струсельба.

В Тобольске забрали Н.Н. Кузьмина — бывшего начальника Политуправления СибВО в 1930–1932 годах, за которым числились контакты с лидерами троцкистской оппозиции. До ареста Кузьмин успел пройти многие ступени советской военной и государственной службы. Он был начальником Управления военных учебных заведений Красной Армии, генконсулом в Париже. Однако из-за близких отношений с троцкистами карьера старого большевика закончилась ссылкой в Си-

бирь. Последним местом его работы стала захолустная контора управления Северного морского пути в Тобольске.

Кузьмина пытали голодом. В течение 5-ти суток ему не давали пищи и таким образом сумели добиться самооговора. Во время суда он отказался от вынужденных признаний, но это никак не повлияло на исход дела. В октябре 1937-го его расстреляли вместе с группой других обвиняемых⁸.

После ареста в Москве нескольких крупных военачальников во главе с маршалом М.Н. Тухачевским из аппарата НКВД поступила телеграмма об аресте командира 234 стрелкового полка СибВО Газукина. Газукин когда-то был адъютантом Тухачевского и теперь потребовался для показаний по «заговору военных». Приказ был исполнен. Газукина этапировали в Москву, а через некоторое время из НКВД прислали его показания, на основании которых в СибВО взяли новую группу офицеров⁹.

Летом и осенью 1937 года командиров и политработников СибВО хватало десятками.

15 августа арестовали бывшего командующего войсками СибВО комкора Я.П. Гайлита. НКВД причислило его к «латышской националистической организации» вместе с другими высокопоставленными военными Красной Армии — Эйдеманом, Алкснисом, Аппогой, Мезисом и другими. 1 августа 1938 года Гайлита расстреляли¹⁰.

20 декабря 1937-го был арестован и через полгода казнен начальник штаба СибВО И.З. Зиновьев.

Новый начальник Политуправления СибВО, дивизионный комиссар Н.А. Юнг в конце 1937 года представил в крайком партии отчет о предварительных итогах «ликвидации вредительства» в округе. Юнг докладывал:

«Разоблаченным фашистско-шпионским заговором в РККА были широко задеты и части СибВО. Вредительская, шпионская деятельность в СибВО возглавлялась бывшим комвойсками Гайлитом и зам. начальника ПУОКРа Подариным...

В окружном аппарате разоблачены и арестованы как враги народа ряд руководящих работников, преимущественно начальников отделов. В ПУОКРе — 10 человек, в штабе и окружных управлениях — 16 человек.

Из руководящего состава соединений и частей изъяты и репрессированы бывшие: комдив 94 Чистяков, командир 134 ШАБ Эпштейн, врид начполитотдела 134 ШАБ Свиридов, начполитотдела 44 ШАБ Денисов, начполитотдела 78 Коробченко, начполитотдела ТАУ Агейкин, зам. начполитотдела 71 Щербина, начштаба 71 Семьянов, начштаба 73 Кондратьев, командир 234 с.п. Газукин, 212 с.п. Упельнек, 73 а.п. Струсельба, комиссары ...

Вредительством, как правило, ...были охвачены в той или иной степени почти все части, но на отдельных участках имели место более компактные очаги этой контрреволюционной вредительской деятельности. Так, например, в окружном складе — вредительское патронирование снарядов; в 212 с.п. — вредительская пристрелка оружия; ...Врачи-ветеринары губили конский состав, ... катастрофы в 4-й эскадрилье 102 авиабригады, организуемые ныне разоблаченным врагом народа комэском Артемьевым, репрессированным вместе с женой-шпионкой.

С разоблачением и устранением центра военно-фашистского шпионского заговора в РККА в частях СибВО началась более энергичная разоблачительная работа по выкорчевыванию врагов народа, принявшая более организованную форму с назначением Военного Совета округа. С 1 мая по 11 ноября 1937 года осужденных и следственно арестованных военнослужащих по контрреволюционным преступлениям по СибВО исчисляется в 479 человек. (...) Из них — 249 лица комначсостава, а остальные 230 человек — рядовой и младший комсостав.

Наибольшее количество арестованных дает 78 с.д. — 94 человека, где политотдел поочередно возглавлялся врагами народа троцкистами Косьминим и Коробченко.

По 102 и 103 авиабригадам изъято почти поровну 20 и 21 человек...»¹¹.

То же самое происходило и в Забайкальском военном округе. В Иркутске начальник УНКВД Восточно-Сибирского края Г.А. Лупекин арестовал все руководство ЗаБВО. «Врагами народа» оказались командующий войсками округа И.К. Грязнов, член Военного Совета В.Н. Шестаков, начальник штаба

округа Я.Г. Рубинов. За ними последовал едва ли не весь штаб округа¹².

С сентября 1937 года в кампании чистки армии появляется новое направление. В этот период ЦК ВКП(б) и СНК СССР санкционировали массовые аресты так называемых «перебежчиков», под которыми подразумевались лица «враждебных» национальностей — поляки, латыши, немцы, эстонцы и другие. Как отмечал впоследствии один из «раскаивавшихся» работников НКВД, «для многих из нас смысл дальнейшей операции стал не только непонятен, но и страшен»¹³. Началось составление списков на увольнение из армии, а затем и аресты командиров и солдат по национальному признаку. «Арестовывались в СибВО солдаты-немцы. Они были расстреляны»¹⁴.

В Красноярске начальник 5-го отдела УНКВД В.Т. Егоров устроил этническую чистку в авиагарнизоне. Сначала был арестован сам командир авиабригады полковник Рязанов, а вслед за ним — все красноармейцы и командиры «иностранных национальностей». Имелись списки от 20-ти до 66-ти человек, по которым производились аресты в авиагарнизоне¹⁵.

Работники особого отдела УНКВД Западно-Сибирского края, занимавшиеся военными, — А.Н. Барковский, Н.Х. Мелехин, В.Т. Егоров, В.И. Евсеев, А.И. Дедюшин, В.А. Гинкен и другие — изошренно пытали подсудимых, получая сведения для новых арестов. В качестве основного метода истязания использовались «выстойки»: сменяющие друг друга следователи по несколько суток держали арестованных на ногах, не позволяя садиться. У подсудимых разбухали ноги, возникали сильные боли, и люди часто теряли сознание.

Многих офицеров мучили тем, что не давали спать. Инженер по вооружению одной из авиабригад СибВО Жигунов подписал протокол допроса на 12-е сутки, проведенные без сна. Офицер Пудовиков — на 16-е сутки. Другие выдерживали лишь 8–10 суток¹⁶.

Офицер штаба СибВО Ландовский рассказывал, что его держали на «конвейере» около 10 суток, «без сна и пищи, его избивали, ломали ему хребет, ездили на нем верхом и били под бока, требуя подписать протоколы...»¹⁷.

«Обвиняемые предупреждались, что им все равно подписывать протоколы придется, в противном случае на них следствие получит материалы от других обвиняемых, причем больше, чем они сами о себе покажут. Если же не сознаетесь, значит будете бесспорно уничтожены как неразоружившиеся враги, а при наличии признания поедете в лагерь и будете жить»¹⁸.

К концу 1937 года число арестованных солдат и офицеров — «участников контрреволюционных формирований в частях СибВО» составляло свыше 1100 человек¹⁹.

Это число продолжало расти и весь следующий, 1938 год. Многие армейские командные посты сделались опасными вообще.

Любой назначаемый на них командир мог внезапно превратиться в жертву террора, если он сам был недостаточно активен в разоблачениях или по каким-то иным, часто совершенно случайным основаниям. За 1937—1938 годы один за другим исчезли несколько членов Военного Совета округа — начальники Политуправления СибВО — Ястребов, Г.Ф. Невраев, Н.А. Юнг, А.В. Шардин. Известно, в частности, что Невраев, не выдержав истязаний следователей, повесился в тюремной камере²⁰. Другие были расстреляны.

В Москве по приказу Ежова арестовали корпусного комиссара А.П. Прокофьева, вызванного из Особого корпуса в Монголии якобы для получения нового назначения²¹. В 1933—1937 годах Прокофьев возглавлял Политуправление СибВО, и поэтому его попытались связать с другими участниками «заговора в СибВО». Сначала комиссара подвергли жестоким пыткам в московской тюрьме, а через некоторое время переправили в Новосибирск и более года добивались от него нужных показаний. Есть сведения, что Прокофьева надеялись использовать для компрометации нового командующего СибВО М.А. Антонюка, арестованного в середине 1938 года²². Если такой план и существовал, то до конца он не осуществился. В результате резких изменений в карательной политике, последовавших в конце 1938 года, Антонюк смог избежать смерти. Ему вернули свободу и позволили продолжить военную карьеру.

Прокофьева ожидала иная участь: 2 июня 1939 года он был расстрелян.

По крайней мере дважды за 1938-й сменились военные прокуроры СибВО, с санкции которых производились массовые аресты офицеров и солдат. Сначала пал прокурор П.Д. Нелидов, а затем — его преемник Ф.Я. Баумановский.

Оба прокурора прошли цепь многодневных допросов без сна и пищи. Баумановский, немало содействовавший арестам многих командиров, сам однако сумел выкарабкаться из затенков НКВД. В 1939 году он показывал:

«Евсеев бросил меня в жуткую камеру № 47, где не было стекла, [была] грязь, масса клопов, крыс. Там я находился до середины сентября, в жутком холоде. Когда меня после одного из допросов пустили на 2—3 часа в камеру, я тут же свалился и крепко заснул, крысы обгрызли мне палец правой руки, укусили за нос...»²³.

Евсеев отказывал улучшить условия... бил по голове...»²³. В это же время продолжали сажать работников штаба округа и командный состав гарнизонов. Под арест попали начальники: автобронетанковых войск округа И.И. Кузнецов, ВВС СибВО К.В. Маслов, артотдела М.О. Петров, инженерных войск А.И. Осипов, войск связи Э.М. Грашинь, химических войск А.М. Ронэ, командир 71-й стрелковой дивизии комбриг С.А. Уласевич и его заместитель бригадный комиссар М.М. Поляков, командиры полков П.К. Суммер и С.Д. Карпов, редактор окружной газеты А.А. Соковиков и многие другие.

Большинство из них прошло страшные пытки при «конвейерных» допросах, после чего последовал расстрел.

Лишь в конце 1938 — начале 1939 года, после свержения Ежова, темпы арестов замедлились. Некоторых военнослужащих, сидевших в камерах смертников, выпустили на свободу. Однако основную часть подвергнутых пыткам все же оставили в камерах. Пока в НКВД производилась очередная кровавая смена кадров, арестованных провели через множество «экспертных комиссий» и новых допросов, и в конце концов рассовали по лагерям.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Роберт Конквест. Большой террор. Пер. с англ. Флоренция, 1974. С. 391.
- ² ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 891, л. 8.
- ³ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4504, т. 1.
- ⁴ Там же, д. 4944, т. 5.
- ⁵ ПАНО, ф. 3, оп. 14, д. 30.
- ⁶ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4944, т. 11.
- ⁷ ПАНО, 460, оп. 1, д. 123, л. 22–25.
- ⁸ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4944.
- ⁹ Там же, д. 7217, т. 11.
- ¹⁰ Там же, д. 4944, т. 5.
- ¹¹ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 839, л. 2–3.
- ¹² Рыбчинский А. Забайкальский заговор// Расправа. Прокурорские судьбы. М., 1990. С. 178; Архив ФСБ по Иркутской области, д. 1527.
- ¹³ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4944, т. 2.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, д. 7217, т. 11.
- ¹⁶ Там же, д. 4944, т. 2.
- ¹⁷ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 74, л. 173.
- ¹⁸ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4944, т. 2.
- ¹⁹ Доклад УНКВД по Новосибирской области об итогах оперативной работы за 1937 год. Приложение.
- ²⁰ Занка Л. Перед партией чист... // Расправа... С. 88.
- ²¹ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4504, т. 1.
- ²² Ишов М. Годы потрясений// Расправа... С. 234.
- ²³ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 9048, т. 2.

4. КРОВАВАЯ КАРУСЕЛЬ

Ни один политический план сталинской клики не проводился в жизнь без соответствующей «теории». Склонность к сочинению различных «теорий» была родовым признаком большевизма. Словесно оформленные в марксистском стиле «теории» служили постоянным инструментом во внутрипартийных спорах, на них выстраивались доказательства «науч-

ности» принимаемых решений. «Теории» позволяли любому, выступающему от имени партии, доказывать все что угодно: актуальность партийных чисток и борьбы с «буржуазными националистами», необходимость уничтожения «кулаков» и разоблачения «специалистов-вредителей».

Когда Сталин начал готовить массовые убийства членов своей партии, а с ними и граждан без какой-либо политической принадлежности, он тоже опирался на «теорию».

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Сталин выступил с докладом, в котором от лица анонимных оппонентов изложил шесть «гнилых теорий», чтобы затем подвергнуть их разгромной критике. Его доклад назывался «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». По мысли Сталина, в партии по вине некоторых руководителей распространяются «гнилые теории». «Теории» и их носители усыпляют бдительность советских людей перед лицом опасности внутренних врагов, шпионов и диверсантов в то время, как эти враги повсеместно наносят вредительские удары из-за угла.

Цепь сталинских рассуждений по сути сводилась к одному «теоретическому» выводу: классовая борьба в стране, окружающей капиталистическими государствами, не завершена. Остатки враждебных сил, из которых наиболее активными являются троцкисты, не уничтожены. Они систематически будут вредить партии в строительстве нового общества, если партия не примет чрезвычайных мер по их ликвидации¹.

16–18 марта сталинский доклад обсуждался на заседании Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Все выступавшие говорили о только что разоблаченных «врагах» в своих учреждениях, каждый отмечал собственные «ошибки» и призывал других к бдительности.

Речь секретаря крайкома Эйхе звучала особенно драматично и угрожающе. Эйхе говорил несколько часов подряд с небольшим перерывом. Он подробно изложил содержание докладов Ежова и Сталина на пленуме ЦК и признал «большое запоздание с разоблачениями» в Сибири. Затем стал укорять руководителей в том, что на предприятиях и в учреждениях очень плохо организовано доносительство.

— В чем двойной позор для нас? — спрашивал Эйхе. — В том, что почти нет случаев, когда хозяйственник пришел бы в НКВД и заявил: «Вот имеются такие-то факты, и мне кажется, что они свидетельствуют о вредительстве, причем вредительство, очевидно, идет от такого-то человека. Расследуйте». Ведь таких фактов почти нет. Ни один хозяйственник, ни советский руководитель таких фактов в НКВД не дал.

Директор Кузнецкого металлургического комбината К.И. Бутенко с места попытался возразить:

— Нет, был такой случай, я дал.

— Вы дали, товарищ Бутенко. Это по стану 900? Знаю такой случай, но и без дачи вами фактов по стану 900 было ясно, что тут поработал вредитель...

Скверно то, что нет у нас такой работы, когда хозяйственник сам выявлял бы вредительство. Пришел бы в НКВД, сообщил имеющиеся факты, помог бы вскрыть вредительство².

С большой речью выступил также начальник УНКВД С.Н. Миронов. Как и Эйхе, он начал с признания «большой виновности сибирских чекистов перед партией», отметив при этом, что «мы заболели общей болезнью с вами — болезнью успокоенности». Далее он сказал:

«Западносибирский партийный чекистский коллектив испустил несколько свою вину перед партией во второй половине 1936 года вскрытием троцкистского сибирского центра, кемеровским делом, вообще всем разворотом борьбы с японо-немецкими, троцкистскими агентами. Тем не менее вина чекистов Западно-Сибирского края от этого не уменьшается. Не уменьшается она потому, что мы по существу лишь начали разгром. (...) Западная Сибирь была местом союзной ссылки. Здесь находились в ссылке почти все члены ЦК меньшевиков, эсеров и так далее. С 1928 года здесь находились в ссылке все лидеры троцкистов — Радек, Сосновский, Муралов, Раковский и другие. (...)

Если к этому прибавить, что после 1930 года в край пришло 250 тысяч кулаков, высланных в порядке ликвидации..., что на нашей территории находится база конвойных лагерей, большая контрреволюционная ссылка, — мы, чекисты, должны сделать вывод...

Борьба, товарищи, еще не кончена. (...) Мы посадили 28 человек своих сотрудников, связанных с троцкистами, непосредственно троцкистов или правых. Они оказались обработанными классовым врагом. (...)

Правые у нас очень сильные, очень сильны как подпольная организация... Главным образом это подполье идет по сельскохозяйственным организациям. Наиболее сильная группа правых была в крайплане и в Сталинске. Я вам, товарищи, могу откровенно сказать, что мы только начали по существу борьбу с правыми, мы в значительной мере не добились троцкистов...³.

Когда сигналы ко всеобщему разоблачительству достигли низовых звеньев исполнительного аппарата, общественная атмосфера резко изменилась. За одну-две недели партийные и хозяйственные организации, все структуры управления оказались вовлеченными в затяжную кампанию «бдительности» и «разоблачения вредительства». «Большевистская критика, невзирая на лица», была объявлена «основным методом ликвидации недостатков». Кампания совпала с очередными выборами партийных органов и вследствие этого получила благодатную почву для развязывания повсеместной чистки кадров.

Поднялся настоящий ураган критики. Многие собрания продолжались по нескольку дней. Десятки ораторов, сменяя друг друга, вели яростные словесные атаки на хозяйственников и партторгов. Многих вновь заставили выворачивать свое прошлое наизнанку.

Масла в огонь подливала печать. Газеты ежедневно публиковали грязные инсинуации и откровенные доносы, призывали и требовали «разоблачать правооппортунистическую прак-

«Ежовы руки». Рис. Б. Ефимова, 1937 г.

тику». Ни в одной другой кампании подобного рода не было такого истеричного самобичевания, как весной—осенью 1937 года. За «ошибки» каяться заставили всех, кто занимал хоть какое-то общественное положение: партийных работников, депутатов горсоветов, врачей, руководителей предприятий и профсоюзов, военных, строителей, торговых работников.

В мае 1937 года местные подразделения НКВД уже имели на руках текст «особого решения ЦК ВКП(б)» об очистке страны от «японо-германо-троцкистско-бухаринской агентуры» и действовали по-новому. Они прочесали свои архивы последних лет, обледали показания сексотов, справки «спецчастей» предприятий,строек, госучреждений. Полученные сведения послужили наводкой для изъятия всех подозрительных.

В соответствии с «особым решением» был повышен статус начальников областных и краевых управлений НКВД: их сделали официальными уполномоченными ЦК ВКП(б). Теперь они могли арестовать в своих наместничествах кого угодно и сколько угодно.

Кампания арестов превратилась в бедствие для тысяч граждан. Настоящая охота была развернута на последних представителей старой России: бывших государственных служащих и офицеров царской армии, участников мировой войны, побывавших в плену, выходцев из буржуазных семей. Их разделили на две основные группы, по которым шла фабрикация дел, — «эсеровскую» и «белогвардейско-монархическую организацию РОВС (Российского Общевоинского Союза)». По этим двум «делам» были арестованы большие группы людей в Новосибирске, Томске, Нарыме, Бийске, Барнауле, в Тогучинском, Ояшинском и других районах.

В Воронеже НКВД арестовало бывшего колчаковского генерала А.Н. Пепеляева. После 13-ти лет, проведенных в советских лагерях при строгой изоляции, его, теперь уже больного и разбитого, отыскивали в одной из артелей, где он работал последнее время. Пепеляева доставили в Новосибирскую тюрьму и вместе с другими престарелыми бывшими генералами — Эскиным, Михайловым, Шереметьевым, Ефановым, князьями

Гагариным и Долгоруковым — записали в «повстанческий штаб».

Из показаний, полученных от работников НКВД в 50-е годы, известно, что «лица, которые ранее занимали офицерские должности в царской или белой армиях, обычно подписывали протоколы без сопротивления. На них очень действовала камерная обработка и невыносимые условия, создаваемые в камерах».

Допрашивавший Шереметьева «чекист» признавался: «Он был старый и производил впечатление ненормального в умственном отношении человека»⁴.

Всего за 1937 год только в Новосибирской области по делу «белогвардейцев-монархистов» было арестовано 20731 человек⁵.

По количеству жертв это — одно из самых значительных «дел» периода террора. Подробную записку о нем, составленную начальником УНКВД Г.Ф. Горбачом, в декабре 1937 года Ежов представил Сталину. Сталин наложил резолюцию: «Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять». Вслед за этим нарком сделал собственную пометку: «Исполнено. Послана телеграмма. 16/XII 37. Ежов»⁶.

Замыслы Сталина однако простирались гораздо дальше уничтожения «социально-чуждых». Для создания нового общества и нового порядка в стране ему необходимо было истребить часть самой партии, той партии, которая до сих пор верно служила ему и прокладывала дорогу к личному господству. В этом заключалась самая сложная часть программы террора.

Первые же массированные атаки на местную номенклатуру убедили Сталина в том, что некоторые секретари обкомов заняли выжидательную позицию. По крайней мере их личное участие и содействие акциям НКВД признавались совершенно недостаточными. «По собственной инициативе, — писала «Правда» о красноярском руководстве, — крайком не разоблачил ни одного врага. Зато с каким рвением секретарь крайкома Акулинушкин защищал Савкевича. Только в июне после выступления «Правды» Савкевич был снят с работы заведующего отделом руководящих партийных органов крайкома... Руководители крайкома явно покрывают врагов...»⁷.

А.С. Щербаков

Имея ввиду именно таких колебавшихся подчиненных, Сталин говорил во время предвыборного выступления в декабре 1937 года:

«Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа. Есть такие люди и есть такие деятели. Они имеются и у нас, среди большевиков. Сами знаете, товарищи, семья не без уroda»⁸.

Ответом Сталина должна была стать решительная чистка ставленников в регионах. В июне—начале июля 1937 года он провел удаление первой порции руководителей Си-

бири — в Красноярском и Восточно-Сибирском краях. Секретари Акулинушкин и Разумов были вызваны в Москву, арестованы, а затем расстреляны. Эйхе и Булатов пока оставались на своих местах.

Комбинация со смещением осуществлялась посредством некоторых подготовительных мер. Сначала в аппарат обкома или крайкома из ЦК присылали «уполномоченного» для выявления «антипартийных тенденций». Это был кто-нибудь из работников КПК, вроде С.Т.Хавкина, которого Шкирятов — председатель КПК — присылал в Красноярск*. «Уполномоченный» начинал травить одного за другим представителей местной верхушки и вскоре оказывался во «вражеском окружении». Дело заканчивалось тем, что о «засилии врагов народа» немедленно сообщалось в ЦК, и тогда Сталин посылал для расправы настоящих палачей. В Иркутске с июня 1937 года чисткой занимался А.С.Щербаков, в Красноярске — Шкирятов с целой бригадой работников КПК.

* Хавкин С.Т. — работник аппарата КПК при ЦК ВКП(б), в 1937 г. и.о. председателя Красноярского крайисполкома.

Вместе со свергнутыми секретарями исчезло большинство их сотрудников и помощников. Новые секретари — С.М.Соболев и А.С.Щербаков — организовали жесточайшую кампанию очередных разоблачений.

В июле 1937-го Политбюро переходит к новому способу организации террора — плановому уничтожению «враждебных элементов». Обкомам, крайкомам и ЦК национальных республик была послана директива «Об антисоветских элементах», в которой поручалось наметить группы граждан, чтобы расстрелять «в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»⁹.

9 июля Политбюро утвердило состав «троек», которым в ближайшее время предстояло выносить приговоры о расстрелах и заключениях в лагеря тысячам «врагов народа». В «тройку» входили: начальник управления НКВД, областной (краевой) прокурор, секретарь обкома (крайкома). Были и другие комбинации. Первый состав «троек» в Сибири выглядел так:

В Омской области — Салынь, Нелиппа, Фомин. В Западно-Сибирском крае — Миронов, Барков, Эйхе. В Красноярском крае — Леонюк, Горчаев, Рабинович.

Спустя несколько дней управления НКВД представили свои предложения о количестве подлежащих расстрелу, высылке или заключению в лагеря. На основании этих предложений НКВД разработал общий план ликвидации — знаменитый оперативный приказ № 00447. В нем устанавливались восемь категорий граждан подлежащих репрессии и ориентировочное их число по каждому региону. Для Сибири и Дальнего Востока (пока без Восточно-Сибирского края) намечались следующие цифры¹⁰:

Д.А. Булатов

	Первая категория (расстрел)	Вторая категория (лишение свободы)	Всего
Западно-Сибирский край	5000	12000	17000
Красноярский край	750	2500	3250
Омская область	1000	2500	3500
Дальневосточный край	2000	4000	6000

Политбюро приказывало начать операцию 5 августа и закончить за четыре месяца.

Решение об арестах и расстрелах способом разверстки, которое мог предложить только Сталин, было чем-то новым даже для ветеранов НКВД. Раньше такой метод использовали лишь в отношении «кулаков», когда партия вела яростную борьбу в деревне. В то время это представлялось оправданным. Но в настоящих условиях, при отсутствии реальной угрозы для партии, он мог показаться слишком жестоким и вызвать определенный протест в среде умеренных.

Был ли на самом деле какой-либо протест? Точно установленных фактов на этот счет нет. Однако действия сталинцев по устранению ряда влиятельных руководителей в момент перехода к новой фазе террора дает основание предполагать нечто похожее.

Об одном случае открытого сопротивления рассказал в своих мемуарах работник НКВД Михаил Шрейдер. Описываемый им эпизод как раз касается момента обсуждения в НКВД вопроса об очередных «лимитах» по областям летом 1937 года. Информацию о «лимитах» давал Ежов.

«Когда Ежов закончил свое выступление, в зале воцарилась мертвая тишина...

Вдруг со своего места встал ПП УНКВД Омской области, старейший контразведчик, ученик Дзержинского Салынь.

— Заявляю со всей ответственностью, — спокойно и решительно сказал Салынь, — в Омской области не имеется подобного количества врагов народа и троцкистов. И вообще считаю совершенно недопустимым заранее намечать количество людей, подлежащих аресту и расстрелу.

— Вот первый враг, который сам себя выявил! — резко оборвав Салыня, крикнул Ежов. И тут же вызвал коменданта, приказав арестовать Салыня.

Остальные участники совещания были совершенно подавлены всем происходящим, и более никто не посмел возразить Ежову¹¹.

25 июля в Новосибирске, в клубе им. Дзержинского, собрались начальники всех подразделений НКВД Западной Сибири, чтобы получить инструкции чрезвычайной важности. С сообщением выступил начальник УНКВД Мионов. Его речь начиналась словами: «Особым решением ЦК ВКП(б) органы НКВД должны разгромить основные гнезда контрреволюции». Слушатели отреагировали «шумным одобрением». Затем Мионов перешел к практической стороне дела. «Как только вернетесь на места, — сказал он, — вы должны приступить к массовому аресту следующих контингентов: бывших белых офицеров, карателей, сектантов, уголовников, бывших бандитов, кулаков». Органам НКВД, продолжал Мионов, предоставлены чрезвычайные полномочия. Никаких ограничений арестов по названным категориям нет, следствие вести максимально упрощенным порядком¹².

Появление «лимитов» меняло многое в осуществлении террора. С этого момента инициативу и полномочия, ранее принадлежавшие НКВД, Политбюро взяло в собственные руки: оно само теперь решало кого, сколько и в какие сроки подвергнуть уничтожению. «Органам» оставлялась только рутинная — аресты, оформление «дел», связанное с добыванием

Э.П. Салынь

Г.Ф. Горбач

формальных «доказательств» виновности арестованных, и исполнение приговоров.

Препятствий в развитии террора больше не существовало. Операции НКВД распространились на каждый район, поселок, новостройку, колхоз и лагерное отделение. Вновь было сфабриковано дело «Трудовой Крестьянской партии» с огромным числом «вредительских групп» и «филиалов» в научных, земельных и плановых организациях по всей Сибири. По «делу» были арестованы специалисты-аграрники, многие из которых, как С.С. Марковский, уже отсидели по нескольку лет в лагерях

и тюрьмах. Общее число арестованных по «делу ТКП» за 1937 год составило 3617 человек¹³.

Подчищались остатки «троцкистов» — бывших партийцев, исключенных в 20–30-е годы за идеологические и политические «ошибки». Попутно брали и тех, кто когда-то «был связан», «знал», «высказывался». Учесть их количество невозможно. Попадая в застенки НКВД, они распределялись следователями по разным «заговорам», финалом которых были расстрел или лагерная зона. «Был бы человек, статья найдется» — эта крылатая советская фраза, рожденная в недрах НКВД, имела прямое отношение к событиям 1937 года.

«Врагов народа» теперь извлекали из всех углов. В Бердском доме инвалидов было раскрыто «вражеское гнездо» из «троцкистов» и «чуждых людей» — к суду привлекли директора и часть обслуживающего персонала¹⁴. В Иркутске НКВД разоблачило «вредителей» в кооперации инвалидов¹⁵.

«Лимиты» Москвы были очень быстро перекрыты, и местные организаторы террора стали просить о повышении задания.

Начальник Омского УНКВД Г.Ф. Горбач сообщал Ежову о том, что на 13 августа 1937 года «по I категории арестовано

5444 чел., изъято 1000 экз. оружия». Он просил увеличить «лимит» на расстрел до 8000 человек.

Решение, как обычно, выносил Сталин. Он написал: «т. Ежову. За увеличение лимита до 8 тысяч. И. Сталин»¹⁶.

В августе Горбач был переведен в Новосибирск, на должность начальника УНКВД Западно-Сибирского края. Тут были другие, более широкие возможности для его натуры, и он стал действовать с еще большим размахом и жестокостью. «Горбач распорядился арестовать и расстрелять как немецких шпионов чуть ли не всех бывших солдат и офицеров, которые в первую мировую войну находились в плену в Германии (а их в огромной в то время Новосибирской области насчитывалось около 25 тысяч)»¹⁷.

С сентября 1937 года в кампании террора появился новый оттенок — национальный. Специальные приказы НКВД, начавшие поступать в этот период в местные управления НКВД с подписью Ежова или Фриновского, требовали проведения так называемых «линейных» операций. Первой была «польская» операция, или «линия». Телеграмма Фриновского по репрессированию поляков делала особый упор на условия Сибири. В ней указывалось на слабую борьбу с польским шпионажем в Западной Сибири, где нашло убежище большое количество польских перебежчиков, эмигрантов и шпионов¹⁸.

Сталинцы организовали грандиозную этническую чистку граждан «враждебных» национальностей. Но когда операция начала принимать широкие формы, тут же возникла одна проблема: «националов», подлежащих ликвидации, прежде всего латышей, было очень много среди руководящих кадров партии, военачальников и работников НКВД. Потребовались специальные разъяснения. В 1939 году начальник УНКВД Ростовской области А.П. Радзивиловский показывал:

«... я спросил Ежова, как практически реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей. Он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить несколько латышей из числа членов ВКП(б) и выбить из них необходимые показания. С этой публикой не церемоньтесь, их дела будут рассматриваться

альбомным порядком Надо доказать, что латыши, поляки и другие, состоящие в ВКП(б), — шпионы и диверсанты...»¹⁹.

Шифротелеграммы из НКВД стали поступать серийно. Было получено не менее 12-ти телеграмм-приказов на аресты по национальному признаку — поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, китайцев, японцев, иранцев и других. Такие требования Москвы выполнялись посредством коллективных арестов.

Исследователь этого периода Е. Саленко из Кузбасса пишет: «...деревня Кольцовка...была чисто эстонским поселением, перебравшимся в Сибирь во времена столыпинской реформы. ... А в ноябре 1937-го обложили деревню со всех сторон и лишили ее за одну ночь всего взрослого мужского населения».

Объявили Кольцовку фашистской шпионской резиденцией... Ни один из репрессированных в Кольцовку не вернулся — расстреляли всех»²⁰.

Террор, охвативший страну в 1937—1938 годах, был не только попыткой изменить характер общественного развития и стремлением режима избавиться от неудобных. Насилием и страхом Политбюро одновременно решало повседневные практические задачи. С приближением осени и связанных с нею забот по уборке и сохранению урожая оно организовало специальную кампанию террора в сельском хозяйстве.

В августе 37-го обкомы и крайкомы партии получили шифрованную телеграмму Сталина о «вредительстве в системе Комитета заготовок и заготзерно»²¹. Телеграмма требовала арестов чиновников и работников заготовительных пунктов, ответственных за переработку колхозного зерна. А в октябре Политбюро приказало провести широкую операцию «борьбы с вредителями в области животноводства»²². Способ, который на этот раз оно предложило исполнителям, заключался в проведении серии показательных судебных процессов над руководителями и специалистами сельского хозяйства.

Всю осень 1937-го и последующий 1938 год деревня подвергалась угнетению страхом от многочисленных арестов, разоблачений и шумной судебной кампании. Газеты вызывали ужасные образы «диверсантов-вредителей», побуждая населе-

ние к доносительству и взаимной слежке. А судебным органам пришлось отложить в сторону многие текущие дела и заняться проведением судебных спектаклей.

Спустя всего три недели после получения директивы Политбюро Эйхе уже докладывал Сталину о ее исполнении. Он сообщил, что в шести районах Новосибирской области — Чановском, Куйбышевском, Венгеровском, Ояшинском, Искитимском и Купинском — арестован ряд «вредителей-диверсантов» из работников райЗО, зоотехников и ветврачей, которые будут осуждены показательным судом за умышленное заражение скота и его уничтожение в больших количествах. Эйхе добавлял: «Приняты меры к выявлению и полному разгрому диверсантов и вредителей также и в других районах области»²³.

Судили однако не только «вредителей» сельского хозяйства. Кампания, начавшаяся с осени 37-го, захватила многие другие сферы общественной деятельности. Для сталинской номенклатуры это был очень удобный способ продемонстрировать свою позицию в терроре, а число организованных процессов и жестокость приговоров отражали степень их усердия и личной инициативы. Приговорить к «высшей мере» можно было по любому хозяйственному поводу.

В начале сентября 1937 года в Ленинск-Кузнецке судили показательным судом управляющего шахтой «А» П.Л. Иванова и главного механика шахты Н.А. Зайцева. Ни тому, ни другому не приписывалось никаких вредительских или террористических актов. Их откровенно судили за невыполнение плана добычи угля на шахте, хотя за это же можно было судить всех инженеров, рабочих и министров страны. Государственный обвинитель из краевой прокуратуры Скоморохов был абсолютно свободен от юридических норм. Он говорил:

«Иванова и Зайцева мы судим за то, что они саботировали выполнение плана угледобычи как в 1936, так и в 1937 г. В 1936 г. шахта «А» выполнила план на 95 %, 5 % невыполнения — это немало ... В 1937 г. они усилили свою вредительскую работу и в первом квартале план выполнили только на 73 % ...

Не раз пытались партийные и советские организации поставить обвиняемых на правильный путь, но троцкиста, как и горбатого, исправит только могила. Они не выполнили указание краевого комитета партии и лично товарища Эйхе, который не раз отмечал их ошибки, не раз указывал, отчего зависит невыполнение плана...

В мае в ответ на постановление ЦК и Совнаркома эти саботажники план по подготовительным работам выполнили только на 35,9%. Разве это не вредительство? Разве этого одного факта недостаточно для того, чтобы предъявить обвинение по 58-й статье? ...

Мы разоблачили их как троцкистов, как врагов народа, как предателей социалистической родины. Мы разоблачили бешеных собак, которые стремились сорвать строительство коммунистического общества. Эти бешеные собаки заслужили расстрела»²⁴.

Спецколлегия в составе работников краевого суда М.И. Жучек, А.А. Синявина и М.Ф. Захарова приговорила управляющего шахты к расстрелу, а механика — к 10-ти годам лагерей.

Выездные сессии спецколлегий выполняли в этот период огромный объем заданий по деморализации и уничтожению граждан. Об этом говорят даже те материалы, которые открыто публиковались в печати. Каждый процесс продолжался по 3–5 дней. И везде непременно был свой маленький Вышинский, который говорил о «бешеных собаках», а заканчивал требованием казни обвиняемых. Так, в октябре 37-го серия показательных процессов была проведена в Восточно-Сибирском крае: по делу «Нижнеудинской правотроцкистской организации», делу «руководителей Сретенского района», по Черемховскому и Петрово-Забайкальскому пунктам переработки зерна. В ноябре — по делу «эсеровской организации при областном земельном управлении». Большинство обвиняемых — десятки управленцев и специалистов — были приговорены к расстрелу, остальные — к многолетнему заключению»²⁵.

В Новосибирской области только в четвертом квартале 1937 года состоялся 21 показательный процесс над «вреди-

телями и саботажниками в сельском и элеваторном хозяйстве». Осужден был 131 человек, из них — 32 приговорили к смерти»²⁶.

В октябре 1937 Сталин произвел очередную кадровую перестановку. Вслед за разделением Западно-Сибирского края на две части — Новосибирскую область и Алтайский край — Эйхе был переведен в Москву, на пост наркома земледелия СССР, вместо разоблаченного М.А. Чернова. Секретарем обкома в Новосибирске стал И.И. Алексеев. Представляя местной партийной верхушке своего преемника, Эйхе так характеризовал его достоинство:

И.И. Алексеев

«Тов. Алексеев проделал громадную работу по борьбе с троцкистско-бухаринско-зиновьевской сволочью в Ленинграде. Он является первым партийным работником, который отмечен партией и правительством высшей наградой — орденом Ленина...

Под его руководством парторганизация Путиловского завода боролась и сумела сломить саботаж и вредительство врагов всех мастей»²⁷.

Смена руководства происходила в напряженный момент для партийной элиты. Чистка добралась до верхних этажей партии, и безопасного существования не чувствовал уже никто. Эйхе отправил в камеры НКВД большую часть своего аппарата. С его санкции были арестованы председатель крайисполкома Ф.С. Грядинский, второй секретарь крайкома В.П. Шубриков, члены крайкома Г.Т. Тимофеев, Б.В. Игрицкий, Н.П. Милютина, Н.Г. Пантюхов, М.Г. Тракман, А.И. Колотилов и много других представителей номенклатуры. Алексееву предстояло продолжить уничтожение остатков старого аппарата.

Новые секретари, подобные Алексееву, выдвигались в этот период повсеместно. Этим людям уже не связывали никакие

моральные ограничения и личные обязательства перед окружающими. Они ничего не теряли, так как не успели что-либо приобрести. Это были очередные марионетки Политбюро с интуицией и опытом ищущих, готовых рвать на части любую жертву по указанию своих хозяев. Но их собственная карьера и жизнь стоили так же мало, как и жизнь всех остальных граждан.

Алексеев довел до конца дело, начатое Эйхе. Уже через месяц после вступления в должность он сообщал своему покровителю в Политбюро, Жданову, о том, что не доверяет ни одному члену Новосибирского обкома, за исключением начальника УНКВД Горбача. Алексеев писал:

«Дорогой Андрей Александрович!

Считаю своим долгом рассказать Вам о положении в Новосибирской области. Прямо должен заявить, когда ехал сюда, я не представлял той сложной обстановки, которая сейчас выясняется...

Сейчас уже ясно, что значительная часть руководящих партийных и советских работников замешана в связях и покровительстве врагам народа, а некоторые из них являются прямыми участниками троцкистско-бухаринской банды. ...в составе бюро оказались несомпрометированными один член бюро тов. Горбач — нач. УНКВД и один кандидат в члены бюро тов. Зайцев — зав. сельхозотделом обкома.

...работа по выкорчевыванию врагов народа... не получила должного размаха. Вследствие этого корни до конца уничтожены не были.

...несмотря на тщательную подготовку материалов и применение всего опыта, полученного мною под Вашим руководством по разоблачению врагов народа, исключение их из партии на бюро обкома проходит с большим скрипом, так как большинство членов бюро... сами замешаны в контрреволюционных связях с врагами.

...я могу опираться только на одного члена бюро...»²⁸. Алексеев спровадил Горбачу почти все свое окружение и массу районных работников партии и советского аппарата. Аресту подверглись председатель облисполкома С.А. Шварц, секретарь горкома И.М. Миллер, члены руководства И.И. Ляшенко,

А.С. Кулаков, С.Д. Костромитинов, Ф.Б. Фрумкина, И.Д. Рудаков, К.В. Рыневич, А.А. Токарев и многие другие. В июне-августе 1938-го, в период работы Выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, большинство из них расстреляли, предварительно подвергнув пыткам и жестоким допросам.

В сентябре 1938 года Алексеев как член новосибирской областной «тройки», сообщал Сталину о тысячах разоблаченных «врагов» и просил санкцию для расправы с ними²⁹.

Статистика жертв террора до сих пор является одной из наиболее сложных проблем в исследовании этого периода. В нашем распоряжении — лишь часть документов, способных прояснить масштабы акций Политбюро и его местной агентуры. Согласно официальному строго секретному отчету Новосибирского управления НКВД, в Западно-Сибирском крае (современные Кемеровская, Томская, Новосибирская области и Алтайский край) в 1937 году было репрессировано около 35-ти тысяч человек. Каждая из этих жертв приписывалась к той или иной «организации», из чего в конце концов складывалась такая «чекистская» статистика:

1. «Эсеровская террористическая шпионско-диверсионная организация». Руководители — Петелин, Горох, Осипов и др. — 617 чел.
2. «Белогвардейско-монархическая организация РОВС». — 20731 чел.
3. «Церковно-монархическая повстанческая организация». Руководитель — архиепископ Васильков. — 1562 чел.
4. «Диверсионно-повстанческая организация «Польская организация Войсковый» (ПОВ). Руководители — Лукашук, Жуковский, Сосенко. — 3953 чел.
5. «Право-троцкистская организация». Руководители — Грядинский, Воронин, Миллер, Кудрявцев и др. — 1011 чел.
6. «Сибирский филиал диверсионно-вредительской повстанческой организации «Трудовая Крестьянская Партия». Руководители — Брусницын, Марковский, Соколов. — 3617 чел.

7. «Шпионско-диверсионные террористические формирования в частях СибВО». Руководители — Кузьмин, Подарин, Ильин, Яковлев, Струсельба. — 767 чел.

8. «Шпионско-диверсионные и террористические формирования, созданные агентурой германской разведки». — 1654 чел.

9. «Шпионско-диверсионная организация среди сектантов Запсибкрая». Руководитель — красной уполномоченный евангельских христиан Кухман. — 793 чел.

10. «Контрреволюционные формирования на водном транспорте в системе Западно-Сибирского речного пароходства». Руководители — Страус, Малков. — 115 чел.

11. «Контрреволюционные формирования по объектам наркомата связи» — 52 чел.
Всего — 34872 чел.

Но эта цифра далеко неполная. Она не учитывает сотни «вредителей», осужденных судами разных инстанций. Не ясно также, входят ли в это число арестованные и казненные в лагерях и тюрьмах ГУЛАГа, и занесены ли в эту статистику жертвы так называемых «линейных» операций по изъятию национальных групп.

Уточнений и дополнений предстоит сделать еще немало.

Цель разоблачений и погромов, охвативших страну, носила характер волнообразных атак.

Ранней весной 1938 года началась вторая массовая операция³⁰. К этому времени все «агентурные разработки» местных отделов НКВД были уже исчерпаны. Но когда поступили новые московские приказы с «лимитами», каждый оперативник хорошо знал свою задачу.

«Лимиты», которые Политбюро утвердило 31 января 1938 года, превосходили задания предыдущего года. Для Омской области новая квота расстрелов увеличивалась в 3 раза, для Дальневосточного края — в 4, Красноярского края — в 2 раза. Но и эти нормы в последующие месяцы опять были повышены. Так, 10 мая Политбюро «удовлетворило просьбу» Омского обкома об «увеличении дополнительного лимита по первой категории на 1000 человек». Хозяева Иркутской области — секретарь обкома А.А. Филиппов и начальник

УНКВД Малышев — тоже просили Сталина позволить расстрелять «сверх нормы» 5000 человек, «ввиду незаконченной очистки области»³¹.

Трудно вообразить, что обсуждение подобных решений в высшем руководстве страны представляло собой рутину и могло проходить в «обычном порядке». Еще труднее это было сделать непосредственным свидетелям происшедшего — миллионам граждан великой державы.

Вновь стали исчезать целые группы «националов», «правых», «кулаков», «социально-чуждых». Их выявляли по показаниям арестованных и иным способом. «Иной способ» заключался в использовании исключительно национального признака. Чтобы иметь хоть какие-то «основания» для арестов, громилы НКВД стали прибегать к помощи домовых книг, справок, списков сельсоветов, к архивным материалам: Арестовывали всех с «подозрительными» фамилиями — Якобсон, Мартинсон, Костецкий, Вайшис, Кефалиди, Вагнер и так далее.

Как признавался один из работников Новосибирского УНКВД, Горбач и его заместитель Мальцев «дали установку арестовывать все национальности, кроме русских».

Другой сотрудник показывал: «Эстонцы арестовывались только по справкам сельсовета и даже без справок... Когда в отделении Эденберга [3 отдел УНКВД Новосибирской области — Авт.] некого уже было сажать, т.е. не было материалов, по которым можно было бы арестовывать людей, Эденберг посылал сотрудника по квартирам с удостоверением электромонтера с заданием проверять домовые книги...»³².

В Иркутске и в области «на китайцев и корейцев буквально делали облавы, ловили их по городу. Справки на арест и постановления выписывались после производства ареста». Из «кулацких поселков» забирали каждого из них, «кто мог двигаться»³³.

Арестованный сотрудник Новосибирского УНКВД Бейман рассказывал сокамерникам о том, как ликвидировал «еврейскую организацию». Его вызвал к себе начальник управления Мальцев и поручил срочно познакомиться с литерату-

рой «по сионизму», чтобы вскрыть организацию «Поалей-цион». Бейман без возражений отправился в библиотеку, взял две брошюры и в течение дня прочел их. Затем нашел одного старика-еврея, сделал его «раввином» — руководителем организации, просмотрел по спискам, в каких учреждениях работают евреи, и начертил схему разветвления «организации», назвав ее «Поалейцион». «Организация» включала в себя «ячейки» в аптеках, пунктах хранения зерна, мастерских...

«Мальцев похвалил меня за умение вскрывать организации, — говорил Бейман, — и велел арестовать людей, проходящих по меморандуму, а один экземпляр послать в НКВД СССР Ежову...

... Я успел арестовать только 250 человек и конвейерным допросом оформить на них дела... Всего же при мне по протоколам проходило до 800 человек... но я уже не успел остальных арестовать, потому что сам был арестован»³⁴.

Арестованы были многие учителя немецкого языка.

Поскольку прокурорский надзор давно превратился в пустую формальность, поступление арестованных в камеры НКВД происходило без затруднений. Чтобы не возникало задержки в работе следственного конвейера, прокурор Новосибирской области И.И. Барков перешел на ускоренное обслуживание работников НКВД: он просил вместо справок подавать коллективные списки для санкции на арест³⁵. В марте 1938 года Барков сам оказался арестованным за «связь с врагами народа». После нескольких попыток следователей силой добиться от него признательных показаний он покончил с собой, выбросившись из окна верхнего этажа здания УНКВД.

Вслед за Барковым исчезли прокуроры основных промышленных городов — Сталинска, Прокопьевска, Новосибирска, Томска, Ленинск-Кузнецка и многих районных центров.

Аресты и уничтожение людей производились невероятно высокими темпами. По основным, «линейным», приказам дела оформлялись в течение 2–3 дней, а санкция прокурора на арест не требовалась вообще. Московское руководство постоянно торопило, и это приводило к тому, что расстрелы арестованных производились иногда без всяких следственных проце-

дур. Известен факт, когда по приказу И.А. Мальцева в отношении «группы эсеров» сначала «был приведен в исполнение приговор, а потом вели следствие»³⁶.

В структурах государства и партии аресты носили характер поголовного истребления. Уже упоминавшийся начальник УНКВД Горбач рассказывал доверенному лицу, что он и его помощник Мальцев «арестовали по три состава районного и областного руководства»³⁷.

В некоторых городских учреждениях исчезли целые коллективы. Оставались лишь единицы служащих, не попавших в число «врагов народа». В тресте «Запсибзолото» и его приисковых управлениях НКВД изъяло почти всех управленцев. «Большинство отделов было на замке, исполнять распоряжения по аппарату было некому»³⁸.

Из шести членов Союза писателей СССР, проживавших в Новосибирской области, арестованными оказались все до одного — Ансон, Итин, Ошаров, Кравков, Гинцель, Вяткин³⁹.

Террор искажал сознание людей и порождал безумные мифы. У многих в тот период существовала иллюзия постоянного присутствия врагов и вредителей. Подозрения возникали на голом месте. В то же время этот закономерный результат террора сам по себе признавался фактом деятельности тех же врагов. На одном из партийных собраний февраля 1938 года второй секретарь Новосибирского обкома Лобов говорил:

«... наши враги стараются создать представление, что врагов повсюду много, стремятся посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших парторганизациях — это несомненно... создание подозрительности, что врагов много, распространяется даже на таких вещах как плакаты, что будто бы у тов. Андреева на костюме фашистский значок.

...что есть вот тетрабочка, а на ней есть изображение Вещего Олега, и там написано «Долой ВКП» и так далее.

Эта вражеская работа распространяется на плакатах, учебниках по истории Советского Союза, она распространяется и на нашем текстиле. Здесь один из бюрократов Главхлоппрома, из краевой конторы, прислал образец и говорит, что есть фашистские знаки. Мы рассматривали в лупу эти знаки и абсолютно ничего не нашли.

...надо проверять того, кто сигнализирует, не является ли он сам пособником фашизма, посмотреть его хозорганизацию, нет ли у него агентов фашизма»⁴⁰.

Количество арестованных в 1938 году было, по-видимому, значительно больше, чем год назад. Свидетельством этого служит тот факт, что для участия в операции были мобилизованы абсолютно все сотрудники НКВД, включая обслуживающий персонал. В проведении допросов принимали участие даже шоферы. Майор госбезопасности Мальцев говорил: «У нас в Сталинске и Новосибирске шоферы дают в день по 12–15 дел»⁴¹.

В одном из отделений НКВД Марининска было обнаружено, что «арестованных допрашивала уборщица»⁴².

Во многих районах Сибири аресты и допросы производились силами милиции. Милиционерам пришлось участвовать даже в пытках арестованных, и совершалось это в местных райотделах РКМ. «...В Бодайбинском районе в 1938 году... с января по май все комнаты РО милиции были набиты арестованными. Арестованных приводили, ставили и не отпускали в тюрьму до тех пор, пока не получали показания... Когда арестованный садился или падал, милицейский состав поднимал его пинками»⁴³.

О беспрецедентных масштабах операции говорят также получившие огласку примеры деяний отдельных палачей из НКВД. Известно, например, что некоторым невысоким чинам удавалось произвести аресты до 3–4 тысяч человек. Одним из таких, в частности, был Б.П. Кульвец — зам. начальника 3 отдела УНКВД Иркутской области. В докладной записке наркому Ежову говорилось, что «Кульвец арестовал около 4-х тысяч человек». За «заслуги» его представили к награде, но затем приговорили к 10-ти годам лишения свободы⁴⁴.

Для многих советских граждан жизнь разделилась на две части: до и после ареста. Этот трагический излом в судьбе миллионов людей описан теперь достаточно подробно многими талантливыми исследователями и писателями. Самый глубокий анализ содержат работы Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Роберта Конквеста. Публикация серии

воспоминаний в последние годы и открывшиеся архивные источники позволяют узнать нам и о судьбах узников в Сибири.

Арест для любого человека был лишь первым актом его трагедии. За ним начиналось так называемое следствие, в ходе которого добывались необходимые показания.

Использование пыток при допросах арестованных не являлось инициативой НКВД. В известном письме Сталина от 10 января 1939 года говорилось, что «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП». Ежов с своими заместителями Жуковским, Бельским, Фриновским и многочисленным аппаратом были всего лишь простыми распространителями этой директивы и ее исполнителями.

Можно сказать, что насилие в следствии применялось по определенному правилу: начальники НКВД истязали советских и партийных руководителей, нижние чины пытали «простых граждан».

Во время поездки на Дальний Восток осенью 1937 года Фриновский изучал ход следствия по делу иркутской «правотроцкистской организации». Следствие протекало вяло, поэтому замнаркома решил дать несколько «уроков». Он жестоко избил бывшего второго секретаря обкома С.П. Коршунова и получил требуемые показания на Зирниса — бывшего начальника УНКВД — и его подчиненных. Таким же способом он заставил дать показания председателя облисполкома Я.З. Пахомова, Л.Л. Паперного, секретаря крайисполкома И.А. Бялого⁴⁵. Бялого, как впрочем и многих других граждан, избивал на допросах и начальник Иркутского УНКВД Г.А. Лупекин.

Г.А. Лупекин

Конечно, для сибирских условий пример с Фриновским был все же исключением. Но он подтверждает существование некоего иерархического «порядка» добывания признаний. Обычно в местных управлениях НКВД признания из арестованных руководителей выбивали начальники отделов и отделений. Арестованный называл «соучастников», иногда до нескольких десятков человек, а затем за новых арестантов брались остальные работники НКВД.

Большинство авторов, описывающих способы истязания арестованных, называют в основном пытку «конвейером». В отделениях НКВД это был самый распространенный вид выколачивания показаний. «Конвейер», как непрерывный допрос с избиениями, обычно продолжался до тех пор, пока арестованный не сдавался. В зависимости от упорства человека и его физических возможностей, пытка могла протекать от 2-х до 30-ти суток, а иногда и больше.

Сохранились свидетельства о том, как использовался «конвейер» в Новосибирском УНКВД, когда начальниками были Горбач и Мальцев.

Секретаря Октябрьского райкома партии Новосибирска Н.Ф. Силантьева арестовали в октябре 1937-го и, не помещая в камеру, сразу доставили в кабинет к следователям Большакову и Пастаногову. Ему устроили непрерывный допрос, который продолжался более месяца.

«Его пытали, не выпускали из кабинета, есть давали один раз в день через 3–5 дней и не давали спать, заставляя все время сидеть на устроенной для пыток табуретке, и когда, сидя на табуретке он, измученный, дремал, Большаков избивал его кулаками под бок. 60 часов Большаков и Пастаногов продержали его на ногах, пока он не упал, так как ноги опухли...

На 30-й день пыток... у него открылся процесс туберкулеза и началось кровохарканье...

Силантьев не согласился писать лжи, начал просить, чтобы ему дали возможность полежать на полу в комнате, если они не хотят отпустить его в камеру. Ему ответили, если писать не будешь, здесь сдохнешь, и опять заставляли сидеть на табуретке... Кровохарканье усиливалось, и на 33-й день началось сильное кровотечение. Когда кровь начала заливать пол,

Силантьева увели в камеру, в которой сидел (...) известный троцкист провокатор Франконтель...

Под руки Силантьева ввели в камеру, так как он уже не мог ходить. Ноги его от выстойки опухли, кровь лилась из легких. Франконтель снял ему сапоги, разрезав голенища и начал уговаривать Силантьева дать показания... в июне 1938 года он умер»⁴⁶.

Редко кому удавалось продержаться так долго, как Силантьев. Обычно арестованных ломали в течение нескольких суток. Директора Сиблестреста Масленникова заставили сдать через 8 суток. В результате страшных побоев он попал в тюремную больницу и вскоре скончался...

Районный прокурор Мариинска Гранин продержался на «конвейере» 7 суток, а затем «признался». Заведующего РайЗО Убинского района Шелегова сломили через 5 суток⁴⁷.

В ходу были самые изощренные способы использования «конвейера» для получения подписи арестованных. Сначала жертву убеждали подписать «признание» потому, что «так нужно Советской власти, а тебя освободят». Если это не помогало, начинался другой «разговор».

В одном из районных отделов Иркутского УНКВД «как правило, арестованные стояли с поднятыми вверх руками, а в общем отстойнике — в очерченном круге, и малейший выход из круга вызывал пинок милиционера по ногам. ...Были случаи, когда арестованные в этих отстойниках простаивали на ногах по 46 суток, у них опухали ноги, отдельные от бессонницы и стоянок сходили с ума... Были случаи, когда арестованные китайцы стояли в отстойниках до тех пор, что тут же падали и тут же умирали». ... Было много случаев, когда арестованные в камерах сходили с ума, умирали, шли на самоубийство...»⁴⁸.

Существовали также пытки особого рода. Их применяли лишь в отношении «избранных» арестантов — представителей партийно-государственной элиты, от которых желали получить признания важного свойства. Капитан госбезопасности Я.П. Нелиппа, арестованный Омским УНКВД в 1937 году, общал следствию о 20 видах пыток, испытанных им в течение 4-х месяцев «конвейерных» допросов. Недавний член област-

ной «тройки», сам отправлявший на смерть сотни невинных людей, так описывал собственные страдания:

«Что конкретно применялось:

1. Умертвление и воскрешение. Это ужасная пытка: жертве закладываются руки за спину, выгибается грудь вперед и в это время наносятся со всего размаха, со всей силой удары в сердце, легкие и по голове. От этого удара парализуется деятельность сердца, парализуется дыхание, и я в смертельных судорогах пластом валился на пол. Применяя всевозможные средства — искусственное дыхание, нашатырный спирт и прочее, вплоть до вливания камфоры, меня «воскрешали», приводили в чувство и опять повторяли то же.

2. Пытка электричеством: прикреплялся электропровод к спине и рукам, затем включался ток и наносился удар его с такой силой, что я без чувств опять снопом валился на пол.

3. Пытка спец. ударами в позвоночник, отчего валился в бессознательном состоянии на пол, «воскрешали» и опять повторяли.

4. Пытка путем замораживания в рубашке, облитой водой.

5. Выкручивание рук до сильного опухания в плечах, изгибах, а затем по опухшим плечам ежечасно наносились сильные удары кулаками, причиняя ужасные боли...»⁴⁹.

Ни для одной категории жертв не делалось исключений или хотя бы снисхождения. Многим арестованным женщинам пришлось испытать действие «конвейера» в такой же мере, как и мужчинам. В этой связи есть немало свидетельств об ужасных унижениях и страданиях, пережитых женщинами во время допросов.

Т.А. Хитарова, отсидевшая в сталинских лагерях много лет, в своих мемуарах делится тяжелыми впечатлениями о женской доле в застенках НКВД. Она пишет о таком случае на следствии в Новосибирской тюрьме:

«М.М. Грядинскую, жену председателя Новосибирского крайисполкома, коммунистку с большим партийным стажем, поздно ночью вызвали на допрос. Во время допроса она почувствовала себя плохо и попросила вызвать медсестру. Следователь отказал ей в этом. Он сидел, она стояла перед ним. Тогда она, арестованная, попросила разрешения сесть. Он от-

казал ей и в этом. У женщины открылось сильнейшее кровотечение. Она заявила, что будет кричать, если он не даст ей стул. Он разрешил ей взять стоявший в углу стул. Она несколько часов сидела в луже крови, струйками кровь стекала на пол. Силы покидали ее. Но клеветнический протокол не подписала»⁵⁰.

Другой источник сообщает: «Арестованная работница Бодайбинского райздравотдела Гордеева, стоя, преждевременно родила мертвого ребенка»⁵¹.

Страна была охвачена страхом. Никто не мог чувствовать себя безопасно и оставаться вне подозрений. Местная печать постоянно сообщала о новых арестах, открытых судебных процессах над «саботажниками» и «вредителями», знакомила население с «приемами подрывной деятельности иностранных разведок». Любое собрание членов партии и комсомольцев представляло собой процедуру унижительных выяснений подробностей чьей-то личной жизни и подозрительных связей. На фоне арестов шла бесконечная череда публичных разбирательств — кто с кем был знаком, где жил, в какой семье родился и кем воспитывался. Анкетные данные стали играть решающую роль в определении не только карьеры, но самого существования человека.

О развитии этой кровавой драмы Сталин получал регулярную информацию с мест.

В сентябре 1938 года секретарь Новосибирского обкома Иван Алексеев в своем отчете докладывал ему:

«Продолжая работу по выкорчевыванию остатков правотроцкистской, фашистской агентуры, за последние пять месяцев по области разоблачены как враги народа ряд ответственных партийных, советских и хозяйственных работников.

В период проведения отчетно-выборной кампании руководящих парторганов была вскрыта вражеская деятельность ряда секретарей райкомов и горкомов ВКП(б). В результате разоблачены как активные участники правотроцкистской организации: ГЛАДКОВ — первый секретарь Горношорского райкома ВКП(б), КОЖЕВНИКОВ — секретарь Северного райкома, МАРКЕЛОВ — секретарь Тоугинского райкома, ПРЕЛОВ — секретарь Убинского райкома, МАРСАКОВ — сек-

ретарь Чулымского райкома, ПАВЛОВ — секретарь Томского горкома ВКП(б) — все они исключены из партии и органами НКВД арестованы».

Алексеев перечислил далее группу других работников партийного, хозяйственного аппарата и прокуратуры. После этого он обрисовал ситуацию в Кузбассе:

«В настоящее время органами НКВД в городе Кемерово вскрыта разветвленная право-троцкистская организация, возглавлявшаяся бывшим управляющим Кемеровокомбинатстроя троцкистом КАТТЕЛЬ, секретарем горкома ВКП(б) РЫНЕВИЧЕМ, предгорсовета ТОКАРЕВЫМ и командиром 71 дивизии УЛАСЕВИЧЕМ (все арестованы, в к.-р. деятельности сознались). В организацию входило 139 чел., из них арестовано и призналось 66 чел., подлежат аресту 71 человек. (...)

В течение последнего года органами НКВД изъято и осуждено по Кемеровскому военно-промышленному району к.-р. элемента 4746 человек. В период ликвидации право-троцкистской организации дополнительно установлено в Кемерово 1000 человек активного кулацко-белогвардейского элемента, ведущего к.-р. работу.

В связи с наличием большого количества дел, подлежащих разбору, прошу Вашего разрешения рассмотреть эту тысячу дел на Тройке»⁵².

Осенью 1938 года в политике террора произошел важный поворот: кампания арестов резко оборвалась. «Существует много теорий относительно мотивов действий Сталина на протяжении всего этого устрашающего периода, — пишет Роберт Конквест. — Многие исследователи до сих пор задаются вопросом — почему Сталин прекратил террор на этой стадии? По нашему мнению — просто потому, что террор достиг крайнего предела. Продолжать было невозможно — экономически, политически и даже физически: следователей больше не было, тюрьмы и лагеря были забиты до отказа»⁵³.

Конквест прав, и его вывод находит подтверждение открывшимися теперь фактами.

Так, заместитель начальника УНКВД по Новосибирской области К.К. Пастаногов после своего ареста в 1939 году пока-

зывал, что во второй половине 1938 года он возбудил ходатайство об аресте очередной «организации» — не менее 100 человек «церковно-монархического актива». Но его начальник Мальцев отменил операцию, мотивируя тем, что «попов сажать некуда»⁵⁴.

Если некуда было сажать сотню «попов», то как следовало поступить с тысячами других арестованных? Ясно, что сталинцы достигли таких масштабов террора, поддерживать которые были уже не в силах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия. 1937. 29 марта.

² ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 841, л. 42—43.

³ Там же, д. 839, л. 29—35.

⁴ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 7217, т. 11.

⁵ Там же; Доклад УНКВД по Новосибирской области об итогах оперативной работы за 1937 год. Приложение.

⁶ Источник. 1994. № 1. С. 103.

⁷ Правда. 1937. 11 июля.

⁸ Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 года в Большом театре. М., Партиздат, 1938. С. 13.

⁹ Труд. 1992. 4 июня.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995. С. 42.

¹² ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 80, л. 24—25.

¹³ Архив ФСБ по Новосибирской области, Доклад УНКВД... С. 16.

¹⁴ Советская Сибирь. 1937. 5 октября.

¹⁵ Восточно-Сибирская правда. 1937. 23 октября.

¹⁶ Альбац Е. Мина замедленного действия. М., 1992. С. 335.

¹⁷ Шрейдер М. Указ. соч. С. 90.

¹⁸ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 80, л. 29; ф. 460, оп. 1, д. 10, л. 115.

¹⁹ Военно-исторический журнал. 1993. № 2. С. 76.

²⁰ Кузбасс. 1989. 26 ноября.

²¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 21, д. 2373, л. 102; ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 854, л. 3об.

²² ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 872, л. 3об.

- ²³ Там же, оп. 2, д. 870, л. 25.
- ²⁴ Ленинский шахтер. 1937. 9 сентября.
- ²⁵ См.: Восточно-Сибирская правда. 1937. 2, 3, 9 октября, 23 ноября.
- ²⁶ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 65, л. 62–63.
- ²⁷ Там же, оп. 33, д. 3, л. 135.
- ²⁸ Там же, оп. 34, д. 5, л. 23–28.
- ²⁹ Там же, д. 48, л. 105–107.
- ³⁰ Там же, д. 80, л. 36.
- ³¹ Архив Президента РФ, Протоколы Политбюро («особая папка»).
- ³² Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4502.
- ³³ Архив ФСБ по Иркутской области, д. 5387.
- ³⁴ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 74, л. 178–179.
- ³⁵ ПАНО, ф. 460, оп. 1, д. 10, л. 115.
- ³⁶ Там же, д. 9, л. 69.
- ³⁷ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4504, т. 7.
- ³⁸ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 82, л. 6.
- ³⁹ Там же, оп. 33, д. 116, л. 31.
- ⁴⁰ Там же, оп. 34, д. 38, л. 263–264.
- ⁴¹ Красное знамя (Томск). 1989. 9 августа.
- ⁴² ПАНО, ф. 460, оп. 1, д. 10, л. 112.
- ⁴³ Архив ФСБ по Иркутской области, д. 5387.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, д. 1527.
- ⁴⁶ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 74, л. 148–150.
- ⁴⁷ Там же, л. 151–153.
- ⁴⁸ Архив ФСБ по Иркутской области, д. 5387.
- ⁴⁹ ПАОО, ф. 17, оп. 5, д. 133, л. 37–38.
- ⁵⁰ Картель И.А., Сизов В.И., Хитарова Т.М. Пока дышу — надеюсь. Кемерово, 1991. С. 289.
- ⁵¹ Архив ФСБ по Иркутской области, д. 5387.
- ⁵² ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 48, л. 105–107.
- ⁵³ Роберт Конквест. Большой террор. Пер. с англ. Флоренция, 1974. С. 584.
- ⁵⁴ Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 4944, т. 2.

ГЛАВА VI. ПРЕДВОЕННЫЕ МАНЕВРЫ

1. ИЗМЕНЕНИЯ В КАРАТЕЛЬНОЙ МАШИНЕ

Разгромить, посадить врагов народа — почетная обязанность.

Г.А. Борков, секретарь
Новосибирского обкома. 1939 г.

Большой террор был остановлен совершенно внезапно, в момент своего высшего развития. Его основные цели считались достигнутыми. Те, кого относили к потенциально опасным элементам общества, были разгромлены. Исчезли целые группы населения, не внушавшие доверия режиму, уничтожен большой слой управленцев, специалистов и работников партийно-государственного аппарата, которых Сталин признал неспособными строить с ним коммунизм в СССР. В кругах НКВД завершившаяся чистка оценивалась «как выигранный крупного военного сражения»¹.

Однако самих «победителей» ожидала участь таких же жертв, какими стали миллионы советских людей в годы террора. По установившейся традиции за допущенные «ошибки» и «перегибы» кто-то должен был понести ответственность. Разумеется, это могли быть только сами исполнители террора.

Новая политическая кампания, которую Сталин начал осенью 1938 года, носила название «восстановление революционной законности». Ее первыми жертвами были прокурорские работники.

В октябре в Омске состоялся судебный процесс, организованный под эгидой Верховного Суда РСФСР. Судили прокурора области И.И. Бусоргина, действовавшего во второй половине 1937-го и начале 1938 года, а с ним — начальника следственного отдела облсуда В.И. Никифоровского. Оба обвинялись

в «преступной халатности и превышении полномочий», а точнее — за предание суду почти 500 человек по «контрреволюционным» статьям. «Преступление» выявилось, как только появились признаки ослабления террора и возникла необходимость в «козлах отпущения». За усердие по искоренению «врагов народа», суд приговорил прокурора к двум годам лишения свободы, а судебного следователя оправдал, объявив ему «общественное порицание»².

За аналогичные преступления был осужден и прокурор Новосибирской области Новиков³. На прокурора списали все грехи за массовое привлечение к уголовной ответственности «советско-колхозного актива», хотя было очевидно, что он выполнял лишь тайные директивы члена Политбюро Андреева, действовавшего за спиной местных администраторов в период кампании «хлебозаготовок». Андреев, как пишет Хрущев, повсюду оставлял один след: «Куда он ни ездил, везде погибало много людей, и в Белоруссии, и в Сибири»⁴.

Для подготовки устранения кадров, превратившихся в политический балласт, осенью 1938 года в Сибирь прибыл Шкирятов. Его визит проходил в обстановке повышенной секретности. В Новосибирске сталинский эмиссар ознакомился с материалами областной прокуратуры и побывал в областном управлении НКВД. Здесь он рассмотрел несколько дел, а затем провел ряд личных бесед с сотрудниками⁵. Начальник УНКВД Мальцев, почувствовав опасность, попытался застраховаться: перед приходом Шкирятова он собрал своих подчиненных и приказал помалкивать о «несвойственных методах следствия». Но, как выяснилось, «методы» никого всерьез не интересовали.

Шумиха была поднята главным образом вокруг фактов «провокационной работы» прокуратуры и «извращений в партийно-политической работе».

2 ноября 1938 года ЦК и Совнарком СССР приняли постановление «Об ошибках руководства Новосибирской областной партийной организации», в котором обком ВКП(б) во главе с И.И.Алексеевым обвинялся в том, что область не смогла вовремя собрать урожай, а сами партийные руководители

«встали на путь массовых огульных арестов колхозно-советского актива»⁶.

Алексеев был снят со своего поста, арестован, а затем расстрелян. Его преемником стал Геннадий Борков.

В ноябре местные партийные комитеты и управления НКВД получили постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., которое официально объявляло об очередном политическом кульбите Сталина. Постановление носило название: «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Как и другие документы, рассчитанные на партийных функционеров, оно содержало два традиционных положения: подчеркивалась «правильность» «генеральной линии» Политбюро и осуждались «неправильные» способы ее осуществления исполнителями.

Постановление заявляло, что борьба с врагами народа не закончена и, следовательно, должна продолжаться.

Основная часть документа содержала критику «недостатков» в работе НКВД и прокуратуры. Говорилось, что «работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенными способами, путем практики массовых арестов». Осуждался «глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования», основанный на признаниях самого обвиняемого. И наконец, провозглашались новые методы карательной политики: запрещались массовые операции по арестам и выселению граждан, объявлялось о ликвидации судебных троек, созданных в порядке особых приказов НКВД СССР, а также троек при областных, краевых и республиканских управлениях милиции⁷.

Таким образом, партия очередной раз исправляла «перегибы» и «отдельные недостатки», принципиально ничего не меняя.

На собрании работников НКВД новый секретарь Новосибирского обкома Г.А. Борков разъяснял смысл постановления ЦК и СНК СССР:

«...будет совершенно неправильно понимать это решение, как решение, которое должно ослабить наш аппарат, внимание органов НКВД и судебно-следственного аппарата в вопро-

сах борьбы с контрреволюционными и иными преступлениями. Безусловно, если кто так понимает, — это неправильно.

Решение Центрального Комитета партии обязывает нас умножить нашу большевистскую бдительность, усилить борьбу с врагами народа... разоблачительная работа, выкорчевывание вражеских остатков должно продолжаться еще более напряженно, с еще более нарастающими темпами, но должно продолжаться иными методами, методами, которые записаны в Сталинской Конституции...»⁸.

Борков угадывал лишь основное направление политики Сталина, но он не мог знать кому готовилась роль жертвы на этот раз.

Между тем, изменения в карательной машине вновь начинали принимать драматический характер. После устранения Ежова с поста наркома внутренних дел и появления на его месте Берии, старый аппарат НКВД фактически был обречен. В течение ближайших месяцев его ожидала кровавая чистка, которая должна была продемонстрировать готовность режима вернуться к «революционной законности». Партии давали понять, что руководство страны, борясь с врагами и вредителями, решительно ликвидирует «извращения карательной политики». Оно вскрывает недостатки и наказывает виновников «необоснованных репрессий».

Обсуждение Постановления ЦК и СНК от 17 ноября вызвало в среде «чекистов» настоящую панику. Аресты в НКВД в ежовский период были страшны, но они не шли ни в какое сравнение с новыми веяниями. Тогда говорили лишь об отдельных «перегибах» и «предательствах», прибегая к арестам избирательно. Теперь признавалась негодной как бы вся прежняя методика НКВД. Все переворачивалось и приобретало обратный смысл: то, что раньше именовалось «большевистским», стало «небольшевистским», «партийное» — «непартийным». Многие «чекисты-орденоносцы» объявлялись провокаторами и врагами, проникшими в органы НКВД с целью их дискредитации.

В середине декабря 1938 года была отменена августовская директива об упрощенном ведении следствия и восстановлено действие уголовно-процессуального кодекса⁹.

Затем без широкой огласки на свет извлекли несколько «контрреволюционных дел», выходящих за рамки «советской карательной политики», чтобы дать наглядный пример исправления «ошибок». В Новосибирском обкоме ВКП(б) было рассмотрено дело об аресте 17 подростков, арестованных работниками Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД по обвинению в террористической деятельности. Расследование установило, что подростки, 14 из которых были несовершеннолетними, попали за решетку по приказу Горбача и Мальцева в апреле 1938 года. К ним применили пытки и заставили признать себя завербованными в «фашистскую организацию». Выяснилось также, что как только дело было переправлено из Ленинск-Кузнецка в Новосибирск, в управление НКВД, к Пастаногову, «организация» увеличилась до 160 человек. Через 13–17 дней часть подростков отпустили, но 8 человек продержали под арестом около 8-ми месяцев. Самые младшие «террористы» были в возрасте 12–13 лет¹⁰.

Дело этой «молодежной организации» послужило началом кампании бурных раскаяний и разоблачений. Последовали вызовы в обком партии, создание различных комиссий, среди самих сотрудников НКВД поползли зловещие слухи о предстоящей ответственности за «искривления в следствии».

В январе 1939 года И.А. Мальцев был вызван в Москву и арестован. Ему предъявили обвинение в фальсификации дел, производстве необоснованных арестов и применении незаконных методов следствия. В мае 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла ему приговор — 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Спустя несколько месяцев Мальцев, находясь в заключении, умер при не вполне ясных обстоятельствах¹¹.

К.К. Пастаногов

Тихо убрали и заместителя Мальцева — капитана госбезопасности А.С. Ровинского — одного из руководителей массовых операций НКВД в Западной Сибири. Ему подыскали теплое место в Магадане, в аппарате «Дальстроя» НКВД.

Один за другим исчезли начальники управлений во всех краях и областях Сибири. Из прежнего состава руководителей УНКВД в 1940 году в живых оставались, по-видимому, только бывшие начальники Красноярского УНКВД Павлов и Леонюк. В данный период оба занимали высокие посты в ГУЛАГе.

Все остальные начальники были расстреляны: Заковский, Алексеев, Миронов, Успенский, Гречухин, Горбач, Попов, Зириис, Лупекин, Залпетер, Салынь, Валухин... Покончили с собой: Карущий и Курский. Одним из последних был казнен начальник Иркутского УНКВД Малышев. Его расстреляли в 1941 году*.

Но еще большие потери понес низовой аппарат НКВД. В результате проведенных проверок были арестованы многие активисты террора как в областных управлениях, так и на периферии. Трудно определенно сказать, по каким причинам одним из них сохранили жизнь и даже помогли избежать тюрьмы, а других предали смерти. Тут срабатывали разные обстоятельства и главным образом — личные связи и знакомства. По крайней мере существуют свидетельства, позволяющие утверждать именно так.

Когда в Новосибирск прибыли новые начальники управления — Г.И. Кудрявцев и его заместитель Ф.М. Медведев, — местный аппарат НКВД был совершенно деморализован. Многих работников охватывал ужас только от одной мысли, что факты их участия в пытках будут преданы гласности. Другие, не успевшие запачкаться кровью, боялись допустить малейшую оплошность и пустили следственную работу на самотек.

Этот паралич в НКВД явился неожиданным благоприятным фактором, которым тут же воспользовались многие узники в следственных камерах. Пока «чекисты» трепетали от страха за свою шкуру, арестанты стали дружно отказываться от вынужденных показаний. «Арестованные фактически разнуз-

* Сведения А.Г. Теплякова.

дались до невозможности», — отчаянно восклицал работник Новосибирского УНКВД В. Качуровский, сам ожидавший ареста за применение пыток. Он с возмущением писал секретарю обкома Боркову:

«У нас сейчас принял хронический характер повсеместный отказ арестованных от своих показаний. Все это знают, все видят и никто ничего не делает... Вызываешь на допрос, а он с тобой не хочет вообще разговаривать, а не только по показаниям. Все надеются на освобождение. С таким положением мириться невозможно... Такое положение продолжает иметь место особенно по делам о шпионаже, где, кроме личного признания, в ряде случаев документов, подтверждающих вину, не найдешь.

...Последнее время пачками стали поступать заявления о пересмотре дел и, как правило, во многих заявлениях, или, как их называют, «телегах», обвиняют следователей в принуждении к показаниям. Это стало уже модным явлением, и если обобщить эти факты, то получается, что в нашей тюрьме вообще виновных нет»¹².

В тех условиях, как известно, многим арестованным удалось добиться освобождения. Но это был результат лишь временного ослабления террористической машины, а не какой-то новой политики. Через 3–4 месяца система была выведена из состояния кризиса и начала действовать в привычной для себя обстановке. Прежнего количества арестов больше не было. Изменился и способ, по которому граждан отправляли за решетку, — он принял «законную» форму, то есть аресты теперь санкционировались прокурором. Однако сами причины, по которым продолжали уничтожать людей, и степень жестокости режима оставались неизменны.

В 1939 году Новосибирский областной суд осудил 290 человек за «контрреволюционные преступления» (ст. 58-2, 58-7, 58-14 УК). За хозяйственный «саботаж» (это был только «сельский и колхозный актив») было осуждено: в 1939 году — 898, в 1940 — 878 человек. Некоторых приговорили к расстрелу¹³.

То же самое происходило и в других областях Сибири. В Красноярском крае за 1940 год осудили 260 человек, «занимающихся контрреволюционной деятельностью», в основ-

ном — «агитацией и пропагандой, направленной на подрыв советского строя» (168 человек). За 5 месяцев 1941 года в крае арестовали и посадили по этим же мотивам еще 167 человек. Официальный судебный отчет сообщает, что арестованные были членами «повстанческих и баптистских организаций», «террористических групп», а также «антисоветских групп» среди студентов педагогического и лесотехнического институтов и школы железнодорожных техников. «Агитация и пропаганда» выражалась в «клевете на материальное положение трудящихся в СССР», «дискредитации вождей ВКП(б)», «распространении религиозных взглядов», «восхвалении врагов народа»¹⁴.

Эти данные относятся только к тем делам, которые проходили через краевой суд. Остается неизвестным, однако, число арестов и казней, произведенных управлением НКВД Красноярска.

Террор менял свои формы. Один за другим сменялись и его исполнители. Но незыблемым оставалась власть НКВД. Постоянная угроза и страх, распространяемые повсюду этим ведомством, неограниченные возможности уничтожения кого бы то ни было превращали в фикцию любые попытки установить даже самый осторожный контроль за судьбой граждан, попавших в сети НКВД. Несмотря на высокие постановления, прокуроры «знали свое место» и не пытались всерьез вмешиваться в работу «органов». Чаще всего их просто не подпускали к проверке следственных дел. Военный прокурор Салатов откровенно признавал:

«Надзор за органами НКВД в военной прокуратуре Томской железной дороги сводится главным образом к даче санкций на арест.

... по существу, надзора в подлинном смысле этого слова прокуратура не осуществляет.

...как правило, прокуратура под разными предлогами отстраняется от участия в делах в процессе их расследования»¹⁵.

В январе 1941 года краевой прокурор Красноярска Дорогов сообщал лишь о «первых шагах, предпринятых прокуратурой в деле практического участия в следствии...»¹⁶.

Оставаясь по-прежнему за гранью ответственности, работники НКВД действовали так, как подсказывал старый опыт.

Арестованных «врагов народа» вскоре вновь стали избивать и мучить, невзирая на последствия завершившейся чистки. Это делалось на совершенно «законных» основаниях, установленных лично Сталиным.

В январе 1939 года всем секретарям обкомов и начальникам УНКВД была разослана сталинская шифровка, в которой давалось указание не препятствовать применению пыток «в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников». Сталин пояснял, что «на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими ... но этим несколько не опорачивается самый метод, поскольку он правильно применяется на практике»¹⁷.

Сталинские указания были немедленно доведены до сведения палачей. Когда в Новосибирском УНКВД в апреле 1939 года был поднят шум по поводу «несвойственных методов», выступивший секретарь обкома Г. Борков почти дословно повторил директиву вождя:

«...Насчет несвойственных методов... Мы от них и сейчас не отказываемся. Что за псевдоморализм, когда иностранные разведки к нашим братьям применяют пытки, издевательства, а мы — должны быть гуманны. Надо знать к кому применять репрессии и как их применять, но, повторяю, — это крайняя мера, репрессии надо применять, когда все другие меры использованы. А вы применяли повально, без всяких ограничений...»¹⁸.

Возможно, некоторые «чекисты» в своих «методах» заходили слишком далеко или факты истязаний получали излишнюю огласку, поэтому в ряде случаев власти могли официально «отреагировать» на «извращения законности». В октябре 1940 года бюро Новосибирского обкома разбирало дело трех следователей НКВД, которые избивали арестованных, причем один из следователей был уличен в проведении пыток, находясь в состоянии опьянения, и в краже вещей арестантов¹⁹. Разбирательство привело к тому, что истязателей отстранили от следственной работы²⁰.

Аппарат НКВД и его обширная агентурная сеть контролировали практически все сферы жизни и деятельности общест-

ва — поставки сырья на предприятия и сенокос в колхозах, учебный процесс в институтах и личную жизнь граждан. Систематическое тайное наблюдение велось не только за каждым ответственным лицом, но и за большинством взрослого населения вообще, превращая таким образом любого человека в потенциальную жертву. Все, вплоть до самых сложных производственных, технологических процессов, было предметом политики, а, следовательно — объектом внимания НКВД. В Новосибирский обком ВКП(б) в 1940 г. поступали подробнейшие справки «чекистов» о «превышениях стандарта зольности углей на шахтах Прокопьевского рудника», о «срывах планов погрузки угля и графиков подачи порожняка», о «ходе весеннего сева» и масса других меморандумов того же свойства.

Аппарат НКВД был не просто составной частью созданной структуры управления, он исполнял роль одного из основных ее двигателей.

Все последующие изменения в карательной политике Сталина были связаны с положением в экономической сфере. Советско-финская война зимой 1939—1940 года обнажила многие слабости хозяйственной системы. Проблемы заключались в низкой эффективности труда на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах, в хроническом дефиците многих видов товаров и низком качестве выпускаемой продукции. В условиях неотвратимо надвигавшегося военного конфликта с Германией экономические трудности приобретали особую остроту. Необходимо было принимать срочные меры, и режим стал «завинчивать гайки» посредством ужесточения антирабочего законодательства.

Летом 1940 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня «О переходе на 8-ми часовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»²¹.

Через месяц, 17 июля, объявляется Указ о запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в МТС.

На основании этих двух документов в стране была развернута кампания судебных преследований сотен тысяч рабочих,

крестьян и служащих советских учреждений. Указы предусматривали две основные меры наказания: за прогул — до 6 месяцев исправительно-трудовых работ; за опоздание на работу, превышающее 20 минут, и за самовольный уход с работы — до 4 месяцев тюремного заключения.

Первые недели осуществления Указов показали, что руководители заводов и фабрик не приняли программы преследований рабочих так, как этого желал Сталин. Поэтому в июле 1940 года Пленум ЦК ВКП(б) обвинил представителей государства в «преступном бездействии» и потребовал ужесточить обращение с рабочими. Решение Пленума выразилось типичным сталинским языком:

«Прокуратура, на которую Указ возложил прямые обязанности карать летунов и прогульщиков, работает недопустимо плохо.

...Многие директора предприятий вместо того, чтобы полностью использовать предоставленную им власть и не бояться насаждать дисциплину, хотя бы путем применения репрессий, либеральничают с прогульщиками и дезорганизаторами производства, уклоняются от отдачи их под суд и фактически не насаждают дисциплину, а только болтают о ней.

Пленум ЦК осуждает такое поведение директоров и считает, что за установление твердой дисциплины на предприятии отвечает прежде всего директор, так как он является хозяином дела...»²².

После этого поступление дел в суды на «нарушителей дисциплины» резко увеличилось. Практика применения Указов, чудовищная по природе самого сталинского законодательства, с первых же дней породила бесчисленные злоупотребления. Под угрозой отдания под суд рабочих заставляли выполнять тяжелую или непосильную работу, отказывали в увольнении, отпусках, запрещали отлучаться с работы в случаях острой необходимости.

На полную мощь была включена судебная машина. В Новосибирской области во второй половине 1940 года по Указу от 26 июня суды приговаривали к тюремному заключению или исправительным работам в среднем по 8—9 тысяч человек в месяц, в Красноярском крае — по 3 тысячи.

Очень много было осуждено молодых рабочих. Бывший заключенный И. Картель, отбывавший срок в мариинских лагерях в 1940 году, в своих воспоминаниях описывает такой эпизод:

«...Утром как-то, перед раздачей баланды, один з/к сообщает: — Вражат пригнали.

— Каких вражат?

— Нарушителей. Разлагателей трудовой дисциплины, которые подрывают социализм. Да много, — наверное, целый эшелон.

И правда — по лагерю шатались без дела группы подростков, мальчишки и девчонки в вольной домашней одежде. Подумалось: 8-классников или 7-классников учителя привезли сюда на экскурсию и оставили без присмотра. Подростки борются, подбрасывают вместо мяча шапки, а девчонки, взявшись за руки, поют модную тогда песню Ник. Богословского из нового кинофильма...

Узнаем: все из Ленинграда, по новому Указу об ответственности за опоздание на работу... Но они оставались детьми. ... беззаботно, как в школьный обеденный перерыв, резвились в лагере. Они даже не замечали ни колючей проволоки, ни настороженного взгляда часового на вышке.

Потом их пытались впрячь в работу, заставляли крутить колеса, тянуть нити. Но где им, детям, сравняться со взрослыми! Как только уставали руки, они плевали на все — на угрозы бригадира, на строгое предупреждение начальников, — уходили в свою компанию.

Наши блатяги быстренько почуяли добычу... .. Месяца через 2 малолеток в лагере не стало»²³.

Согласно официальной статистике в Новосибирской области за 11 месяцев со времени введения Указа от 26 июня было осуждено 84191 человек. В Красноярском крае — 28149 человек²⁴. Таких масштабов использования судебной машины против граждан история Сибири до сих пор не знала. По некоторым сведениям, в ряде городов Кузбасса в 1940 году, вследствие массового притока осужденных за прогулы и уход с работы, камеры временного заключения оказались переполненными.

Осужденные распределялись по таким категориям (по данным Новосибирской области за 1940 год)²⁵:

рабочие	—	40816 чел.	(76%)
служащие	—	7622	(14%)
железнодорожники	—	2979	(5%)
трактористы	—	2184	(4%)
комбайнеры	—	505	(1%)

Меры наказания

За прогулы:

- исправительно-трудовые работы до 6 месяцев — 31267 чел.
- исправительно-трудовые работы от 1 до 3 месяцев — 12961 чел.

За самовольный уход с работы:

- 4 месяца тюремного заключения — 5895 чел.
- от 2 до 3 месяцев заключения — 2353 чел.

Через аресты и принудительные работы по Указу от 26 июня прошло огромное количество занятого населения. Единственный учет по РСФСР на 1 января 1941 года показывал цифру привлеченных к «исправительному труду» около миллиона человек²⁶. Если учесть, что сроки по этому виду наказания составляли несколько месяцев, а общее количество осужденных оставалось относительно стабильным до самого начала войны и в первые ее месяцы, то станет ясно, что совокупная численность осужденных достигала нескольких миллионов.

Еще один Указ, от 10 июля 1940 г., устанавливал уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции с нарушением обязательных стандартов. Указанные действия приравнивались к вредительству²⁷.

Вообще стоит отметить, что в предвоенные годы судам была возвращена роль главного инструмента карательной политики правительства, утраченная в период большого террора. Положение стало примерно таким, каким оно было в 1933 году. Но в то время с помощью судов партия отчаянно боролась с «антиколхозными тенденциями» в деревне. Теперь же суровым судебным законодательством сталинцы силой насаждали строгий порядок и государственную дисциплину во всех сферах общественной жизни.

В Новосибирской области в 1940 году суды вынесли тысячи приговоров по Закону от 11 апреля 1937 года о принудительном взыскании недоимок по налогам, сборам и натуральным поставкам.

В этот же период 770 человек были осуждены на срок до одного года тюрьмы за «нарушение правил торговли» — в основном женщины-домохозяйки, занимавшиеся перепродажей печеного хлеба, они составляли 80 % осужденных²³.

По Указу от 28 декабря 1940 года «Об ответственности учащих ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины» жестокие меры применялись к молодым рабочим. В случаях самовольного ухода из училища ученики получали обычно 6–8 месяцев или год заключения в трудовую колонию.

Накануне войны страна «победившего социализма» становилась единым военно-трудовым лагерем с универсальной системой насилия и страха. Каждый рабочий окончательно закреплялся за предприятием, крестьянин — за колхозом, служащий — за учреждением, а все вместе представляли население, приписанное к государству с одним хозяином во главе. По внешним признакам была достигнута та цель всеобщего огосударствления, о которой Ленин писал в 1917 году, накануне октябрьского переворота. «Все граждане, — мечтал Ленин, — превращаются здесь в служащих по найму у государства... Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». ...Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПАНО, ф.4 60, оп. 1, д. 14, л. 28.

² Омская правда. 1938. 21 октября.

³ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 65, л. 50б

⁴ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева// Вопросы истории. 1990. № 4. С. 78.

⁵ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 76, л. 9.

⁶ Там же, д. 65, л. 54.

⁷ Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы. Уфа, 1994. С. 317–318.

⁸ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 65, л. 54.

⁹ Архив УВД Амурской области, д. СО-6579, л. 126.

¹⁰ ПАНО, ф. 460, оп. 1, д. 10, л. 1–2; ф. 4, оп. 34, д. 65, л. 57.

¹¹ Расправа. Прокурорские судьбы. М., 1990. С. 307.

¹² ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 80, л. 41–42.

¹³ ГАНО, ф. 1027, оп. 9, д. 1, л. 8; ф. 1199, оп. 1, д. 4, л. 170; д. 11, л. 45.

¹⁴ ПАКК, ф. 26, оп. 3, д. 8, л. 46–49.

¹⁵ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 61, л. 38.

¹⁶ ПАКК, ф. 26, оп. 3, д. 8, л. 12.

¹⁷ Архив Президента РФ, («особая папка»).

¹⁸ ПАНО, ф. 460, оп. 1, д. 10, л. 118.

¹⁹ ПАНО, ф. 4, оп. 33, д. 238-А, л. 27.

²⁰ ПАНО, ф. 460, оп. 1, д. 17, л. 99.

²¹ История советского государства и права. Кн. 3. М., 1985. С. 175.

²² ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 86, л. 1–2.

²³ Картель И.А., Сизов В.И., Хитарова Т.М. Пока лышу — надеюсь. Кемерово, 1991. С. 75–76.

²⁴ ПАКК, ф. 26, оп. 3, д. 151, л. 147; ГАНО, ф. 1199, оп. 1, д. 14, л. 73.

²⁵ ГАНО, ф. 1199, оп. 1, д. 11, л. 46.

²⁶ ГАРФ, ф. 9414, оп. 1доп, л. 367, л. 3.

²⁷ История советского государства и права. Кн. 3. С. 174.

²⁸ ГАНО, ф. 1199, оп. 1, д. 14, л. 103.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

2. НОВЫЕ СПЕШПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Предвоенные политические маневры сталинцев, результатом которых было присоединение к СССР территорий соседних государств вдоль западной границы, существенным образом повлияли на положение ссылки в Сибири. В 1940–1941 годах Сибирь стала одним из основных регионов страны, куда

были брошены десятки тысяч депортированных граждан Польши, Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики. С этого периода сибирская ссылка теряет преимущественно крестьянский («кулацкий») характер и становится частью этнической ссылки¹.

Новые жертвы сталинской карательной политики официально распределялись на две основные категории — «спецпоселенцев» и «ссылнопоселенцев». «Спецпоселенцы» представляли наиболее многочисленную группу и по учетным данным НКВД именовались «польскими осадниками и беженцами».

Статус осадника определялся несколькими признаками. Как пишет исследователь этой проблемы В.Земсков, в осадники попадали «в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 года и получившие в 20-х–30-х годах землю в районах, заселенных украинцами и белорусами. Кроме того, они выполняли определенные полицейские функции в отношении местного населения»². В некоторых документах НКВД в числе осадников называются также «лесники» — «охранники помещичьих лесов, жестоко обращавшиеся с населением»³.

Категорию «беженцев» представляли граждане тех же областей Украины, Белоруссии и Польши, но главным образом еврейского происхождения. Это были преимущественно люди интеллектуального труда, а также те, кто прежде занимался торговлей и посредническими операциями. Согласно учету НКВД, среди беженцев, прибывших в Молотовскую (современная Пермская) область, евреи составляли 88,6%, в Новосибирскую область — 85%, в Якутию — 76,5%, Марийскую АССР — 74,6%⁴. Нетрудно понять, что беженцами оказались жертвы раздела Польши, которые, спасаясь от преследования нацистов, стали добычей НКВД. Обычным мотивом для их ареста и высылки в глубинные районы Советского Союза служило заявление о желании покинуть СССР. Один официальный источник так и сообщает: беженцы — люди «зарегистрировавшиеся на выезд».

Операция по отлову осадников и их выселению из новых областей Украины и Белоруссии проводилась с 10 февраля

1940 года. Она закончилась арестом 139596 человек (28631 семья), из них 30% были отправлены в районы Западной и Восточной Сибири, остальные расселены в спецпоселениях Архангельской, Вологодской, Ивановской областей, Урала и Казахстана⁵.

Затем последовала акция выселения беженцев. Период ее проведения — 29 июня–июль 1940. Всего было выселено 76382 человека (25682 семьи). 36% беженцев вывезли в Сибирь⁶. Места расселения спецпоселенцев — польских осадников и беженцев в Сибири (по состоянию на 1 января 1941 г.)⁷:

Место высылки	Всего	В том числе (чел.)	
		Осадники	Беженцы
Новосибирская область	19112	3105	16007
Алтайский край	10132	6047	4085
Красноярский край	14787	13532	1255
Омская область	8596	6992	1604
Иркутская область	13916	11578	2338
Якутская АССР	2371	—	2371
ИТОГО:	68914	41254	27660

Принципиальное отличие, которое советское руководство делало между осадниками и беженцами, заключалось в их политическом статусе. Если первые рассматривались в качестве врагов, то ко вторым было отношение как к интернированным эмигрантам. На практике, по сведениям В.Земскова, различие выражалось в том, что беженцам предоставлялось определенное преимущество в обеспечении «относительно благоустроенным» жилищем, в снабжении продовольствием, теплой одеждой и так далее. Существование такого различия Земсков подкрепляет данными о меньшем уровне смертности у беженцев по сравнению с осадниками⁸. Утверждать, что реальное положение действительно отражало какие-то различия «политики» в отношении узников ГУЛАГа и что в сталинских лагерях кто-то мог проявлять интерес к «благоустройству» жилья для тысяч внезапно нахлынувших поляков, было бы явным преувеличением. Возможно, власти пытались разграничивать

категории спецпоселенцев посредством доступных им способов. Но все свидетельства говорят лишь об одной «политике»: в условиях спецпоселений жертвы депортации имели равные шансы на выживание и каждый боролся за свое существование самостоятельно, как мог.

18,5 тыс. спецпоселенцев (в основном беженцев), прибывших в Новосибирскую область в июле 1940 года, были разгружены в районах лесных массивов Томска, Зырянска, Асино и включены в систему Томасинлага НКВД — крупнейшего в Западной Сибири лесопромышленного комплекса. В этом десанте находились также «дети, не имеющие родителей и родственников»⁹. Прежде чем принять такое количество новой рабочей силы, Томасинлаг по приказу Берии был реорганизован: 13,5 тысяч заключенных с мая 1940 года стали перебрасывать в другие лагеря, чтобы освободить место для спецпоселенцев-беженцев и осадников. Когда новый «спецконтингент» доставили в «жилища», в которых недавно размещали заключенных, выяснилось, что мест для всех катастрофически не хватает. Администрация сообщала: на Асинском пункте, где раньше содержалось 2,3–2,5 тыс. заключенных, разместили 5,5–6 тыс. беженцев. «Большинство спецпоселенцев не имеют зимней одежды и обуви (валенки)... Всего детей школьного возраста — до 3-х тысяч человек»¹⁰.

В другом отделении лагеря, где размещалось около 5 тыс. беженцев, половина бараков «служат лишь защитой от дождя».

«Из-за отсутствия бараков, — сообщал один медработник, — спецпереселенцы располагаются под открытым небом, соорудив импровизированные шалаши, натянув одеяла, платки для защиты от дождя, подобрав бросовые доски и оборудовав из них нечто вроде топчанов или нар. В таком положении находится примерно около 1,5 тысяч человек. Весь же остальной контингент размещен в бараках, и при этом из-за отсутствия мест в них люди располагаются под нарами. ... Территория лагеря, в силу чрезмерной плотности ее заселения, очень сильно заражена отбросами, фекалиями, мочой... Транспорт не справляется с вывозкой нечистот, они переполняют приемники, выливаются на поверхность и заражают территорию. В лагере несметное количество мух...»¹¹.

Выяснилось и еще одно обстоятельство. «Вновь прибывшая рабочая сила, за единичным исключением... люди умственного труда, а не физического», поэтому выполнять работу на лесоповале вместо заключенных некому. В сентябре 1940 г. секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин докладывал Сталину:

«Из 10300 чел., прибывших спецпереселенцев-беженцев, способных к физическому труду оказались только 4100 чел... Обком просит... прекратить дальнейшую отправку з/к»¹².

Действительное положение спецпоселенцев отличалось от положения заключенных лишь тем, что для них не были предусмотрены конвой, постоянная охрана и соседство с уголовниками. Беженцы могли общаться с местным населением и часто пользовались этим, меняя хлебные пайки на молочные продукты для своих детей. В полной мере они были обеспечены только работой. Их пытались использовать исключительно на тяжелых массовых работах — лесозаготовках в лесных и золотодобывающих трестах. С этой целью беженцев и осадников расселяли на лесных участках по 10–50 семей, сколотив на скорую руку подобие лагерных бараков. Но добиться выполнения каких-либо планов администрация была уже не в силах — у многих спецпоселенцев не было даже одежды, чтобы выходить на работы.

Катастрофическое положение, в котором оказались эти люди в Сибири, вызывало иногда вспышки стихийного протеста.

В августе 1940 г. цепь массовых выступлений произошла в Томасинлаге. Спецпоселенцы, как сообщал один из работников НКВД, организовали «открытые контрреволюционные выступления» и требовали права покинуть лагерь. В связи с тем, что «беспорядки» приняли широкий размах и не были подавлены в самом зародыше, начальник лагеря Борисов лишился своего поста¹³.

Среди спецпоселенцев были люди самых разных профессий и занятий: инженеры, преподаватели, ветеринары, бухгалтеры, портные, адвокаты, врачи и медицинский персонал, шоферы, трактористы, механики. В некоторых спецпоселениях

сидели вузовские профессора и научные работники, а в Иркутской области на учете состоял один академик¹⁴.

Весь период пребывания в ссылке беженцы и осадники забрасывали администрацию заявлениями о выезде в Германию, Америку или Палестину, доказывая очевидное — что они не граждане СССР и у советских властей нет права их задерживать. Многие из них находились в состоянии постоянного ожидания изменений в судьбе, не стремились обустроиться или как-то наладить быт для продолжительной жизни в ссылке. Самые отчаянные совершали побег в одиночку или группами.

Накануне войны, в июне 1941 года, в Сибирь стали прибывать новые жертвы сталинских чисток — «ссыльнопоселенцы». В сводках НКВД они значились как «семьи репрессированных или находящихся на нелегальном положении глав семей из западных областей Украины». Основная часть этих людей направлялась в северные районы Новосибирской области — в спецпоселки Нарымского округа. Уже в начале июня здесь было размещено 2367 человек (628 семей), а в первые дни войны ожидалось прибытие еще около 18 тысяч человек¹⁵.

Таким образом, к началу войны НКВД превратило сибирскую ссылку в огромный резервуар, в котором имелся теперь «польско-еврейско-украинский элемент». По необходимости Сталин мог добавить к нему любой другой, возникавший на его пути к господству в стране и мире. Но с июня 1941 года ему пришлось переключиться на ведение войны с Германией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследователи С. Красильников и В. Данилов называют ее «территориально-этнической». (Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939—1945. Новосибирск, 1996. С. 3).

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования, 1990. № 11, С. 5.

³ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 125, л. 311.

⁴ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 62, л. 58.

⁵ Там же, д. 61, л. 34.

⁶ Там же, д. 62, л. 52.

⁷ Там же.

⁸ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 5.

⁹ ПАНО, ф. 4, оп. 4, д. 322, л. 5.

¹⁰ Там же, д. 450, л. 63.

¹¹ ГАРФ, ф. 1020, оп. 4а, д. 17, л. 23.

¹² ПАНО, ф. 4, оп. 4, д. 450, л. 52—53.

¹³ Там же, оп. 33, д. 238-а, л. 15—16.

¹⁴ ГАРФ, ф. 9479, оп. 1с, д. 61, л. 68.

¹⁵ ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 125, л. 311.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика террора, осуществлявшаяся волнообразно на протяжении всего периода 30-х годов, радикально изменила картину общественного развития в советском государстве.

Прежде всего изменилась общая социальная атмосфера. Ее постоянным элементом сделался страх. Чувство незащищенности и страха перед государством и его институтами стало неотъемлемой частью существования любого советского гражданина, независимо от общественного положения. Это чувство буквально пропитывало каждую социальную ячейку, захватывая сознание людей с раннего возраста. Оно внушалось не только ежедневной пропагандой, показательными процессами и суровым сталинским законодательством. Множеством невидимых, но вполне осязаемых для большинства граждан способов его распространяла система ГУЛАГа. К началу 40-х годов, когда схлынули основные волны массовых арестов и депортаций, уже миллионы советских людей имели родных, близких или знакомых среди тех, кто находился в заключении или ссылке. Фактом своего существования ГУЛАГ служил лучшей агитацией против всякой самостоятельной позиции и идейных заблуждений.

В результате бесчисленных арестов, депортаций, раскулачиваний и вызванных ими хаотических миграций громадных людских масс произошел подлинный переворот в социальной структуре населения Сибири. Огромные человеческие потери понес каждый общественный слой, а некоторые группы населения, представлявшие так называемые эксплуататорские классы и отдельные национальные меньшинства, исчезли едва ли не полностью.

Совершенно очевидно, что на территории сибирского региона репрессивная сталинская политика прошла через те же формы и стадии, что и в других областях страны. Основные

различия могли определяться только одним: абсолютными масштабами человеческих потерь, в зависимости от общей численности населения, проживающего в данном регионе.

И все же, по своим условиям Сибирь несколько отличалась от остальных частей Советского Союза.

Наличие здесь огромных свободных территорий, к тому же находящихся на значительном удалении от основных районов урбанизации, позволило режиму Сталина образовать в Сибири беспрецедентную в истории крестьянскую резервацию, именованную кулацкой ссылкой. Ссылка имела двойное назначение. Она служила местом заключения депортированных крестьян вместе с другими жертвами различных чисток и в то же время играла роль внутренней колонии, поставлявшей дешевые сырьевые и промышленные товары. Подобных зон изоляции было немало разбросано по всему сталинскому государству, но наибольшее их скопление отмечалось именно в Сибири.

Как важный стратегический и экономический регион Сибирь была постоянно и самым тесным образом связана с политическими процессами, происходившими в СССР в 30-е годы. Каждый крупный шаг Кремля, несомненно, имел свой резонанс в судьбе этого края. Но события политической жизни Сибири иногда также играли исключительную роль. В отдельные периоды влияние событий в самой Сибири оказывалось настолько важным и глубоким, что их последствия находили отражение в общей политике режима. Здесь, в Сибири, Сталин приобретал свой личный опыт покорения крестьянства и опыт кадровых манипуляций, а его исполнители разыгрывали первые сценарии показательных судебных процессов и отрабатывали методы массового террора.

Одним из самых сложных вопросов в изучении репрессивной сталинской политики остается вопрос о численности людских потерь. Поиски ответа на него до сих пор наталкиваются на трудно преодолимое препятствие — отсутствие достаточно надежных источников. Если в определении общего числа жертв в СССР периода 30-х годов уже достигнуты отдельные результаты, и статистика, извлеченная из архивов историками, обретает какие-то рамки, то на региональном уровне дело об-

стоит иначе. Указ президента России о передаче документов исторического характера из фондов бывшего ОГПУ—НКВД—КГБ в большинстве случаев не выполняется или просто игнорируется. Таким образом, исследовательская работа по выяснению последствий сталинской политики по-прежнему откладывается на неопределенный срок. Единственным направлением, в рамках которого еще продолжается восстановление картины сталинской эпохи, остается публикация списков жертв политических репрессий. В ряде областей России уже изданы «Книги памяти». В Сибири опубликованы отдельные списки в Алтайском крае, Кемеровской и Томской областях. Но этой важной работы нет пока в других краях и областях. Современное российское общество остается в моральном долгу перед своими соотечественниками, память о которых все еще сокрыта в архивных хранилищах государства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

ПАМЯТКА

уполномоченному ЗСКИКа по проведению и выселению кулаков из _____ района

1. В первый день по приезде в район уполномоченного в районе создается пятерка в составе уполномоченного ЗСКИК"а, секретаря РК ВКП(б), председателя РИК"а, уполномоченного ОГПУ и председателя райколхозсоюза, каковая приступает к просмотру дел, используя налоговые дела, данные ОГПУ и РУМ и составляет предварительные списки кулаков по сельским советам.

2. По рассмотрению и составлению списков по сельсоветам комиссия назначает и немедленно рассылает со списками уполномоченных РИК"а по сельсоветам, одновременно телеграфирует комендантскому отделу ЗСКИК"а предварительное количество намеченных к выселению хозяйств для дачи нарядов на вагонов.

3. По приезде уполномоченного РИК"а в сельсовете создается сельская комиссия в составе: уполномоченного РИК"а, секретаря ячейки ВКП(б), председателя колхоза и председателя сельсовета.

4. Намеченные к выселению кандидатуры сельская комиссия по проработке на заседании комиссии и партячейке выносит на обсуждение собрания актива колхозников, батраков и бедняков и после проработки кандидатур с активом выносятся на общее собрание граждан села, где делается доклад о выселении кулаков на основе сплошной коллективизации. Постановление общего собрания о выселении намеченных кулацких хозяйств утверждается сельсоветом и немедленно нарочным со всеми данными на каждое хозяйство высылаются на утверждение РИК"а.

С момента объявления кандидатур подлежащих выселению, до утверждения постановления сельсовета РИК"ом, сельская комиссия путем выделения сельского актива из батраков, бедняков, партийцев и колхозников устанавливает наблюдение за кулаками подлежащими выселению на предмет: предотвращения побегов, распродажи, уничтожения имущества, раздачи его родственникам и прочих антисоветских выступлений.

5. Вся работа по экспроприации и выселению кулаков должна проходить на основе сплошной коллективизации, при широчайшем участии колхозников, батраков, бедняков и сель актива, при массово-разъяснительной работе по вовлечению в колхозы.

6. Уполномоченные ЗСКИК строго руководствуются данной установкой о недопустимости применения мероприятий экспроприации и выселения по отношению к середняку.

7. По всем остальным практическим вопросам уполномоченный ЗСКИК действует согласно установок, данных на совещании, указаний постановления фракции ЗСКИК и инструкций комендантского отдела ЗСКИК.

*Председатель комиссии Горбунов.
ПАНО, ф. 3, оп. 3, д. 57, л. 95-96.*

№ 2

Совершенно секретно

СПРАВКА

о количестве исключенных из партии, выбывших и восстановленных членов и кандидатов в члены ВКП(б) по Западно-Сибирской парторганизации с 1926 по 1936 год (в сопоставимых границах края)

Год	Численность всей парторганизации	Исключено	Механически выбыло	Восстановлено
1926	34766	1204	516	105
1927	38040	1204	516	105
1928	41549	1400	516	105
1929	48440	6150	566	430
1930	57191	3656	570	255
1931	59371	4060	2018	532
1932	91404	5757	7312	724
1933	117599	8990	10967	560
1934	78595	19792	4884	1990
1935	55994	8645	1096	1228
1936	46374	2947	421	572
Всего за 11 лет:		63805	29382	6606

В настоящее время в Западно-Сибирской краевой партийной организации — 44221 членов и кандидатов. По отношению к нынешнему составу Западно-Сибирской краевой партийной организации

количество исключенных и механически выбывших за 11 лет составляет 195 %.

Заведующий ОРПО И. Ляшенко

5 февраля 1937 года.

ПАНО, ф. 3, оп. 10, д. 98, л. 16; оп. 11, д. 24, л. 16-17.

№ 3

Совершенно секретно

УТВЕРЖДАЮ:
ПП ОГПУ по ЗСК Л.Заковский

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по делу контр-революционной вредительской организации «Трудовая Крестьянская Партия»

г. Новосибирск, март 1931 г.

Формула обвинения.

ПП ОГПУ по ЗСК раскрыта мощная к.-р. вредительская организация специалистов сельского хозяйства, являющаяся краевым филиалом ЦК «Трудовой Крестьянской Партии», осуществлявшая вредительскую деятельность по срыву социалистической реконструкции сельского хозяйства. В состав к.-р. организации входил ряд крупнейших специалистов сельского хозяйства, по своей идеологии и политической деятельности в прошлом стоявших на платформе либеральной демократии.

Руководящую роль в организации играли главным образом бывшие члены антисоветских партий — эсеры, народные социалисты, меньшевики и кадеты. (...)

Возникновение к.-р. организации относится к 1920—1923 гг., первоначально с зарождения к.-р. группировки в «Омском Сельскохозяйственном Обществе», существовавшем еще задолго до революции и объединявшем крупных землевладельцев — помещиков, кулаков и либеральную интеллигенцию, главным образом специалистов сельского хозяйства. (...)

В последующий период путем вовлечения новых членов и переходом ряда членов к.-р. группировки на работу в Сибземуправление, к 1925 г. центр к.-р. организации переместился в г. Новосибирск, захватив ряд руководящих должностей в Сибземуправлении — к этому времени фактически и относится оформление к.-р. организации.

К моменту ликвидации к.-р. организация имела свои ячейки и отдельных членов в Сибземуправлении, Сибплане, Сибполеводсоюзе, Сибсельмашсоюзе, Сибсельскладе, Сибирском управлении сельхозкредита, Районном переселенческом управлении, Краевой станции защиты растений, НИИ, Сибирском сельхозинституте и Краевой опытной станции.

Кроме этого, имелись к.-р. ячейки и отдельные члены в окрземуправлениях, на опытных станциях и полях в округах — Омском, Славгородском, Каменском, Томском, Красноярском, Минусинском и Иркутском, а также к.-р. ячейки в деревнях из числа кулаков-культурников, опытников.

...организация осуществляла вредительскую деятельность по подрыву сельского хозяйства и формировала к.-р. кадры для свержения Советской власти путем вооруженного восстания. ... основную деятельность направляла по линии искривления сельскохозяйственной политики, укрепления капиталистических элементов и воздействие через них на органы Советской власти.

По делу суду Коллегии ОГПУ передаются:

1. Марковский Святослав Святославович
2. Осипов Иван Иванович
3. Скалозубов Григорий Николаевич
4. Аристов Иван Васильевич
5. Шилдаев Иван Сергеевич
6. Ванюков Константин Андреевич
7. Сабашников Владимир Владимирович
-
35. Скворцов Николай Николаевич

Личный состав и построение к.-р. организации

Построение и состав к.-р. организации, не будучи формально обусловлены никакими документами... представляли собой вполне четкую к.-р. организацию с центральным руководством. (...)

Во главе к.-р. вредительского краевого центра стояли руководители организации — б. краевой агроном проф. ОСИПОВ И.И. и директор Западно-Сибирской опытной станции МАРКОВСКИЙ С.С. В руководящее ядро организации входили руководящие специалисты из различных областей сельского хозяйства: ФЕДОРОВСКИЙ В.А. —

зав. полеводческим отделом опытной станции, зав. отделом животноводства Сибзема НИКОЛЬСКИЙ Г.П., зав. отделом землеустройства МАКСИМОВ В.Е., зав. опытным отделом ХРУЦКИЙ Н.А., зав. экономическим отделом ЖУЙКОВ И.М. (впоследствии крайагроном), б. директор Восточно-Сибирской опытной станции проф. САБАШНИКОВ В.В., б. Омский губагроном СКОРНЯКОВ И.Н.

В свою очередь, руководящий состав к.-р. организации увязан был с к.-р. ЦК «Трудовой Крестьянской Партии» в лице А. ЧАЯНОВА, С. ЧАЯНОВА, ДОЯРЕНКО и других. (...)

Направляется для рассмотрения в Коллегию ОГПУ

*Нач. ЭКО III ОГПУ по ЗСК ВОЛКОВ
Нач. 4 отделения ЭКО III ОГПУ по ЗСК БОЛОТИН*

1931 г., 27 февраля
г. Новосибирск

Архив ФСБ по Новосибирской области,
д.12628, с.3-217. Типографский экз.
Публикуется с сокращениями.

И 4

МАТЕРИАЛЫ

к докладу о карательной политике по контрреволюционным делам на заседании бюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) 13 июня 1931 года

За период с 1/X — 1930 г. по 1/V — 1931 г. за контрреволюционные преступления в судебном порядке привлечено 386 человек. Из них:

- а) за террор против актива — 220 чел.
 - б) за поджоги колхозного имущества — 39 чел.
 - в) за контрреволюционную агитацию — 91 чел.
 - г) за другие контрреволюционные преступления — 36 чел.
- Всего: 386 чел.

Во внесудебном порядке осуждено 3151 чел. ...

*Подпись: Крастин
Иркутский ЦДНИ, ф.123, оп.1, д.119, л.247.
Публикуется с извлечениями.*

№ 5

Строго секретно

МАТЕРИАЛ

от 3 сентября 1931 г.

к резолюции по докладу т. Зирнис на бюро Крайкома ВКП(б) о политическом состоянии Восточно-Сибирского края (на заседании 4/IX-1931 г.)

(...) Установлено, что имевшие место бандитско-повстанческие выступления в Нерч[инско]-Заводском и Газимур[о]-Заводском районах были инспирированы и руководились из-за рубежа. (...)

Тактической особенностью зарубежных к.-р. организаций на данный период является стремление распространить свою организацию на западные районы нашего края.

... воспользовавшись имевшими место крупными перегибами в ряде районов, сумели организовать к.-р. повстанческие выступления.

Всего ликвидировано за 1931 год 30 к.-р. организаций с числом участников 3599 человек.

Упорство к.-р. повстанческих организаций характеризуется количеством потерь с нашей стороны. Так, убитых — 30 чел., раненых — 31 чел. Из них — сотрудников ОГПУ и ВОГПУ: убито — 14, ранено — 15 чел.

...руководящее положение в к.-р. организациях заняли кулаки и б. белые офицеры... в качестве вождей выдвигались и лица из середняцкого состава.

... Благодаря принятым профилактическим мерам по линии ОГПУ были предупреждены... к.-р. повстанческие выступления в 45 районах. 23 к.-р. организации были своевременно в этих районах ликвидированы.

Классовая борьба в деревне

(...) За период с момента организации края, помимо повстанческих вооруженных выступлений и ликвидированных повстанческих организаций, имели место 23 случая массовых выступлений в деревне, охватившие 84 района с количеством участников 3289 чел. Причем основное количество этих выступлений падает на западные районы. Около 25 % всех участников составляли женщины. Основной процент выступлений падает на весенние месяцы, на посевную кампанию.

... повстанческие выступления в бывших партизанских районах показали отсутствие должной политической дифференциации среди бывших красных партизан, наличие значительного количества лжепартизан...

Классовая борьба на участке экономики

Особую активность классовый враг проявил в области экономики края по линии вредительства. С момента организации края органами ОГПУ раскрыты вредительские дела в основных областях промышленности (золотой, угольной, слюдяной, лесной, лесохимической, госречфлот). Всего раскрыто вредительских очагов на 26 промышленных объектах. Вредители ставили целью: «омертвление (...) средств, ассигнуемых государством, сокращение использования мощностей действующих золотодобычных предприятий» (из обвинительного заключения). В области угольной промышленности: а) полную ликвидацию части шахт и дезорганизацию остающихся, б) срыв механизации производственных процессов и торможение применения новых методов...

Вредительство в сельском хозяйстве шло главным образом по линии срыва строительства зерновых и животноводческих совхозов.

...

III ОГПУ ВСК Зирнис

Иркутский ЦДНИ, ф.123, оп.2, д.119, л.419-426.
Публикуется в сокращении.

№ 6

СЕКРЕТНАЯ ДИРЕКТИВА

Западно-Сибирского Крайкома ВКП(б) и Крайисполкома от 28 марта 1933 года.

Секретарям райкомов партии, председателям райисполкомов

Несмотря [на] ряд директив Крайкома, [до] сих пор [к] конкретному руководству [в] селах подготовкой единоличных хозяйств райкомы [и] райисполкомы почти не приступали...

Крайком [и] Крайисполком предлагают принять немедленно следующие меры:

1) с 1 по 10 апреля провести поголовную проверку через сельсоветы каждого единоличного хозяйства готовности его [к] севу;

2) ... организовать протравливание семян...

3) [в] отношении демонстративно отказывающихся [от] принятия, а также [от] выполнения задания сева, проведения агроминимума применять постановление третьей сессии ЦИК [об] отобрании приусадебных участков (не больше 10–15 человек на район). Из них [к] отдельным наиболее злостным хозяйствам применять немедленные аресты [по] линии ГПУ, широко и умело используя эти меры для воздействия [на] остальных единоличников. [В] отношении хозяйств, злостно отказывающихся [от] сева, применять закон [об] обязательном использовании их лошадей, инвентаря в колхозах...

г. Новосибирск

Эйхе, Грядинский

ПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 427, л. 27–28. Телеграфом.
Публикуется в сокращении.

№ 7

Утверждаю:

13 мая 1933 г.

ПП ОГПУ ЗСК Н.Н. Алексеев

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу к.-р. белогвардейской повстанческой организации в
Западно-Сибирском крае

(...) В Западной Сибири сохранились мощные кадры белых офицеров в количестве до 10000 чел. (...) В начале 1933 г. в белой прессе были помещены под большими заголовками сообщения о широком вооруженном восстании в Сибири, в частности, в Новосибирске, Барнауле и Бийске.

Так, «Возрождение» в № 2793 от 24/1-33 г. писало:

«Вооруженное восстание в Сибири. Бой идет десятый день. 40000 партизан в районах Новониколаевска, Барнаула и Бийска. К повстанцам переходят отряды красноармейцев.

Восстанием охвачен весь Алтайский округ. Железнодорожное сообщение на линии Новониколаевск — Барнаул прервано. Не работает также телеграф и неизвестна судьба советских чиновников и местных полицейских отрядов...

Непроверенные данные исчисляют партизанские силы в 40000 человек, не считая невооруженную деревенскую массу. Небольшой гарнизон Бийска и учебная команда молодых красноармейцев перешла к партизанам. ...»

В январе 1933 года ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю раскрыта к.-р. белогвардейская организация, подготовлявшая вооруженное восстание. (...)

Всего следствием установлено 238 ячеек и 2114 участников организации. К.-р. организация охватила своим влиянием 44 района края, 194 населенных пункта. При аресте у членов организации изъято 547 единиц оружия. Организация возглавлялась краевым руководящим центром в Новосибирске, в составе следующих лиц:

1. БОЛДЫРЕВА Василия Георгиевича — б. верховного главнокомандующего войсками Уфимской Директории. Б. генерал-лейтенант, б. профессор военной академии генштаба, работал в ИПЭИ [институт промышленно-экономических исследований — Авт.] и редакции Сибирской Советской Энциклопедии — идейно-политический руководитель к.-р. организации;

2. БУТЕНКО Харитона Ефимовича — б. полковника, командира крепости в г. Владивостоке. При Колчаке — командующий войсками Приморского правительства. Работал коммерческим директором Лесоснабсбыта в Новосибирске;

3. ШАВРОВА Николая Павловича — б. бригадного врача армии Колчака, профессора. Работал зав. кафедрой в кооперативном институте и директором химико-фармацевтического института;

4. КРАСНОВА Григория Андриановича — б. товарища министра финансов правительства Колчака и управляющего ведомством Гос. Контроля при правительстве Колчака. Работал зав. сектором крайплана. Судим за деятельность при Колчаке, приговаривался к ВМН, амнистирован;

5. ЧЕРЕМНЫХ Георгия Ивановича — б. видного земского работника, б. председателя земской управы г. Дарница (Украина). Работал преподавателем, научным сотрудником;

6. ЛАКСБЕРГА Ивана Августовича — б. капитана колчаковской армии. Работал в Сиблесохиме ученым лесоводом.

(...)

Основными руководителями повстанческой деятельности являлись:

1. ШАТИЛОВ Михаил Бонифатьевич — б. министр Сибирского Областного правительства.

2. ШЕМЕТОВ Алексей Семенович — б. генерал-майор, командующий 2-й Оренбургской казачьей дивизией.

3. СТЕПАНОВ Разумник Петрович — б. генерал-майор, командовал 1-й Оренбургской казачьей дивизией.

4. **БУЛАТОВ** Евгений Васильевич — б. полковник, командующий 7-й Сибирской дивизией войск генерала Пенелеева.

(...)

К.-р. белогвардейская организация ген. Болдырева объединила следующие к.-р. образования:

1. К.-р. белогвардейскую организацию офицеров б. отряда **БАКИЧА**, возглавляемую генералами **СТЕПАНОВЫМ**, **ШЕМЕТОВЫМ**, имеющую ряд боевых к.-р. ячеек в г. Ново-сибирске и широкое к.-р. повстанческое подполье на Алтае, в районах б. Бийского, Барнаульского округов и Ойротской области.

2. К.-р. белогвардейско-партизанскую организацию на Алтае, по которой установлено 109 к.-р. повстанческих ячеек организации с общим числом участников 1102 чел. Организация охватила своей деятельностью 123 населенных пункта.

3. К.-р. белогвардейскую организацию Омских районов, возглавляемую б. полковниками **ШАЙТАНОВЫМ** и **ПОДКОРЫТОВЫМ**. Организация насчитывала 59 ячеек, 411 членов, охватила 6 районов, 25 населенных пунктов.

4. К.-р. белогвардейскую организацию г. Барнаула, насчитывавшую 57 участников.

5. К.-р. повстанческую организацию на территории б. Минусинского округа и Хакасии, возглавляемую **ПАРЫГИНЫМ**. Организация насчитывала 280 членов, охватила влиянием 33 населенных пункта.

6. К.-р. белогвардейскую организацию в г. Томске, возглавляемую б. полковником генштаба **ПЕТРОВЫМ** и капитаном **ПЕПЕЛЯЕВЫМ**. По организации проходит 73 чел.

7. К.-р. диверсионно-подрывную ячейку в с. Прокопьевске, возглавляемую б. белым офицером **КУДРЯВЦЕВЫМ**, в составе 13 чел.

8. К.-р. белогвардейскую организацию в Ойроти. Арестовано 9 чел. во главе с б. белогвардейским полковником **ПОМЕРАНЦЕВЫМ**.

9. К.-р. боевую ячейку в г. Сталинске, возглавляемую б. полковником **КАЙДАЛОВЫМ**, в составе 5 чел.

10. В Новосибирске к.-р. организация имела 26 боевых ячеек со 146 участниками.

Всего по делу арестовано 1759 чел. Из них по социальному положению: дворян — 18, купцов — 6, торговцев — 10, помещиков — 2, кулаков и зажиточных — 646, служащих — 505 (из них б/б офицеров — 362) и прочих — 572 чел.

Из них: б. колчаковских министров — 2, б. генералов — 3, полковников и подполковников — 21, офицеров — 362, казачьих атаманов — 15, казачьих урядников — 21, попов — 110, б. красных партизан — 381.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Зарождение к.-р. белогвардейской организации относится к 1926 г., к моменту созыва I-го научно-исследовательского съезда Сибири. Инициатива его созыва принадлежала группе в составе: **ЧЕРЕМНЫХ** Георгия Ивановича, сына читинского золото-промышленника, **ЯНИЦКОГО**, активного эсера, освободившегося из концлагеря, где отбывал наказание за антисоветскую деятельность, **ОРЛОВОЙ** Елены Николаевны, проф. **НОВОМБЕРГСКОГО**, проф. **ТЯПКИНА** и других. (Из показаний Краснова).

В процессе подготовки и проведения съезда, из остатков белогвардейщины создалась к.-р. группа, объединившаяся впоследствии вокруг Общества изучения Сибири и ставшая затем центральной к.-р. группой, а в дальнейшем — центром к.-р. белогвардейской организации.

Далее Краснов показывает:

«На съезде **СВОРОВСКИЙ**, **ДРАВЕРТ** и другие выступили с антисоветскими речами, демонстрируя свое враждебное отношение к Советской власти, мобилизуя на данных позициях весь остальной повстанчески настроенный состав съезда. Таким образом на самом съезде произошла полная консолидация а/с сил. ... указанная группа сумела создать на съезде руководящий орган правления Общества изучения Сибири и производительных сил целиком из своих людей. Так, например, в него избраны: **ЧЕРЕМНЫХ**, **АУЭРБАХ**, я — **КРАСНОВ**, **БОЛДЫРЕВ**, **КАЗАРИНОВ**, **ОСИПОВ**».

К началу 1932 г. центром к.-р. организации был поставлен вопрос о практической подготовке вооруженного восстания...

О создании к.-р. группы в Новосибирске обвиняемый **ИВАНОВ** Б.П. показал:

«С 1930 г. создались к.-р. ячейки, во главе которых становятся: в г. Томске — **ЗИКЛИНГ**, в Новосибирске — я. В состав Новосибирской ячейки входили в качестве актива — я, Борис Павлович **ИВАНОВ**, А.А. **ФЕДОРОВ**, инж. **ПОПОВ**, проф. **ФИОЛЕТОВ**, **ВЕЛЕЖЕВ** А.А., **ВОСТОКОВ**, **ИСТОМИН**.

Кадры, которые подвергались обработке в к.-р. организацию, состояли из следующих лиц: **ЗАРНИЦЫН**, инж. **ШИША**, инж. **МОШКУНОВ**, ...

КАЗАРИНОВЫМ была создана к.-р. подрывная ячейка из трех человек. Его показания:

«Я лично руководил отраслевой к.-р. ячейкой по линии редакции Сибирской Советской Энциклопедии. В состав этой ячейки входили: **ВЯТКИН** Георгий Андреевич, в прошлом поэт ставки Колчака, и **МЕЛИКОВ** Евгений Михайлович. Подрывная работа в

области Сибирской Энциклопедии выражалась в проведении идеологически вредных статей и в привлечении авторов из числа к.-р. настроенных лиц».

*Начальник СПО ПП ОГПУЗСК Ильин
Начальник IV отделения СПО Ягодкин*

*Архив ФСБ по Новосибирской области, д. 7285.
Публикуется в сокращении.*

№ 8

ИЗ СТЕНОГРАММЫ
выслушания секретаря Новосибирского обкома ВКП(б)
на совещании парткомов 4 февраля 1938 года

...В 1937 году в Новосибирской области было исключено из партии 2746 коммунистов. Это составляет 10,6 % к составу всей организации. В некоторых районах процент исключенных еще выше. Например, в Юргинском районе исключено 30,7 %, в Чебулинском — 30,9 %, в Кожевниковском — 31,9 %, в Куйбышевском — 29 % ...

ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 38, л. 31.

№ 9

*Секретарю Новосибирского
обкома ВКП(б) т. Алексееву*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
о недочетах в ходе весеннего сева по колхозам
Новосибирской области

по состоянию на 26 апреля 1938 г.

Несмотря на то, что многие районы приступили к работе уже как 10 дней, до сих пор имеется мизерное количество засеянных площадей...

В Новосибирском и ряде других районов установлено, что многие руководители колхозов не приступают к севу, боясь того, что якобы скоро должны быть крепкие заморозки, которые могут повредить всходы...

По целому ряду контрреволюционных подрывных групп и одиночек даны указания РО НКВД о привлечении виновных к ответственности.

Всего за период подготовки к севу ликвидировано 168 контрреволюционных групп, по ним привлечено 806 человек.

*Нач. УНКВД по НСО ст. м-р ГБ Горбач
Нач. 4 отдела УТБ УНКВД л-т ГБ Пастагогов*

29 апреля 1938 г.

ПАНО, ф. 4, оп. 34, д. 63, л. 46-56.

№ 10

ИЗ ПОКАЗАНИЙ БЫВШЕГО НАЧАЛЬНИКА
1 отделения 4 отдела УНКВД ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
КОТИНА И.Ф. от 17 мая 1939 года.

...К некоторым арестованным применялись физические меры воздействия, как то: стояние на ногах и рукоприкладство. Эти методы были привезены в 1937 году московской следственной бригадой в составе КОЧЕРГИНСКОГО, ШНЕЙДЕРМАНА и других. Кроме того, в Иркутске осенью 1937 года был бывший зам. наркома НКВД СССР комкор ФРИНОВСКИЙ, который передопрашивал руководителей право-троцкистской организации: КОРШУНОВА, ПАХОМОВА, ПАПЕРНОГО, БЯЛОГО и других, тоже допускал такие методы допроса...

В Иркутске ФРИНОВСКИЙ выслушал доклады по делам начальников отделов, а затем предложил вызвать на допрос арестованного КОРШУНОВА и в моем присутствии и присутствии МИРОНОВА С.Н. стал передопрашивать его в части показаний на ЗИРНИСА и других работников НКВД. КОРШУНОВ их подтвердил, но... далее начал колебаться. ФРИНОВСКИЙ начал его бить — КОРШУНОВ заявил, что он ЗИРНИСА и других сотрудников оклеветал...

Затем БЯЛОГО допросил ФРИНОВСКИЙ... БЯЛЫЙ стал колебаться и заявил, что он наврал на ЛЕПСИСА и что фамилию ему подсказал следователь...

*Архив ФСБ по Иркутской области,
д. 1527, л. 224-225. Извлечения.*

ПРИМЕЧАНИЕ

Коршунов С.П. — 2-й секретарь Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б).

Пахомов Я.З. — председатель Восточно-Сибирского крайисполкома, затем председатель Иркутского облисполкома.

Паперный Л.Л. — руководитель отдела крайкома ВКП(б).

Лепсис Р.К. — комбриг, начальник Управления пограничных и внутренних войск НКВД в Восточно-Сибирском крае.

Зирнис Я.П. — начальник УНКВД Восточно-Сибирского края в 1930—1937 гг. Расстрелян.

Миронов С.Н. — начальник Иностранного отдела НКВД СССР в 1937—1938 гг. Расстрелян.

Бялый И.А. — в 1926—1931 гг. — зав. кафедрой политэкономики Иркутского университета, в 1934 — секретарь Восточно-Сибирского крайисполкома; после исключения из партии в 1935 г. за «троцкистскую деятельность» работал начальником Ангарского лес-промхоза. Покончил с собой в результате пыток.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДТО УНКВ — дорожно-транспортный отдел управления НКВД
 ВОГПУ — военизированная охрана
 ЗСКИК — Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет
 ЛПХ — лесопромышленное хозяйство
 МОПР — Международная организация помощи рабочим
 ПП ОГПУ — Полномоченное представительство ОГПУ
 ПУОКР — политическое управление военного округа
 райЗО — районный земельный отдел
 РКМ — Рабоче-крестьянская милиция
 УЛОН — управление лагерей особого назначения
 УНХУ — управление народнохозяйственного учета
 ШАБ — штаб авиабригады

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРЕЛЮДИЯ ТЕРРОРА	8
1. Открытие «хлебного фронта»	—
2. Исполнители	23
Глава II. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ и ЕЕ ЖЕРТВЫ	32
1. 1930 год	—
2. Истребительные акции 1931—1933 гг.	50
3. Спецпереселенцы	69
Глава III. ВРЕДИТЕЛИ и ОПОРТУНИСТЫ	83
1. Чистки начала 30-х годов	—
2. Идейные отступники	98
3. Операции в национальных районах	106
4. Лагерная система	115
Глава IV. ПОСЛЕДСТВИЯ УБИЙСТВА КИРОВА	148
1. Новая фаза чистки	—
2. Кемеровский процесс	162
Глава V. АПОГЕЙ ТЕРРОРА	174
1. Накануне	—
2. Заговорщики-партизаны	187
3. Военные терпят поражение	193
4. Кровавая карусель	203
Глава VI. ПРЕДВОЕННЫЕ МАНЕВРЫ	233
1. Изменения в карательной машине	—
2. Новые спецпереселенцы	247
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
ПРИЛОЖЕНИЯ	257
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	271

Научное издание

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ ПАПКОВ

СТАЛИНСКИЙ ТЕРРОР В СИБИРИ 1928—1941

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории СО РАН
на настольной издательской системе Word для Windows.
Гарнитура Times ET.

Сдано в набор 18.11.97. Подписано к печати 1.12.97.
Формат 60×84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 17. Тираж 450 экз. Заказ 180.

Отпечатано в Издательстве СО РАН.
Лицензия ЛР 020909 от 01.09.94.
630090, Новосибирск, 90, Морской пр., 2